Степанъ Посѣвинъ

РИГА

Степанъ Посѣвинъ

Гибель Имперіи

Сѣверный фронтъ

(Изъ дневника штабн. офицера для порученій)

IZDEVNIECIBA „ĒTIKA“
РИГА, Матвѣевская ул. № 115. кв. 8.

K. Narkeviča grāmatu spiestuve, Rigā. Elizabetes ielā 22.

Предисловіе.

Матеріалъ для тома „второго“ — „Во власти женщинъ. Любовь и жертвы“, какъ то было намѣчено при изданіи тома I, оказался довольно громоздкимъ и, по идейному содержанію, распался на двѣ неравныя части. Почему идя на встрѣчу читателямъ, по коректурнымъ соображеніямъ издательство вынуждено: 1) меньшій остатокъ матеріала „жертвы и трагизмъ“ присоединить къ слѣдующему тому; а 2) первую, большую часть этого тома „второго“, выпустить подъ названіемъ „Гибель Имперіи Сѣверный фронтъ“, сохранивъ и продолженіе развивавшихся дѣйствій, начало которыхъ имѣло мѣсто въ томѣ I, именно по содержанію настоящей книги:

1. Всѣ виноваты, только не „мы“! — роковая алегорія проф. П. Н. Милюкова.

2. Пріемы введенія „свободы“ въ войскахъ на фронтахъ и ихъ послѣдствія; трагедія „вождей и армій“.

3. Разрушеніе города Риги и оставленіе его почти безъ боя; взрывы желѣзнодорожныхъ мостовъ и Усть-Двинскихъ крѣпостныхъ фортовъ.

4. Газы, паника и бои на фронтѣ Икскюльскаго сектора; упорное сопротивленіе стрѣлковъ; и хозяйственно-экономическая и политическая стойкость гражданъ въ прифронтовой полосѣ.

5. Разрушительная работа въ арміяхъ и среди семействъ, общества; тактическіе пріемы бѣгства изъ армій; и геройскій подвигъ рядового Филиппа Кабуры.

6. Трагедія въ застѣнкахъ, подвалахъ и тюрьмахъ „чеки“ порабощенной страны; драма сестры и брата при выручкѣ генер. штаба полковника Казбегорова изъ подваловъ и тюремъ „чеки“.

7. При борьбѣ за существованіе: голодъ, пиръ, балы, терроръ, попытки освободительнаго движенія и борьба гражданъ казаковъ на територіи Кубанской краевой нар.-демократ. республики.

8. Огромное историческое вліяніе Литовскаго Великаго княжества на судьбы Россіи и русскаго народа съ 1316—1377 г. г.; обѣщаніе вр. правительства объ организаціи Литовской федеративной республики съ извѣстной обширной територіей; сознательные граждане; начало народнаго освободительнаго движенія изъ Кубанскаго Свободнаго Края; работа адм. Колчака и бои доблестныхъ чехскихъ легіоновъ при освобожденіи русскаго народа.

9. Перемѣны убѣжденій и послѣдствія при неустойчивости во мнѣніяхъ; мистицизмъ и его результаты — пессимизмъ; реальная сила: воля и вѣра.

г. Рига. Издательство.

I.

Лѣто 1917 года — жаркое и душное для Центральнаго Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, засѣдавшихъ въ Смольномъ и крѣпко державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы Великой Свободной Россіи. Временное правительство этой Страны для него какъ-бы несуществовало; а если оно иногда и проявляло свою власть, такъ только лишь съ благосклоннаго разрѣшенія „совѣта"; въ противномъ случаѣ, „Совѣтъ" немедленно открывалъ ему непримиримую борьбу.

И это вполнѣ понятно было, если глубоко вникнуть въ содерженіе длинной рѣчи депутата Госуд. Думы профессора П. Н. Милюкова (Р. О), сказанной имъ еще 2 марта 1917 г., около 3 час. дня въ Екатеринской залѣ Таврическаго дворца. Обращаясь къ собравшимся депутатамъ отъ революціонныхъ войсковыхъ частей столичнаго гарнизона, Милюковъ поспѣшилъ, между прочемъ, подчеркнуть: „Мы, молъ, присутствуемъ при великой исторической минутѣ; еще три дня тому назадъ мы были скромной опозиціей и русское прави тельство казалось всесильнымъ. Теперь-же это правительство рухнуло въ грязь, съ которой оно сроднилось, а мы и наши „друзья слѣва" выдвинуты революціей, арміей (какой арміей? онъ не оговорился) и народомъ н а п о ч е т н о е м ѣ с т о ч л е н о в ъ перваго русскаго общественнаго кабинета . . ." (временнаго правительства) . . . А когда собравшіеся потребовали отъ него опубликовать программу этого временнаго правительства, самоорганизовавшагося изъ состава временнаго комитета Госуд. Думы, то Министръ иностранныхъ дѣлъ этого кабинета, тотъ-же профессоръ Милюковъ добавилъ: „Эти возгласы напоминаютъ мнѣ о важномъ вопросѣ, рѣшить который зависитъ отъ „Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ", въ рукахъ которыхъ находится и распоряженіе типографскими рабочими..." Въ заключеніе, присутствующіе подхватываютъ его на руки, качаютъ и нарукахъ выносятъ изъ Екатерининской залы. А

другой документъ (Р. О. 1917 г. 8.III № 56), опубликованный того-же дня, 2 и 3 марта, подписанный такъ-же и предсѣдателемъ Госуд. Думы М. Родзянко и членами временнаго правительства: кн. Львовымъ, Милюковымъ, Некрасовымъ, Коноваловымъ, Мануиловымъ, Терещенко, Вл. Львовымъ, Шингаревымъ и Керенскимъ; въ п. 7-омъ этого документа, между прочимъ, предоставляется право — неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. И дальше, спѣшное освобожденіе изъ тюремъ и изъ мѣстъ заключеній всѣхъ политическихъ и даже „уголовныхъ нѣкоторой категоріи" преступниковъ и полное ихъ амнистированіе; а затѣмъ и соглашеніе между Министромъ Юстиціи того-же врем. правительства Керенскимъ съ одной стороны и Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, въ лицѣ члена Госуд. Думы Н. С. Чхеидзе, съ другой, оба крайнѣ лѣваго въ то время эсъ-эр-овскаго теченія, по которому достигнуто то, что читатель узнаетъ ниже, и отъ котораго вздрогнулъ весь цивилизованный міръ, потрясены финансовые и экономическіе устои, разложены многомилліонныя россійскія арміи, а кровь русскихъ гражданъ полелась рѣкой. Большая и богатая страна, почти съ двухсотъ милліоннымъ населеніемъ, отдана во власть „краснаго ига".

Этотъ-то „нелегальный Совѣтъ" рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, все время весны и лѣта состоялъ преимущественно изъ русской интелигенціи, державшей въ своихъ рядахъ немного и „сѣринькихъ людей" — для фирмы и голосовъ, руководимыхъ чужими людьми — агентами, свободно явившимися въ Петроградъ въ періодъ безвластія 26.II—3.III. Надѣвъ солдатскія шинели и прикрывшись слегка псевдонимами, эти агенты — ганеральнаго штаба императора Вильгельма II лейтенанты и маіоры дѣлали все зависящее отъ нихъ, что-бы въ кратчайшій срохъ развалить въ Свободной Великой Странѣ россійскія арміи и флотъ. Имъ открыто, конечно, помогали доморощенные большевики, Ленинъ, Троцкій и другіе, поспѣвшіе вернуться такъ-же изъ заграницы съ извѣстными дерективами, а въ арміяхъ ближайшаго сѣвернаго фронта, на который удѣлено особенное вниманіе, усердно исполняли ихъ порученія свои-же агенты изъ солдатъ и „на скорую руку спеченные офицеры?", какъ: Брегъ, Сиверсъ,

Данишевскій, Нахимсонъ и многіе другіе, безнаказанно обрабатывавшіе 600 тысячную солдатскую массу Рижскаго фронта, фронта важнаго для страны и по стратегическимъ, и по-политическимъ соображеніямъ. Всюду — ли переполнялось тогда тепломъ и свѣтомъ? — спроситъ нашъ читатель.

Безкровная февральная революція, или какъ ее окрестилъ ген. штаба полковникъ Казбегоровъ -„революція господъ", легко передала верховную власть въ странѣ въ руки „временнаго правительства"; которое еще легче, съ самаго начала своего существованія, начало постепенно, самовольно, передавать эту власть дальше, — въ руки безотвѣтственныхъ массъ, не исполнивъ порученія и не оправдавъ довѣрія, даннаго ему представителями россійскаго народа, высшаго въ то время въ странѣ учрежденія — „Государственной Думы". Слабохарактерность власти, этого временнаго правительства, съ перваго дня своего существованія показала и другимъ примѣръ: къ непослушанію, къ неисполненію „распоряженія высшей власти", какъ-то было объявлено народу съ „высокой" трибуны Государственной Думы: „созвать въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года, т. е. послѣ четырехъ мѣсяцевъ, Учредительное Собраніе, но отложило дальше; и допустило ограниченіе власти начальниковъ — офицеровъ въ арміяхъ, на фронтахъ, хотя—бы ввидѣ „приказа № 1," а затѣмъ, и административно — должностныхъ лицъ въ странѣ. Само—же это „вр. правительство" скоро персонально стало оставлять постепенно свои отвѣтственные посты: сначала Воен. Мин. Гучковъ, а затѣмъ Милюковъ, Коноваловъ, дальше — Князь Львовъ и другіе народные демократы, пока эсъ—эр—овскій „товарищъ", господинъ Керенскій, подготовлялся именно вскочить, хотя—бы на короткое время, на вершину власти большой Страны и много милліонныхъ армій на фронтахъ протяженіемъ болѣе чемъ въ двѣ тысячи верстъ, и тѣмъ, такъ сказать, „укрѣпить за народами Свободной Страны достиженія февральской революціей?" Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ образомъ онъ питалъ себя надѣждой и на хорошіе результаты своей личной юриспруденціи по Министерству Юстиціи—„о моложеніи и объ освѣженіи армій?", допустивъ въ выпуску въ арміи на фронтъ офицерами (прапорщиками) евреевъ: 2600 чел. къ концу апрѣля и 2600 чел. къ началу августа, заручаясь къ осени хорошимъ кад-

ромъ? Объ этомъ Керенскій сдѣлалъ и подробное офиціальное сообщеніе на засѣданіи „нелегальнаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“ въ Смольномъ (Р. О. 1917 г. 20.IV № 88).

На сѣверномъ фронтѣ въ то время было еще тихо, спокойно; и „товарищи“—солдаты, подъ руководствомъ своихъ-же выборныхъ комитетовъ и агентовъ изъ „Петроградскаго центральнаго совѣта“, увѣренно занимались политикой и братаніемъ съ противникомъ на передовыхъ позиціяхъ, безъ на казанно покушаясь на жизнь своихъ начальниковъ — офицеровъ. Въ городѣ—же — разлагали агитаціей резервы, натравляли солдатскую массу на офицеровъ и комитетъ на комитета, и чуть—ли не каждый день городъ Рига превращалась въ боевой фронтъ: ружейная перестрѣлка и даже пулеметная трескотня мѣняли часто обстановку ближайшаго фронта; дрались между собою непослушные совѣту войсковые комитеты и формировавшіяся подъ ихъ—же руководствомъ женскія ударныя группы, шефомъ которыхъ считался все—таки главковерхъ г—нъ Керенскій. Гетрудненская и Двинская улицы часто оглашались подъ вечеръ пулеметной трескотней и свистомъ пуль.

Горожанѣ также не отставали въ прогрессѣ этомъ. Свобода была для всѣхъ. Какъ то скоро облѣнились: праздные разговоры, ѣда и критика замѣнили все у нихъ. О работѣ и думать никто не хотѣлъ. И было очевидно, что только отъ зажигательныхъ рѣчей волновалась вся страна и арміи, но мѣръ къ ограниченію такого зла, никто не принималъ, хотя и ясно понимали могущія быть отъ этого послѣдствія; и ловчаки — начальники ухитрялись подъ шумокъ бѣжать домой, безпомощно махнувъ на все рукой, а за ними и солдаты — дезертиры и мѣстный обыватель вслѣдъ за ними, незная самъ куда — уплотняя необъятную Россію. Страшное слово „газы“, правда, у всѣхъ въ то время было на умѣ, но искреннее желаніе, конечно, скорѣй попасть подальше въ тылъ и на Кавказскіе курорты — полѣчиться и отдохнуть немного на казенный счетъ, при благосклонномъ временномъ правительствѣ.

Сѣверный фронтъ, — опора и защита путей къ столицамъ, это была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и колыбель обѣихъ россійскихъ революцій. Здѣсь — въ вежливой формѣ предла-

галось, пока, высшимъ „неугоднымъ вр. правительству и комитетамъ“ властямъ и вождямъ армій, ѣхатьна Кавказъ и отдохнуть: „на ваше, молъ, мѣсто назначимъ другого, болѣе сговорчиваго съ нами“. И эта смѣна и повышенія, безъ особой къ тому необходимости, порождали на низахъ зависть и стремленіе также къ высшей власти; а если то неудавалось, примѣнялись тогда интриги; интриги куда опаснѣе интригъ бывшихъ „при дворѣ“. Тамъ онѣ захватывали лишь извѣстный придворный кругъ, а у временнаго правительства — весь народъ и арміи Страны. Въ результатѣ — появились и захватчики, для которыхъ интриги были слабы; имъ нужны были болѣе сильныя ощущенія, какъ физическое и моральное насиліе, что и вылилось въ конечномъ итогѣ „большевизмъ“, поправшій всѣ права народа и нанесшій ударъ, ударъ смертный всей благомыслящей интелигенціи.

Главкосѣв“ъ Генералъ Рузскій, такъ много старавшійся для февральской русской революціи (его рѣчь и объясненіе кореспондентамъ Р. О. 1917, 9. III. № 57), не нашелся своевременно предложить болѣе реальную — спѣшную реформу для блага всѣхъ народовъ и большой своей Страны и армій, а именно онъ то и уговорилъ Императора Николая II отречься отъ престола, самъ-же былъ отчисленъ отъ должности (Р. О. 1917, 27. IV № 93), по выработанному закону Мин. юст. вр-правительства „Эсъ эр-овскимъ товарищемъ“ Керенскимъ — объ омоложеніи армій (Р. О. 1917 г. 24 III. № 68); на основаніи этого закона убрали изъ армій и весьма многихъ другихъ» достойныхъ и стойкихъ высшихъ военно-начальниковъ изъ генераловъ. Центральный Совѣтъ (нелегальный) солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ работалъ на разложеніе не покладая рукъ. Этотъ-же Совѣтъ упросилъ Англійское правительство (11. IV. 1917 г. Р. О.) освободить и задержанныхъ въ пути Троцкаго, Мухина, Романчека, Фишелева, Чудновскаго и Мельнишанскаго, агентовъ Императора Вильгельма II; а 17. IV. 1917 г. (Р. О. № 86) Ленинъ самъ предъявилъ себя Совѣту. Такимъ образомъ, апаратъ разложенія налаженъ былъ. Военный Министръ вр. правительства Г-нъ Гучковъ, видя что арміи и страна направлены уже къ разложенію, счелъ за благо отказаться отъ дальнѣйшей своей работы, и съ 1 мая 1917 г. сложилъ съ себя обязанности военнаго министра.

Но вотъ вступаетъ въ должность Военнаго и Морского Ми-

нистра Керенскій. Спѣшно удалены отъ должностей въ арміяхъ еще около 114 генераловъ и 32 генерала перемѣщены (Р. О. 4. V. 1917 г. № 100), что вызвало, главнымъ образомъ, и уходъ Гучкова. Въ арміяхъ отмѣняется дисциплина и вводится „товарищеское обращеніе“: да, нѣтъ, нехочу, немогу и пр. (Р. О. приказъ арміи и флоту 1917 г. 11 мая). И начался безумный танецъ милліардеровъ; прожиганіе жизни и систематическое уничтоженіе накопленныхъ долголѣтнимъ упорнымъ трудомъ капиталовъ, почему Министръ Торговли и Промышлености Коноваловъ также поспѣшилъ отказаться отъ своего поста (Р. О. 20. V. № 113). А на всероссійскомъ съѣздѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ Троцкій уже открыто заявляетъ: „— помните, что у насъ нѣтъ другой власти кромѣ Совѣтовъ. . . (Р. О. 7. VI. № 127)“.

На одномъ изъ засѣданій, объединеннаго офицерства штабовъ и управленій XII арміи въ гор. Ригѣ, одинъ штабъофицеръ неудержался и между прочимъ, къ своей длинной рѣчи, добавилъ: „Свободная Россія приносится въ жертву той крикливой наглости, того хаоса, который называется Петроградомъ. . . — И ноты есть у насъ, и инструменты, а уменья наладить аппаратъуправленія страной и арміями все-же нѣтъ.. “

Наконецъ, и князъ Львовъ отказался отъ поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ, передавъ весь апаратъ Управленія Керенскому послѣ того, какъ Петроградскіе совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ устроили въ столицѣ бунтъ, безпорядки и грабежи вооруженными бандами (3—5 іюля 1917 г.); и у своего-же вождя, соціалиста, но уже въ составѣ вр. правительства министра Церетели, силою отняли у подъѣзда дома его автомобиль (4. VII), гдѣ засѣдалъ въ, то время кабинетъ министровъ. Керенскій, конечно, поспѣшилъ скрыться; и того-же дня, въ 7 час вечера, уѣхалъ особымъ поѣздомъ на фронтъ, въ ставку, вмѣстѣ со своими приверженцами (Р. О. 6-8 VII № 150 и 154).

Надъ городомъ и въ ближайшемъ тылу фронта стала появляться именно тогда воздушная развѣдка германскихъ войскъ; но аэропланы были такъ высоко, что русскимъ зенитнымъ батареямъ не оставалось ничего дѣлать, какъ только молча посмотрѣть, не снимая и чехловъ съ арудій. И только артилеристы въ шутку, а то и самонадѣянно иногда кричали: „мы ихъ шапками забросаемъ, не стоитъ пор-

тить теперь снарядовъ; товарищи Сиверсъ и Нахимсонъ, молъ, не приказали". Вообще, введенная въ войскахъ и штабахъ власть комитетовъ былъ слаба, а подчиненные имъ солдаты не слушали ихъ „уговоровъ". Каждый изъ нихъ думалъ лишь о себѣ: ѣлъ, пилъ, гулялъ сколько желалъ, а то просто предавался грабежамъ и насиліямъ. Предательское вліяніе Сиверса и Нахимсона, армейскихъ большевиковъ, разлагающе дѣйствовало на нихъ, никто не хотѣлъ добросовѣстно служить. Военно-полевые суды и смертную казнь вр. правительство поспѣшило отмѣнить (Р. О. 1917 г. № 61 и 64) еще съ 15 марта.

Какъ образецъ, одинъ изъ весьма многихъ, приведемъ возваніе командующаго 5 арміей, штабъ которой находился въ то время въ гор. Двинскѣ: — „Салдаты „свободной русской арміи", такъ призывалъ старый заслуженный командующій арміей генеральнаго штаба генералъ (без подписи), образумте тѣхъ несознательныхъ, которые своими самочинными преступными дѣяніями, набрасываютъ позорныя тѣни на цѣлыя войсковыя части. Призываю всѣ комитеты къ энергичной работѣ по пресѣченію грабежей, насилій и потравъ производимыхъ днемъ и ночью; жалобы жителей продолжаютъ поступать; старики, женщины и дѣти вѣдь не въ силѣ противиться дѣйствію вооруженныхъ грабителей солдатъ (Р. О. 17. VIII. № 186).

И это на полѣ брани: „свободная русская армія?" защищающая свою родину; на глазахъ противника, ея начальники-офицеры неимѣли права ни распорядиться, ни приказать солдату? — Знаетъ—ли исторія такіе примѣры? А вѣдь временное россійское правительство тогда—то и ввело такой порядокъ въ войсковыхъ частяхъ, штабахъ и управленіяхъ дѣйсвующихъ армій на фронтѣ. . . Явное предательство было очевидно. А верховное командованіе арміями почему—то терпѣло. . . , молчало. . . , исполняло. . . Допустимо—ли это?. . . И офицерскій составъ невольно становился лишь пассивнымъ исполнителемъ прямыхъ обязоностей своихъ

Въ то время, какъ сады и парки городовъ въ прифронтовой полосѣ стонали переполненными подъ вечеръ свободно блуждающими молодыми людьми въ военной формѣ, безъ погонъ и другихъ отличій, но съ красными бантиками на груди, ожидавшими прохлады. И только травы,

задѣтыя легкимъ женскимъ платьемъ, таинственно качали головками имъ вслѣдъ. Солдатъ—ли, молодой—ли офицеръ неопредѣленной національности или такъ случайно свободный гражданинъ, всѣ смѣшивались въ этой пестрой толпѣ. Глаза ихъ то загорались, то туманились отъ любовнаго упоенія добытой „преступной" свободой, щеки розовѣли, а голоса становились загадочными, не увѣренными... О фронтѣ многіе изъ нихъ забыли, предоставивъ его въ распоряженіе комитетовъ войскъ и армій; а о внутреннихъ дѣлахъ страны — „позаботятся гражданскіе комитеты и правительственные комиссары" — думали тогда рядовые, простые смертные воины и граждане свободной странны, — каждый, потихонько, вливая ложку дегтя въ Россійскій боченокъ съ медомъ.

„Центральному нелегальному Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" это именно и нужно было, игнорируя непослушныхъ или совсѣмъ удаляя ихъ на покой черезъ послушное ему „временное правительство" Страны, всюду сѣя сѣмя безнадежности и полнаго пессимизма.

Къ пассивной группѣ принадлежалъ и штабъ—офицеръ для порученій ген. штаба полковникъ Давидъ Ильичъ Казбегоровъ, съ личной тактикой — пассивно сопротивляться и исполнять лишь аккуратно распоряженія прямого высшаго начальства и свои прямыя обязанности по службѣ. Къ его счастію, совѣты и комитеты оказались большими профанами въ военно—оперативной тактикѣ, и работать ему не мѣшали. Онъ проживалъ въ городѣ Ригѣ на постоянной частной своей квартирѣ, по Николаевской улицѣ въ домѣ № 57, и при немъ жила его молоденькая гражданская жена, свѣтловолосая красавица Людмила Рихардовна урожденная Цепа, женщина съ высшимъ образованіемъ — математичка Петроградскаго Университета и довольно опытная дама, какъ дипломатъ, тонко разбиравшаяся въ причинахъ движенія народныхъ массъ и въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ, неупуская изъ виду и преступную работу временнаго правительства и центра, предупреждая своевременно о томъ и мужа.

И вотъ, 19-е августа 1917 года; Давидъ Ильичъ всегда аккуратный по службѣ, поднялся рано утромъ, тихо одѣлся и вышелъ на улицу, быстро направляясь по Столбовой улицѣ въ свой штабъ Сибирскаго армейскаго корпуса, расположенный на Александровской улицѣ въ большомъ

шести—этажномъ бѣломъ домѣ № 37. Онъ завѣдывалъ всѣми оперативными дѣлами корпуса, и ему предстояло исполнить весьма спѣшныя и неотложеныя дѣла по перегруппировкѣ войсковыхъ частей, ввиду назрѣвавшихся серьезныхъ боевъ на фронтѣ. Въ средняго роста фигурѣ молодого ген. шт. полковника Казбегорова, георгіевскаго кавалера, со спокойнымъ и красивымъ выраженіемъ лица и добрыхъ черныхъ глазъ, небыло замѣтно ни усталости, ни волненія. На улицѣ было тепло и душно, какъ и передъ грозою. Ясное маленькое солнышко быстро появилось изъ-за горизонта, привѣтствуя его, но скоро стало подыматься по чистому небосклону на встрѣчу, внѣзапно, появившимся тучкамъ.

— Ну, и будетъ же денекъ, сегодня! — первымъ заговорилъ Давидъ Ильичъ, войдя въ оперативный отдѣлъ и обращаясь къ коменданту штаба: — нужно быть готовымъ ко всему!...

— Давидъ Ильичъ, наши учрежденія вполнѣ готовы! — отвѣтилъ монотонно комендентъ штаба подполковникъ Шрамъ, а самъ немного походилъ по комнатѣ, посмотрѣлъ одну — другую схему, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, неожиданно спросилъ: — А тебѣ пишутъ что—нибудь съ Кавказа?..

— Ни, ни, ни, бестіи, молчатъ! ... — Одинъ Арно, правда, кое что пишетъ изъ дѣтской жизни: перешелъ въ 5 классъ и 25 августа ѣдетъ въ Ростовъ; въ этомъ году рано возобновляются занятія ... — отвѣтилъ полковникъ Казбегоровъ скороговоркой, внимательно продолжая свою работу.

Неудовлетворенный отвѣтомъ и плохо чувствовавшій себя комендантъ подп. Шрамъ вышелъ молча и направился въ комнату начальника штаба.

Около 7 часовъ утра получено первое официальное сообщеніе о возобновленіи Германцами съ 5 часовъ утра усиленныхъ атакъ противъ Икскюльскихъ предмостныхъ укрѣпленій. Короткое, лаконическое, сообщеніе гласило приблизительно слѣдующее: „Идетъ сильная артилерійская подготовка; противникъ засыпаетъ, главнымъ образомъ, большими снарядами. Наша артиллерія, четырехъ бригадъ, также успѣшно отвѣчаетъ. Пѣхотныя дивизіи настроены хорошо. Комитеты ихъ въ передовыхъ линіяхъ. Женскія

ударныя группы на правомъ флангѣ; результатъ работы послѣднихъ неопредѣленный, надѣжды нѣтъ...

— Послать туда-же изъ корпуснаго резерва 17 уланскій полкъ въ помощь по охранѣ фланга со стороны Риги — проговорилъ начальникъ штаба; выслушавъ же оперативную сводку и сообщеніе, онъ самъ лично позвонилъ по телефону командиру полка и въ штабъ 12 арміи, а полковникъ Казбегоровъ тѣмъ временемъ исправилъ дислокацію фронта.

— Черезъ 30 минутъ будутъ на мѣстѣ... — вновь проговорилъ нашкор"ъ и вышелъ.

На самомъ-же фронтѣ положеніе было таково: Икскюльскій участокъ и предмостныя укрѣпленія въ то время занимали войсковыя части 186 пѣхотной и другихъ дивизій 43 арм. корпуса; а противъ Риги, въ направленіи Олай—Кекау — войсковыя части 1 Латышской стр. бригады и некоторые полки 5 Сибирской стр. дивизіи 2 Сибирскаго арм. корпуса; далѣе въ право, до Рижскаго залива — войсковыя части 6 Сибирскаго армейск. корпуса. И вотъ, бдительная развѣдка ихъ, въ особенности на участкѣ противъ Риги, установила еще съ 17 августа, что германскіе прифронтовые резервы усиленно перебрасываются въ доль фронта, въ лѣво, т. е. въ Икскюльскомъ направленіи. Дальше, перегруппировка войсковыхъ частей германцевъ была установлена и летчиками — наблюдателями 18 августа утромъ; а произведенные, по приказу, небольшіе рекогносцировочно — развѣдывательнаго характера бои однимъ — другимъ полкомъ 1 Латышской стр. бригады полковника Гоппера, того-же дня окончательно подтвердили — ослабленіе участковъ этого фронта, а слѣдовательно перегруппировка германскихъ войскъ къ Икскюлю была очевидна и ожидать особоактивнаго удара на всѣхъ длинныхъ этихъ участкахъ: островъ Доле у рѣки Двины — Шлокъ у Рижскаго залива — не было основанія. Готовившійся ударъ въ тылъ 2 Сиб. арм. корпусу и вообще кулакъ для прорыва фронта 12 арміи у Икскюля—были выяснены своевременно, почему Комкор"ъ 2 Сиб. генералъ Новицкій и комдарм"ъ 12 генералъ Парскій — оба были за немедленный переходъ въ наступленіе еще съ вечера 18 августа въ Олайскомъ и Баускомъ направленіяхъ, поддержавъ свое наступленіе сильнымъ артилерійскимъ огнемъ во флангъ противнику русскими военными судами находив. въ Рижскомъ

заливѣ, противъ Шлока, т. к. у противника на этомъ фронтѣ оставались лишь незначительныя дозорныя части, съ двумя —тремя батареями артиллеріи, очевидно — только лишь для демонстрацій; но комитеты арміи и фронта и Главкосѣв'ъ генералъ Клембовскій были противъ такого тактическаго шага; приказано „свыше“: „пока защищаться, до выясненія силъ и направленія удара противника“.

Увѣренныя въ мощь и силу своихъ армій, горожане и мѣстные жители въ прифронтовой полосѣ были вполнѣ спокойны. Никто и думать не хотѣлъ о возможной сдачѣ противнику Риги, при такомъ колоссальномъ числѣ войскъ, прекрасномъ техническомъ ихъ снабженіи и вооруженіи. Сама же семья ген. шт. полковника Казбегорова также была глубоко убѣждена въ этомъ, и свою обыденную жизнь въ городѣ регулировала нормальными условіями зажиточной семьи. Такъ — же и въ зтомъ памятный день мадамъ Казбегоровъ — Цепа поднялась съ постели только около 9 часовъ утра. Завтракъ быль уже готовъ, и у стола сидѣли и ожидали выхода ея и прихода зятя Давида Ильича родной отецъ Людмилы Рихардовны и неродная мать — супруги Цепы. Всегда аккуратнаго, на этотъ разъ Давида Ильича къ 9 час. утра у стола не оказалось; и Людмила Рихардовна, конечно, въ другихъ случаяхъ ему бы этого и не простила, но въ этотъ день, вѣроятно предчувствовала что-то не доброе, какъ-то машинально послала денщика Филиппа въ штабъ съ запиской къ мужу, а сама усѣлась около стола и приступили къ завтраку.

На записку и докладъ полковникъ отвѣтилъ денщику просто, скороговоркой:

— „Доложи, что я занятъ и сегодня дома завтракать не буду; самъ-же, забери свои вещи изъ квартиры и мое пальто, и будь готовъ къ укладкѣ и походу. Это „по-секрету“, никому и слова не говори, пока, до окончательнаго выясненія. Скажи и шоферу, что—бы и машина наша была готова къ выѣзду на позиціи, а вѣстовому съ верховыми лошадьми быть при штабѣ въ первой линіи, ты можешь использовать лошадь съ вьюкомъ и также быть вмѣстѣ съ нимъ... — Понялъ? — спросилъ онъ Филиппа, не отрываясь отъ работы.

— Такъ точно Ваш... Выс... благ..., господинъ полковникъ! — отвѣтилъ Филиппъ съ заминкой въ словахъ обращенія къ начальнику, при новыхъ порядкахъ управленія страной.

— Ну, идите! — сказалъ полк. Казбегоровъ и, улыбнувшись, подумалъ: — Начинается испытаніе въ зрѣлости свободныхъ гражданъ и женской храбрости въ ударныхъ группахъ, посланныхъ на фронтъ Керенскимъ, какъ политическій маневръ. — Филиппъ и тотъ, бѣдняга, растѣрялся, что—же мы можемъ требовать отъ женщинъ?..

И странно, къ 10 часамъ утра большой и шумный городъ Рига какъ будто-бы вымеръ по одному мановенію руки. Парки, сады и улицы пусты. Не видно митинговой публики, нигдѣ. Прекрасный полъ, дѣвицы, и партійные вожди, такъ храбро шагавшіе по городу и много говорившіе о завоеваніяхъ революціей свободы, куда—то исчезли, попрятались въ подполье какъ мышки, чувствуя приближеніе „немилосерднаго ловца“.

Тѣмъ временемъ событія на фронтѣ быстро развивались. Сообщенія поступали одно — другово печальнѣе: Къ 13 часамъ дня послѣднее сообщеніе гласило уже болѣе внушительно — „Икскюльскій нашъ секторъ, 43 армейскій корпусъ, не удержался и чуть—ли не весь выдушенъ газами, или разбѣжался?; уцѣлевшіе остатки 109 и 110 пѣх. дивизій отступаютъ въ Ульброкъ—Стопинскомъ направленіи. 186 пѣх. дивизіи на фронтѣ не существуетъ? Три артиллерійскія бригады приведены въ молчаніе; 112, 33 и 44 пѣх. дивизіи гдѣ—то лѣвѣе, угражая противнику во флангъ, чѣмъ только на короткое время и задерживается продвиженіе его впередъ въ Роденпойскомъ и Зегевольдскомъ направленіяхъ“... Генеральнаго штаба полковникъ Казбегоровъ и начальникъ штаба генералъ М. только посмотрѣли одинъ на другого, не понимая причины отступленія и уклоненія въ лѣво, когда главныя силы противника находятся еще на другой сторонѣ рѣки Двины, и которую онъ не можетъ же такъ легко форсировать. Но скоро оба вспомнили время зимнихъ боевъ въ началѣ января, въ районѣ Шлока: Кемернъ—Кангари—Смарди, и безцеремонную бѣготню въ тылъ, 11 числа съ наступленіемъ ночи, солдатъ 437 и 440 полковъ и по—одиночкѣ и большими или малыми партіями и даже растѣрянность

самого командира 437 полка полковника барона Функъ, который несумѣлъ даже доложить начальнику 110 пѣхотной дивизіи — гдѣ его полкъ, и они поняли причину такого состоянія сосѣдняго участка фронта.

Въ то время надъ Ригой, высоко въ поднебесьѣ, появилось нѣсколько германскихъ аэроплановъ, а со стороны Олая на городъ полетѣли большой разрушительной силы „чемоданы“ германскихъ 20-ти дюймовыхъ дальнобойныхъ орудій. Въ городѣ во многихъ мѣстахъ вспыхнули пожары: горитъ депо на станціи Рига I и черный дымъ зловеще окуталъ городъ. Поднялись въ поднебесье длинные огненные языки въ раіонахъ фабрикъ „Кузнецова“, „Зассенгофъ“, „Илгецемъ“ и „Проводникъ“. Горятъ складочныя мѣста въ портахъ за станціей Рига-Берегъ, и трескотней врывающихся тамъ патроновъ и другихъ мелкихъ снарядовъ, разыгрывается на мѣстѣ какого—то демона концертъ. Въ Рижскомъ заливѣ, въ 4 километрахъ на гаризонтѣ противъ Рижскихъ дачныхъ мѣстъ, появился русскій сторожевой крейсеръ, и своимъ бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ началъ громить противника во флангъ. Заработала и артиллерія защищающая подступы къ Ригѣ. Гремитъ артиллерія Усть-Двинскихъ крѣпостныхъ фортовъ и періодически летятъ къ германцамъ русскіе такіе-же „чемоданы“ тяжелыхъ орудій, укрытыхъ на окраинахъ Риги. Поднялись на воздухъ нѣсколько русскихъ развѣдывательныхъ „аппаратовъ“ и „истребителей“. Вокругъ — грохотъ, шумъ, дымъ, огонь, ровно „царство-адово“ настало. Дома города колышатся. Въ поднебесьѣ пасмурно и маленькій дождикъ началъ крапать, равно — природа плачетъ. И вдругъ — все потемнѣло, а въ рѣкѣ Двинѣ вода поблѣднѣла. Улицы города пусты.

Къ вечеру 19 августа 1917 года оперативная сводка уже ясно говорила: „Въ Ригѣ не удержаться Икскюльскій секторъ уничтоженъ, а большая часть войскъ его разбѣжалась со всѣми вождями — комитетами и отъ центральнаго совѣта депутатами; и фронтъ на протяженіи почти 20 верстъ чистъ для германцевъ...“ Городъ со стороны фронта хотя былъ трудно уязвимъ по стратегическимъ условіямъ, къ тому—же на фронтѣ все еще продолжали быть 2 сиб. арм. корпуса 5 сиб. стр. дивизія въ составѣ 4 полковъ и 1 Лат. стр. бригада — 4 полка, — часть изъ нихъ на самомъ фрон-

Рис. 2. Видъ г. Риги вовремя начавшихся боевъ подъ самымъ городомъ 19 авг. (ст. ст.) 1917 г. въ 1 часъ дня: „Со стороны Олая на городъ полетѣли большой разрушительной силы артиллерійскіе снаряды дальнобойныхъ германскыхъ орудій. Въ городѣ во многихъ мѣстахъ вспыхнули пожары. . . и черный дымъ зловеще окуталъ городъ. . .“

тѣ, а часть — въ прифронтовомъ резервѣ, со значительной дивизіонной Сибирской артиллеріей и 2 батареями 38 артиллерійской бригады, а въ право до Рижскаго залива — въ полномъ составѣ 6 Сиб. армейскій корпусъ въ составѣ: 1,5 дивизіи пѣхоты (6 полковъ) съ корпусной и дивизіонной артиллеріей, а также и другія вспомогательныя спеціальныя войсковыя части, съ Усть—Двинскимъ крѣпостнымъ гарнизономъ . . . — но обходъ противникомъ со стороны Икскюля вполнѣ возможенъ былъ . . .

Скоро послѣдовало общее распоряженіе, конечно роковое, страшное и грозное по своимъ послѣдствіямъ для всѣхъ: „отступленіе" и „очищеніе Риги"; а Икскюльскій участокъ фронта передается, какъ дополненіе, въ веденіе командира 2 Сиб. арм. корпуса генерала Новицкаго, и для ликвидаціи дыры, снимается рижскаго прифронтового резерва вся 4 Сибирская стрѣлковая дивизія (13, 14, 15 и 16 Сиб. стр. пол.), 2 Сиб. арт. корпуса, съ дивизіонной артилеріей и спѣшно перебрасывается, вмѣстѣ съ другими отдѣльными войсковыми частями (17 уланскій полкъ) со стороны Риги, во флангъ противнику: установивъ новую линію отъ рѣки Двины по прямой — озеро Югла; далѣе, для линіи фронта: Ульброкъ — им: Югла — им. Кангару (по рѣкѣ малая—Югла) собираются остатки разложенныхъ комитетами войсковыхъ частей 109, 110 и 112 пѣхотныхъ дивизій (43 арм. корпуса), а во флангъ противнику со стороны Огры высланы 33 и 44 пѣхотныя дивизіи съ артилеріей (45 арм. корпуса). Заданіе: ликвидировать прорывъ и пустоту Икскюльскаго участка. Въ крайнемъ случаѣ, удерживать противника хоть на нѣсколько дней и тѣмъ дать возможность эвакуировать Ригу и отступить арміямъ на новыя позиціи „Венденскія укрѣпленныя высоты" . . .

Чувствуя непосредственную опасность, солдатскіе комитеты арміи, дивизій и полковъ, противъ этого шага больше уже не возражали: подчинились молча и тѣмъ новое заданіе было выполнено успѣшно. И началось—же „великое переселеніе народовъ", а вмѣстѣ съ нимъ и арміи разлагавшейся отъ усилившейся агитаціи большевитскихъ комитетовъ, управлявшихся секретными чужими людьми, агентами.

Оставленіе вообще почти безъ боя города Риги и важныхъ стратегическихъ подступовъ къ нему, понятно, есть

только небольшой, но очень характерный эпизодъ въ сравненіи съ паденіемъ и разложеніемъ всего большого русскаго фронта. Въ этомъ эпизодѣ какъ въ фокусѣ ясно видны физіономіи нашихъ, того времени, большевиковъ, во главѣ предсѣдателя комитета 12 арміи Нахимсона и представителя отъ войскъ при немъ провокатора Данишевскаго и другихъ, лично на передовыхъ позиціяхъ торговавшихся съ вождями германскихъ войскъ и свободно разлагавшихъ русскую солдатскую массу, устраивая митинги на самыхъ передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, и въ тылу — съ общаго разрѣшенія высшей россійской власти: въ лицѣ хотябы временныхъ правителей и главковерха Керенскаго, которые допустили устройство во всѣхъ войсковыхъ организаціяхъ на фронтѣ солдатскихъ комитетовъ, съ властью контролировать и подрывать авторитетъ начальниковъ — офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ—же, началось и разложеніе самой высшей власти, общества и семьи.

Генеральнаго штаба полковникъ Казбегоровъ въ это время положительно не могъ удѣлить ни одной минуты, чтобы посѣтить свою семью на квартирѣ. Его работа строго опредѣленна — въ штабѣ у карты и у телефона, а въ трудную минуту — и въ полѣ и на позиціяхъ. Денщикъ Филиппъ долженъ былъ сдѣлать все за него, въ его частной жизни. И, пославъ Филиппа на квартиру, съ порученіемъ: „немедленно всѣмъ его домочадцатъ выѣжать изъ Риги съ первымъ отходящимъ поѣздомъ, а Людмилѣ Рихардовнѣ слѣдовать въ городъ Старую-Руссу, на извѣстную ей квартиру въ гостиницѣ „Россія“, самъ—же онъ, на своей сильной машинѣ съ нашкор“омъ и съ другими отвѣтственными чинами, захвативъ съ собою и пулеметъ, по порученію штаба арміи выѣхали въ поле, гдѣ больше всего угрожала опасность отрѣзать пути отступленія изъ Риги, это новый участокъ фронта Икскюльскаго сектора, въ Роденпойскомъ Зегевольдскомъ направленіяхъ, переданный въ вѣденіе 2 Сибирскаго арм. корпуса генер. Новицкаго.

Кругомъ все еще гремитъ, шумитъ: трескъ, дымъ, огонь, свистъ — смѣшалось въ одинъ общій тонъ, какъ—бы говорящее — „уничтожай непослушный народъ“! . . . На самомъ же фронтѣ Икскюльскаго сектора, къ 3 час. дня 19 августа, корпуснымъ должностнымъ лицамъ 2 Сиб. корпуса

представилась довольно непріятная картина: кое-гдѣ виднѣются въ одиночку и маленькими группами германскіе пѣхотные дозоры, перебравшіеся уже черезъ рѣку Двину; наши пѣхотные окопы первыхъ трехъ линій вдоль рѣки уже совсѣмъ пусты, но съ человѣческими трупами, посинѣвшими и потемнѣвшими отъ удушенія газами; много изъ нихъ безъ головъ, безъ рукъ, безъ ногъ — отъ разрушительной работы артиллерійскаго огня противника. Винтовки, пулеметы, патроны и снаряженіе — лежатъ не подобранными. Нѣтъ людей. Артиллерійскія позиціи: двухъ артиллерійскихъ бригадъ полевыя батареи мертвы, прислуга и командный составъ частью удушены газами разрывныхъ удушливыхъ снарядовъ; Конскій составъ бригадъ — также частью въ прикрытіи лежитъ въ запряжкахъ по шести коней, а сбоку ихъ лежатъ и нѣкоторые удушенные ѣздовые и начальники отдѣленій. Передки орудій полны снарядами. Немного дальше, въ прикрытіи, три артиллерійскихъ парка; большая часть людей, какъ видно, разбѣжалась на лошадяхъ еще до начала обстрѣла удушливыми снарядами, многихъ лошадей нѣтъ, судя по остаткамъ отрѣзанныхъ постромокъ; а часть людей удушена на мѣстѣ также, какъ и на батареяхъ, вмѣстѣ съ лошадьми въ запряжкахъ. Патронныя повозки и артиллерійскіе передки — полны патронами и орудійными снарядами. Нельзя было вывезти ничего: людей нѣтъ, лошадей нѣтъ; къ тому—же и противникъ зорко наблюдаетъ съ другой стороны рѣки Двины, безпрепятственно наводя понтоны черезъ рѣку. Нельзя подобрать и тяжело раненыхъ и еще живыхъ солдатъ и офицеровъ, которые со слезами на глазахъ или молча умоляли о спасеніи, или душу раздирающе кричали о помощи, дабы прекратить нестерпимыя мученія.

— Ну и мясники—же! — Вотъ вамъ, господа, и результатъ братанія на фронтѣ по указанію вождей — товарищей большевиковъ Нахимсона и Данишевскаго, съ благосклоннаго разрѣшенія господъ въ „нелегальномъ совѣтѣ депутатовъ"...
—съ болью въ сердцѣ протянулъ генералъ Нашкор"ъ, послѣ бѣглаго осмотра сектора.

И что хуже всего, это нельзя было прислать людей, санитаровъ, ну хотя—бы подобрать раненыхъ и увезти оставленныя пушки и артиллерійскіе парки, подобрать ору-

жіе, патроны. . . Противникъ въ то время находился уже въ выгодныхъ для него условіяхъ, и всѣ подступы открыты и подъ его огнемъ. . . .

Тѣмъ временемъ на фронтѣ противъ города, со стороны Олая, противникъ скоро замолчалъ и непосредственнымъ нападеніемъ на Ригу съ фронта неугражалъ. По провѣренному донесенію развѣдки 1 Латышской стрѣлк. бригады, какъ точно установилъ и начальникъ бригады полковникъ Гопперъ, въ этомъ направленіи на фронтѣ у германцевъ оставалось дѣйствительно только лишь около двухъ батарей артиллеріи, для демонстраціонной стрѣльбы во всѣхъ направленіяхъ и небольшой составъ пѣхоты. А вся сила удара, со всего длиннаго Рижскаго фронта, съ многочисленной артиллеріей, сгруппирована была противъ Икскюльскаго сектора; куда подвезены также и новыя, свѣжія, пѣхотныя дивизіи съ артиллеріей.

Удары русскихъ 4-хъ—5-ти дивизій во фланги дозорнымъ частямъ противника, у Икскюльскаго прорваннаго участка фронта, небыли нанесены своевременно; остались не выясненными и вопросы: почему же небыло сдѣлано это? и вошли ли они своевременно въ соприкосновеніе съ противникомъ въ этомъ раіонѣ? Но если читатель приметъ во вниманіе огромное въ то время вліяніе выборныхъ войсковыхъ комитетовъ на солдатскую массу, и ограниченіе власти въ войсковыхъ частяхъ высшаго команднаго офицерскаго состава, то вполнѣ будетъ понятна причина, которая допустила и эту „большую оплошность", аналогичную съ „преступной оплошностью" недопустившей вообще перехода въ наступленіе—„въ контръ атаку" вечеромъ 18 или утромъ 19 августа въ тылъ противнику „почти" съ незащищеной имъ стороны участка фронта, въ Митавскомъ и Баускомъ направленіяхъ.

Противникъ использовалъ эти моменты, и съ наступленіемъ темноты 19 августа, приступилъ къ переброскѣ по понтонамъ черезъ рѣку Двину у Икскюля своихъ главныхъ силъ пѣхоты, каваллеріи и артиллеріи.

Тогда-же ночью, съ 19 на 20 августа, на фронтѣ отъ Рижскаго залива у Шлока до грунтовой дороги Шварцека-Гренчи оставлены по прежнему тѣ-же войсковыя части 6 Сиб. арм. корпуса, а лѣвѣе его, до рѣки Двины у острова Доле, 2 Сиб. арм. корпуса только 5

Сиб. стр. дивизія въ полномъ составѣ (17, 18, 19, и 20 Сиб. стр. полки и дивизіонная артиллерія); изъ состава послѣдней, 17 Сибирскій стр. полкъ генер. штаба полковника Бангерскаго предназначенъ былъ и въ аріергардъ 2 Сиб. арм. корпуса, на случай общаго отступленія изъ-за Двины и перехода на новыя позиціи—восточнѣе Зегевольда. А 1 Латышская стрѣлковая бригада въ ту же ночь была снята съ фронта за Двиной противъ Олая и спѣшно переброшена въ раіонъ противъ Икскюльскаго прорваннаго германцами фронта, занявъ позиціи въ новомъ корпусномъ участкѣ (2 Сиб. арм. кор. ген. Новицкаго) южнѣе озера Югла, между рѣками Малая и Большая Югла. Въ то время, какъ 2 Латышская бригада, находясь до начала боевъ на отдыхѣ, въ раіонѣ станціи Бѣлезерскъ-Роденпойсъ. около 3 ч. дня 19 августа снята и переброшена далеко въ лѣво, въ раіонъ ус. Рѣкста — мѣльн. Баяри, для связи съ 112 пѣх. дивизіей, которой найти ей неудалось, какъ не удалось ей войти и въ связь съ 33 и съ 44 пѣх. дивизіями 45 корпуса, находившимися по дислокаціи лѣвѣе ея.

Въ ту-же ночь, съ 19 на 20 августа (ст. ст.), Штабъ 2 Сиб. арм. корпуса генерала Новицкаго также оставилъ Ригу и перешелъ въ ус. ю-в. шоссе, въ 6 в. отъ озера Югла; гдѣ, первый день операцій въ Икскюльскомъ направленіи, всѣ попытки противника схватить корпусъ обходомъ его фланговъ, были успѣшно отбиты на всѣхъ участкахъ. Противникъ весь день 20 и всю ночь на 21 безпрерывно нащупывалъ слабѣйшія мѣста, усиленно тѣсня фланги — участки 1 и 2 Латышскихъ стр. бригадъ, полки которыхъ занимали на своихъ участкахъ позиціи уступали и тѣмъ наносили противнику чувствительные удары, каждый разъ во флангъ. Къ утру 21 противникъ усилилъ свои атаки на флангахъ корпуса, почему штабъ 2 Сиб. арм. корпуса перешелъ въ маленькую усадьбу южнѣе ст. Роденпойсъ, въ 1/2 версгѣ; гдѣ къ 1 часу дня ясно обнаружился ударь германцевъ клиномъ, въ центръ русскихъ группъ, участковъ занимавшихся остатками частей 109 и 110 пѣх. дивизій (изъ б. 43 корпуса) и ударныя части противника обнаружены въ 1/4 версты отъ штаба корпуса въ лѣсу; такъ какъ свѣдѣній небыло о положеніи частей 109 и 110 пѣх. дивизій, то штабная рота связи спѣшно была введена въ бой съ противникомъ, а всѣ

штабные должностные лица корпуса, вооружившись винтовками и пулеметами (было 5 пулем.), разсѣялись группами по лѣсу, и противникъ былъ отбитъ; сила его опредѣлялась: 1 рота пѣхоты, 1 взводъ кавалеріи, 1 взводъ саперъ, при 4 пулеметахъ на колесахъ. Этотъ отрядъ противника поспѣшно отступилъ въ право, т. е. какъ разъ во флангъ позиціямъ полковъ 1 Лат. стр. бригады. Телефонной связи небыло, почему конными нарочными спѣшно сообщено было на сосѣднія позиціи одного изъ ближайшихъ полковъ бригады, и, по полученнымъ свѣдѣніямъ, участь зарвавшагося отряда противника была весьма печальна: Латышскіе стрѣлки отблагодарили имъ за своихъ братьевъ, удушенныхъ у Икскюльского предмостнаго укрѣпленія. Этотъ отрядъ противника уничтоженъ весь.

Р. 3. Латышскіе стрѣлки дрались какъ львы, мстя противнику за своихъ сотоварищей по оружію, удушенныхъ у Икскюльскихъ предмостныхъ укрѣпленій.

Къ вечеру 21, штабъ корпуса, подъ прикрытіемъ темноты, началъ отступать въ им. Хинценбергъ.

Такимъ образомъ, вся тяжесть боевъ на новомъ корпусномъ участкѣ вновь легла главнымъ образомъ на фланги корпуса. Хотя, въ большинствѣ случаевъ, и безъ связи одной группы войскъ съ другой, пассивно маневрируя, каждая по себѣ благодаря все тѣмъ же комитетамъ, игравшимъ въ пользу противника, задача удержанія активно наступавшихъ германскихъ войскъ со стороны Икскюля, увѣнчалась успѣшно работой въ совокупности всѣхъ войсковыхъ частей 2 Сиб. арм. корпуса генерала Новицкаго, въ томъ числѣ и 1 и 2 Латышскихъ бригадъ, подвѣдомственныхъ ему въ оперативномъ отношеніи. Эти бригады въ теченіи 4—5 сутокъ безпрерывно вели упорную геройскую борьбу съ противникомъ на флангахъ. Самъ-же противникъ, во много разъ превосходившій по своему численному составу составы Латышскихъ стрѣлковыхъ бригадъ, все время пытался прорваться въ тылъ и обойти корпусъ съ фланговъ, но этого достигнуть ему неудалось. Стрѣлки въ то время были еще въ рукахъ своихъ опытныхъ вождей начальниковъ-офицеровъ.

Въ первые дни тяжелыхъ операцій, ведя борьбу на два фронта: и съ внутреннимъ „непріятелемъ“ -- войсковые комитеты съ депутатами отъ центральнаго нелегальнаго совѣта состоявшаго при временномъ правительствѣ Керенскаго въ Петроградѣ, и съ превосходными силами германскихъ войскъ, активно наступавшими со стороны Икскюля, штабъ корпуса не терялъ связи только лишь съ 1 Латышской стр. бригадой полковника Гоппера, все время находясь у нея, недалеко, въ ближайшемъ тылу — сначала, какъ было уже сказано, въ усадьбѣ ю-в. шоссе, въ 6 вер. отъ оз. Югла, а затѣмъ: въ ус. около ст. Роденпойсъ, въ им. Хинценбергъ, въ усадьбѣ Палтмалѣ и наконецъ, центръ группы „Венденскихъ укрѣпленныхъ высотъ“, въ им. Шпаренгофъ. Это была уже не война, а скорѣе горькая, предательская измѣна главарей комитетовъ игра, съ примѣсью трагедіи вождей разбѣжавшихся у Икскюля войсковыхъ частей и непосильная, отважная, геройская борьба остатковъ войсковыхъ частей еще желавшихъ добросовѣстно нести боевую службу, отстаивая родину свою.

Латышскіе стрѣлки сдержали слово, данное Военному Министру вр. правительства г. Гучкову, при представленіи ему депутатціи еще въ концѣ марта мѣсяца, (Р. О. 1 IV. № 72); они открыто ему тогда сказали: война на Рижскомъ фронтѣ должна вестись до побѣднаго конца". Съ ними солидарны были и Сибирскіе стрѣлки 2 Сиб. арм. корпуса, выздоровевшіе послѣ „леченія" ихъ полевыми.*) судами за не послушаніе во время большихъ Рождественскихъ боевъ 1916 года. Ихъ общіе слова останутся историческими: — „если будетъ заключенъ сей-часъ же миръ, они никого не послушаются и будутъ продолжать войну". Присутствовавшіе-же тогда и тамъ-же Сибирскіе стрѣлки, сражавшіеся съ ними на одномъ фронтѣ и въ одномъ и томъ-же 2 Сиб. корпусѣ, дополнили Министру г. Гучкову, что „ихъ части всецѣло присоединились къ латышамъ въ этомъ рѣшеніи". И дѣйствительно, первые сражались теперь какъ львы съ превосходными силами противника, теснившаго ихъ со стороны Икскюля, а послѣдніе, надѣясь на своихъ сотоварищей по оружію, что они, молъ, не будутъ отрѣзаны противникомъ отъ общихъ силъ корпуса, увѣренно сдерживали натискъ германскихъ войскъ на участкахъ фронта: за Двиной противъ Риги и отъ озера Югла до рѣки Двины.

Въ разгаръ этихъ боевъ на участкахъ Корпуса женскихъ ударныхъ группъ не видно было. Онѣ исчезли съ арены боевыхъ дѣйствій тихо, незамѣтно: несказавъ о томъ никому ни слова. Появились-же онѣ на фронтѣ — съ трескомъ, шумомъ и стрѣльбой въ самомъ городѣ Рига; въ особенности въ мѣстахъ ихъ стоянокъ на Двинской улицѣ, въ близи Гетрудненскаго ж. д. переѣзда, не поддаваясь власти комитетовъ въ теченіи всего лѣта.

II.

Два дня и двѣ ночи эвакуировалась Рига. Грунтовыя и шосейныя дороги запружены въ три-четыре ряда движущейся на сѣверо-востокъ живой массой: людей разныхъ половъ и категорій — военныхъ, гражданскихъ, горожанъ и изъ деревни, случайно или по обстоятельствамъ войны изъ Курляндіи и Земгаліи очутившихся въ Ригѣ и въ ея окрестностяхъ, обозовъ войсковыхъ частей и артиллерійскихъ пар-

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ".

новъ, а по желѣзной дорогѣ двойного пути, поѣзда движутся черепашьимъ шагомъ, одинъ — другому, въ затылокъ, придерживаясь лишь 20 саж. интервала.

Такую громадную силу войскъ германцамъ нужно было сгруппировать противъ Икскюльскаго сектора, очевидно, только лишь съ цѣлью деморализовать своего противника и показать ему наглядно свое превосходство надъ тѣми силами, которыя находились въ то время на фронтѣ русскаго Икскюльскаго сектора. Вся эта громадная масса брошена черезъ рѣку Двину вечеромъ 19 августа, подъ прикрытіемъ наступавшей темноты и когда подъ Ригой и въ самой Ригѣ все зашевелилось къ отступленію. Это былъ дѣйствительно рискованный шагъ генеральнаго штаба Императора Вильгельма II: оставивъ совершенно свободнымъ большой раіонъ фронта противъ Риги, вѣроятно, положившись исключительно на данную гарантію большевитскими комитетами при братаніи на фронтѣ о томъ, что они, молъ „ни въ коемъ случаѣ не допустятъ перейти въ контръ-атаку". Конечно, они исполнили это въ точности при „торговлѣ" вечеромъ 18 августа. А вѣдь ири такихъ обстоятельствахъ, перейди русская 12 армія за Двиной, противъ Риги, въ контръ-атаку, и къ вечеру 19 августа вся германская артиллерійская масса и большая часть територіи Курляндіи были-бы въ рукахъ русскихъ армій, безъ особыхъ къ тому усилій; а перебравшуюся черезъ рѣку Двину у Икскюля германскую пѣхоту, заставили бы вернуться обратно въ исходное положеніе. Нужно подчеркнуть — это сдѣлано не было. Всевластные комитеты и Главкосѣв"ъ были противъ.

Комдарм"ъ 12 генералъ Парскій, принявъ армію отъ уволеннаго отъ службы ген. Радко-Дмитріева 26 іюля 1917 г., тогда-же предусмотрѣлъ невозможность проявить активную работу на этомъ фронтѣ и сговориться съ комитетами, почему, по тактическимъ соображеніямъ, еще до 19 августа приказалъ выровнять Рижскій фронтъ: очистить Тирельскія болота у Кемерна и островъ „Доле" у рѣки Двины, и тѣмъ поставилъ противника въ невыгодныя условія, вмѣстѣ съ тѣмъ парализовавъ и его возможные удары, хотя-бы и при пассивной оборонѣ на этомъ участкѣ; все это въ конечномъ итогѣ, повидимому, и толкнуло германское командованіе къ операціямъ у Икскюля, до ясности очевидно — съ помощью

подкупленныхъ того времени русско-армейскихъ большевиковъ, комитетчиковъ, и ихъ агентовъ.

Рано утромъ, на разсвѣтѣ 21 августа, генер. штаба полковникъ Казбегоровъ на своей машинѣ, вмѣстѣ съ комендантомъ штаба подполковникомъ Шрамомъ, попадаетъ и подъ Ригу, въ штабы 4 и 5 Сибирскихъ стр. дивизій, и въ самый городъ Ригу, провѣрить, такъ сказать, ходъ эвакуаціи и передать въ дивизіи новыя тактическія заданія. По псковскому шоссе, на участкѣ ст. Роденпойсъ — оз. Югла, имъ на встрѣчу изъ Риги кое-гдѣ еще двигались большими и малыми группами войсковые обозы и артиллерійскія парки; по бокамъ дороги виднѣлись многія свѣжія могилки съ новыми, на скорую руку сдѣланными крестами; много лошадиныхъ труповъ, а недалеко отъ нихъ — разбитыя и помятыя военныя повозки и двуколки: ясно видна была работа германскихъ аэроплановъ въ теченіи дня 20 августа, успѣшно преслѣдовавшихъ двигавшуюся массу въ этой лѣсной части, сбрасывая на нее бомбы. Дальше, въ самомъ городѣ — улицы, въ особенности Маріинская и стараго города, носятъ слѣды опустошенія и разрушенія торговыхъ помѣщеній: разложенная солдатская тыловая масса и здѣсь показала результатъ „именно воспитанія и уговариванія" ихъ того времени большевитскими комитетами, созданными и введеными въ арміяхъ на фронтахъ согласно положенія выработаннаго военной комиссіей генерала Поливанова, по указанію военнаго Министра вр. Правительства (Р. О. 1917 г. 9/III. № 57), признавшая — „допустимымъ, въ извѣстной мѣрѣ, самоуправленіе солдатъ въ ротахъ, полкахъ, штабахъ и управленіяхъ армій" . . . Но вотъ и послѣдніе порѣдѣвшіе ряды — отступаютъ, по приказу, и доблестные стрѣлки 17 Сиб. стр. полка (5 Сиб. стр. див.), 2 Сиб. арм. корпуса аріергардъ полковника Бангерскаго. Время показываетъ уже 9,30 час. утра. Прочіе-же полки дивизіи и артиллерія ея прослѣдовали впередъ раньше. 17 Сиб. стр. п. послѣднимъ прошелъ спокойно по Маріинской улицѣ, и въ концѣ ея, за городомъ, остановился на привалъ. Уже перевалило за 10, и вдругъ..., страшный взрывъ, въ 10 ч. 20 м., взрывъ потрясающей силы, а затѣмъ другой, третій, и ни одно стекло въ окнахъ домовъ города Риги, казалось, не уцѣлѣло: мосты желѣзнодорожные, оба одновременно, а затѣмъ деревяный лѣвѣе го-

рода противъ Дрейлинбуша и понтонъ — въ городѣ, взорваны. Руководитель — командиръ аріергарда полк. Бангерскій. Офицеры у мостовъ, военные желѣзнодорожники — путейцы, легкимъ движеніемъ рукъ за рукоятки маленькихъ машинокъ, и колосальной крѣпости желѣзные мосты, нѣкоторые ихъ пролеты, полетѣли въ воду, будучи заранѣе подготовленными къ тому.

2 Сибирскаго арм. корпуса аріергардъ, 17 Сиб. стр. полкъ, водимый своимъ командиромъ полковникомъ Бангерскимъ, съ военной предосторожностію направился дальше только въ 15 час. дна, сначала по грунтовымъ дорогамъ, а затѣмъ свернулъ въ право и обошелъ южнѣе озеро Югла; далѣе, съ наступленіемъ темноты, такъ какъ было очень пасмурно, около 1 часу ночи прошелъ тихо по лѣсистой мѣстности до ст. Роденпойсъ, а утромъ 22 августа тамъ-же вышелъ на открытое шоссе и только къ вечеру того же дня присоединился къ корпусу въ раіонѣ Зегевольдъ. Не считая маленькихъ стычекъ этого аріергарда и его дозоровъ съ противникомъ, полкъ полковника Бангерскаго, силою въ 4 баталліона, все-же легко прошелъ ночью отъ южной части озера Югла до ст. Роденпойсъ по територіи занятой уже противникомъ, а дальше — до ст. Зегевольдъ, вдоль непріятельскаго фронта, чѣмъ еще разъ доказалъ на дѣлѣ: на сколько была сильна противника пѣхота? „разгромившая" ? части русскихъ дивизій 43 корпуса утромъ 19 августа у Икскюля, перебравшись тамъ черезъ рѣку Двину только къ ночи, т. е. съ наступленіемъ темноты вечеромъ 19 августа и насколько была ошибочна тактика — оставивъ Ригу почти безъ боя, поддавшись вліянію армейскихъ комитетовъ, такъ наглядно „игравшихъ" многими сотнями тысячъ жизней своихъ-же солдатъ, погубить народную власть, лучшій личный составъ армій, и отдать — большую свободную страну въ руки крайнѣ лѣвой диктатуры.

И, какъ только аріергадные части стали проходить по улицамъ города, въ 10—12 часовъ дня, начались взрывы и пожары въ окрестностяхъ: уничтожаются остатки не вывезеннаго продовольствія, обмундированія, снаряженія и вооруженія; артиллерійскіе снаряды, ружейные патроны и ручные гранаты — сбрасываются въ рѣку Двину въ районѣ портовъ. Пылаютъ въ огнѣ большіе корпуса фабрикъ и

зяводовъ и складочные сараи „Товарной“ и другихъ станцій Риги. Горятъ понтонный и деревяный мосты черезъ рѣку Двину. Все уничтожается. Все, что вѣками наживалось, экономилось и совершенствовалось, предается огню и разоренію, лишь-бы только не оставить противнику годнымъ и способнымъ использовать противъ самихъ-же его хозяевъ.

Улицы города пусты. Оставшіеся на мѣстахъ жители попрятались, какъ отъ наступающей чумы; и только изрѣдка, правда, появлялись въ окнахъ смѣльчаки, привѣтствуя отступающихъ послѣдними стрѣлковъ ряды.

Поспѣлъ полковникъ Казбегоровъ осматрѣть поверхностно и городъ, военныя складочныя мѣста, желѣзнодорожный узелъ, и заглянуть въ концѣ концовъ на свою квартиру, которую нашелъ въ порядкѣ: все сложено, уложено заботливой рукой Людмилы Рихардовны, какъ и многими жителями квартиръ дома, выѣхавшими будто-бы на короткое время, передавъ ключи дворнику старику Оскару.

— Всѣ уѣхали, — поторопился доложить старикъ Оскаръ въ вежливой формѣ: — старики впередъ 19 вечеромъ, а барыня — вчера утромъ, со сборнымъ поѣздомъ, въ сопровожденіи какого-то господина . . . — и старикъ сильно закашлялъ.

— Хорошо, Оскаръ! — Оставайтесь здѣсь хозяиномъ и надъ моимъ имуществомъ. . . — Вотъ вамъ пятьсотъ рублей авансомъ за квартиру и на чай . . . — отвѣтилъ полковникъ Казбегоровъ и передалъ деньги, какъ — бы поддаваясь общему настроенію — „аось городъ сдается непріятелю только — лишь на короткое время“.

— А на долго, баринъ, уѣзжаете? . . — въ недоуменіи спросилъ Оскаръ.

— Война, Оскаръ! Никто про-то не знаетъ, а живы будемъ, увидимся . . . — ласково отвѣтилъ полковникъ и обнявъ старика, поцѣловалъ.

Старикъ Оскаръ прослезился и сталъ молиться Богу на латышскомъ языкѣ. А затѣмъ крикнулъ вслѣдъ полковнику, когда тотъ сидѣлъ уже у руля машины и далъ ей холостой ходъ:

— Miļais barins! Dievs palīdz tevim! . . — Laimīgu ceļu! Dievs dos redzesimies . . . Онъ еще что-то говорилъ, но машина сильно трещала работающимъ моторомъ, и полковникъ

Казбегоровъ немогъ разобрать ни слова. Онъ только видѣлъ старика Оскара стоявшаго на тротуарѣ у подъѣзда со слезами на глазахъ, съ движущимися губами, и съ обнаженной головой, держа въ рукахъ фуражку.

Полковникъ также снялъ фуражку съ головы и положилъ ее около себя, сбоку; а затѣмъ, поклонившись головой въ сворону старика, повернулъ круто руль, — и машина тронулась въ путь мимо моря огня и дыма горѣвшихъ построекъ и большихъ складочныхъ мѣстъ на обширной площади центральной станціи „Рига — Товарная".

— Газу, газу, газу! . . — твердилъ полковникъ Казбегоровъ подполковнику Шраму, сидѣвшему сбоку.

Пролетѣли станцію „Товарная", Выгонная дамба, Проводникъ, Красная Двина, Мангали, мостъ черезъ рѣку и послѣдніе стрѣлки — отступаютъ цѣпи аріергарда 6 Сиб. арм. корпуса. Полковникъ Казбегоровъ остановилъ машину только на другой сторонѣ рѣки и приступилъ къ осмотру ея и охлажденію мотора, а подполковникъ Шрамъ тѣмъ временемъ приготовлялъ закуску, захваченную изъ Риги. Время быстро шло, и перевалило уже далеко за полдень.

Но въ это время послышались новые, болѣе сильные взрывы, а зетѣмъ взрывы одинъ за другимъ потрясающей силы. Форты Усть-Двинской крѣпости и тяжелыя ихъ орудія, которыхъ нельзя было вывезти на баржахъ черезъ рѣку Двину, также взорваны на воздухъ русскими морскими саперами (1917 г. 21 авг. ст. ст. 15,30—16,00 час.); а крѣпостной гарнизонъ, ввидѣ отдѣльнаго отряда, выступилъ въ походъ по побережью Рижскаго залива въ направленіи Взцаки — Царниково. Генеральнаго штаба полковникъ Казбегоровъ снялъ фуражку и молча перекрестился, а подполковникъ Шрамъ тѣмъ временемъ поторопился вытереть себѣ глаза: каждый изъ нихъ по своему переживалъ въ душѣ тяжелую драму, — „уничтожается, молъ, все, не использовавъ его для защиты, думали они стоя неподвижно на своихъ мѣстахъ. Когда-же взрывы немного затихли, по счету ихъ было — большихъ 12, а малыхъ — безконечное множество, тогда только лишь они пригласили къ себѣ трехъ офицеровъ передового охраненія въ доль рѣки Аа Лифляндская, и всѣ въ пятерыхъ закусили и выпили „за здоровье своего-же народа, временно оставшагося въ городѣ Ригѣ, въ

рукахъ противника". Было около 4 часовъ вечера. Эта военная семья изъ 5 человѣкъ, по своему соціально — общественному положенію, была различна, поэтому-то и разговоръ ихъ на тему: о сдачѣ Риги почти безъ боя и объ уничтоженіи Усть-Двинской крѣпости — почти что не клеился. Одинъ лишь полковникъ Казбегоровъ твердо и откровенно высказался — о паденіи психологіи народа, о его пессимизмѣ и безразличности къ будущей судьбѣ великой и богатой свободной родины своей: — „На сѣверномъ фронтѣ погибла Россійская Имперія, гибнетъ здѣсь-же и вся великая свободная ея страна отъ руки великаго массона; но духъ народа, народа много-милліоннаго, неуничтожаемъ; онъ живъ и будетъ жить въ міровомъ пространствѣ, пока не выйдетъ опять на сцену земной жизни въ лицѣ свободныхъ великихъ гражданъ родины своей" — филоссофски заключилъ онъ.

Только 22 августа къ вечеру полковникъ Казбегоровъ и подполковникъ Шрамъ присоединились къ своему штабу корпуса въ раіонѣ Лигатъ, въ усадьбѣ Палтмалѣ, гдѣ и выслушалъ докладъ Филиппа о выѣздѣ семействъ изъ Риги; докладъ былъ аналогиченъ съ заявленіемъ старика Оскара, и полковникъ успокоился.

Общими силами корпуса, съ присоединеніемъ 4 и 5 Сиб. стр. дивизій, натискъ противника 23 августа остановленъ на линіи Зегевольдъ. Въ теченіи 3—5 дней германское командованіе все еще пыталось продвинуться впередъ, но безрезультатно. Спайка Сибирскихъ и Латышскихъ стрѣлковъ была еще солидная, подчеркивая, — и еще въ рукахъ опытныхъ начальниковъ-офицеровъ.

Подводя итоги операцій 19 — 26 августа, командиръ корпуса генералъ Новицкій неоднократно выказывалъ свою личную похвалу и восхищеніе о геройскихъ подвигахъ и сверхчеловѣческой выносливости въ бояхъ Латытскихъ срѣлковъ. Высоко цѣня ихъ зяслуги, генералъ Новицкій 25 августа лично приказалъ пишущему настоящія строчки: немедлено сдѣлать представленіе въ Штабъ 12 арміи о снабженіи стрѣлковъ всѣхъ Латышскихъ частей 1 и 2 Лат. стр. бригадъ обмундированіемъ и обувью внѣ процентной (% %) нормы, ввиду сильной обношенности ихъ въ бояхъ и геройскихъ подвиговъ. И когда это было уже сдѣлано, вѣдавшій рас-

предѣленіемъ полковникъ В . . . ль, секретное объ этомъ распоряженіе генерала Новицкаго передалъ своему „большевитскому комитету", а тотъ — въ комитетъ штаба 12 арміи Нахимсону и Данишевскому, „историческимъ купцамъ". Поднялся политическій скандалъ: „большими преступниками" оказались генералъ Новицкій и пишущій эти строчки. Дѣло передано въ штабъ Сѣвернаго фронта. И только тамъ, разбирая отчетъ объ операціяхъ подъ Ригой и противъ Икскюля, по личному объясненію генерала Новицкаго, дѣло приняло другой оборотъ, виновникомъ оказался полковникъ В . . . . ль, который и былъ преданъ суду и отчисленъ отъ должности въ резервъ, въ центръ страны, за дискритированіе высшаго военнаго начальника во время боевъ; такимъ образомъ, положеніе Латыщскихъ стрѣлковъ и ихъ внѣ % % нормы снабженіе было утверждено.

Новый раіонъ фронта, новыя позиціи на „Венденскихъ укрѣпленыхъ высотахъ", для 2 Сибирскаго армейскаго корпуса генерала Новицкаго знаменателенъ былъ тѣмъ, что боевой составъ корпуса былъ не великъ—4 и 5 Сиб. дивизіи, съ дивизіонной и корпусной артиллеріей, техническія части, 1 и 2 Лат. стр. бригады, корп. кавалерія — 2 полка (Уланскій и Донской казачій) и другія вспомогательныя части, но по составу ѣдоковъ, корпусъ доведенъ былъ до состава хорошей арміи: около 230 тысячь человѣкъ и до 56.000 лошадей. Эта масса, -- остатки 43 корпуса 109, 110, 111 и 112 пѣх. дивизій съ артиллеріей на бумагѣ, ибо она почти вся гдѣ-то потѣряна, незначительные остатки 186 и 185 пѣх. дивизій, Богъ вѣсть какими путями попавшіе, нѣкоторыя отдѣльныя пѣхотныя и конныя части 33 и 44 пѣх. дивизій сосѣднаго 45 корпуса, — начала постепенно группироваться и, такъ сказать, давать свѣдѣнія о своемъ существованіи въ тылу и въ раіонѣ 2 Сиб. арм. корпуса только на третій — пятый день боевъ, будучи офиціально переданной въ подчиненіе генералу Новицкому еще вечеромъ 19. августа. Морально разложенная и психологически разбитая эта масса, какъ видно, начала было выздоравливать отъ большевитскаго угара „свобода на фронтѣ" и отъ агитаціонной ихъ работы, разрѣшенной имъ высшими „правителями" и „руководителями", въ то время, какъ генерала Скалона, конечно

поспѣшили предать суду все подъ давленіемъ тѣхъ-же армейскихъ комитетовъ, сваливавшихъ свою преступную работу на другихъ. Пока дѣлали разслѣдованіе о работѣ генер. Скалона, созывали судъ и судили, собранныя остатки войсковыхъ частей и дивизій 43 и 45 армейскихъ корпусовъ, въ составѣ 2 Сиб. арм. корпуса генер. Новицкаго приведены въ порядокъ и вполнѣ были уже готовы къ боевой работѣ. Но вотъ, судъ не нашелъ состава преступленій въ работѣ генерала Скалона и онъ, понятно, былъ оправданъ. Это послужило новымъ сигналомъ для „товарищескихъ руководителей“: разложеніе арміи усилилось. На фронтѣ полное бездѣйствіе. Въ тылу разложили Кавказскую туземную дивизію генерала Багратіона и Каваллерійскій корпусъ генерала Крымова, двигавшіеся на Петроградъ для уничтоженія „крамолы“ въ видѣ: „центральнаго нелегальнаго совѣта разныхъ депутатовъ“ въ Смольномъ и большого столичнаго гарнизона, покраснѣвшаго отъ бездѣлья, но заручившагося еще 2 марта на это бездѣлье отъ временнаго правительства. Въ результатѣ — все привело къ началу „октября“, лишній разъ доказавъ преступную работу временнаго правительства г. Керенскаго и агентовъ отъ центральнаго нелегальнаго Совѣта на фронтѣ Сиверса, поспѣвшаго куда-то скрытся къ 19, Нахимсона, Данишевскаго, а въ тылу — Бреги, Дожи, Капу, Хачивили, Іоффе, Опала, Мучинскаго и другихъ лицъ, поисгинѣ съ странными „русскими“ фамиліями? въ судьбѣ Великой Свободной Россійской Страны. А гдѣ-же были великіе россійскіе народные патріоты изъ врем. комитета Государств. Думы? — съ надежными, громкими фамиліями временъ безкровной революціи и власти начала марта и высокіе вожди? . . спроситъ читатель. Они были тутъ-же; нѣкоторые изъ нихъ спокойно и самонадѣянно смотрѣли на разыгрывавшуюся драму, а многіе же, даже заискивали у власть имущихъ расположенія къ себѣ и повышенія по службѣ, охали повременамъ, куда-то писали и опять молчали, пока рука великаго массона, вершителя судебъ народовъ, приближалась и къ нимъ, а затѣмъ къ концу октября разбѣжались; и въ свою очередь взялись за оружіе, но было уже позно. . . Масонскій мистицизмъ глубоко пустилъ корни своего ученія къ разложенію широкихъ массъ и арміи; они оказались въ большинствѣ — морально больные и безъ

реальныхъ идей къ жизни; пессимизмъ вихремъ захватилъ ихъ въ свое теченіе, создавъ изъ нихъ шайки грабителей.

III.

Въ то время, какъ вблизи города Риги развивались сильные бои съ утра 19 августа, на частной квартирѣ генер. штаба полк. Казбегорова, въ самомъ городѣ, только и говорили о Давидѣ Ильичѣ. На этотъ разъ Людмилѣ Рихардовнѣ казалось неевѣроятнымъ — передавать черезъ денщика, что онъ, молъ, занятъ: и даже сильно, и дома завтракать не будетъ: она относила это къ разряду случайностей, характеризуя собою тѣхъ интелигентныхъ семействъ, которымъ надоѣла война до тошноты, но которымъ все-же хотѣлось чтобы она окончилась успѣшно, и восторжествовало бы свободное народное право подъ защитой большихъ армій сгруппированныхъ на фронтахъ.

— Что за занятъ? Прежде всего своя семья и домъ, а затѣмъ уже и служба. . . — просто объясняла Людмила Рихардовна своимъ родителямъ, спокойно сидя за столомъ.

Родной ея отецъ, старикъ Цепа, пытается ее уговорить и доказать обратное, приведя въ основу и характеръ и общественное и служебное положеніе зятя своего, ген. штаб. полков. Казбегорова.

— Никогда, никогда! — волнуясь и краснѣя вмѣшалась старушка Цепа, а затѣмъ сердито и грозно обращаясь къ падчерицѣ своей, продолжала: — Я видѣла его и по глазамъ, что онъ большой и богатый у тебя аристократъ, капризами начинаетъ заниматься, не правда-ли? . . — настало короткое молчаніе, которое нарушила снова расходившаяся „мамаша“: —Ч ѣмъ ты можешь доказать, что ты его жена? неожиданно мачиха бросила обвиненіе Людмилѣ Рихардовнѣ: — Удостовѣренія изъ штаба не взяла, а другихъ документовъ такъ-же нѣтъ. — Смотри, Филиппъ, и тотъ забралъ свои вещи и унесъ „его“ пальто, а остальныя вещи находятся вѣдь въ штабѣ. . . — Ты, теперь, одна! . . — нервничая и почти крича, заключила неспокойная мачиха, и замолчавъ отъ злости, она опустила глаза какъ-бы въ раздумьи.

Людмило Рихардовна и ея отецъ также молчали и изрѣдка поглядывали другъ на друга въ недоуменіи; и только нарушали установившуюся тишину мухи, жужжавшія и не-

стерпимо кусавшія, неожиданно налетѣвшія въ столовую изъ сада передъ дождемъ. Но вотъ послышалась въ городѣ артиллерійская стрѣльба, а затѣмъ и взрывы. Старушка Цепа немного успокоилась, и снова первая заговорила:

— Я, понимаю его, теперь! — Они отступятъ и онъ оставитъ тебя навсегда. — Ты находишься въ чужой квартирѣ и тебя силой выселить могутъ. Вѣдь дворникъ Оскаръ все знаетъ. . .

— Мама! Неразбивай мнѣ семейной жизни, своими неосновательными подозрѣніями. . .*) — Вѣдь я его люблю; и ради его оставила службу „начальника отдѣла въ управленіи дороги“. . . Онъ также любитъ меня еще со студенческой скамьи, когда я была на послѣднемъ курсѣ, а онъ въ академіи генеральнаго штаба . . . и это связываетъ насъ больше и крѣпче, чѣмъ какіе-бы то нибыло документы къ тому. . . И мы будемъ всю жизнь поддерживать другъ друга, въ особенности въ это тревожное, „непостоянное“ время... — со слезами на глазахъ отвѣпила Людмила Рихардовна.

— Это ничего не значитъ . . ., но пріютить и содержать тебя, хотя-бы одинъ день, мы не можемъ. — Мы бѣдные и голые, теперь, съ отцомъ: все разорено и сожжено войною, а старикъ зарабатываетъ очень мало, при теперешней дороговизнѣ; хорошо вѣдь ты знаешь это . . . — возразила „мамаша“ серьезно и задумалась.

Въ этотъ моментъ въ парадныя двери позвонили, и старикъ Цепа быстро поднялся и пошелъ отворить, а Людмила Рихардовна съ мачихой остались у стола, приведя въ порядокъ и свои туалеты.

— А-а-а! господинъ Брегъ! — съ улыбкой протянула мадамъ Цепа подымаясь и идя на встрѣчу входившему въ столовую бывшему жениху Людмилы Рихардовны Нарвскаго пѣхотнаго полка прапорщику Брегу: — Какими судьбами здѣсь? . . .

Людмила Рихардовна также поднялась и, какъ хозяйка, ласково поздоровалась съ гостемъ и пригласила его присѣсть. Господинъ Брегъ въ свою очередь разшаркался передъ хозяйкой, поцѣловалъ ей руку, но молча опустился на предложенный ему стулъ. Сначала какъ-то всѣ почувствовали себя неловко и не находили о чемъ нибудь заговорить

*) См. т. I „Во власти женщинъ“.

хотя бы для приличія; почему Людмила Рихардовна нашла необходимымъ быстро подняться изъ-за стола, извиниться: — „только на одну минутку“, — и вышла изъ столовой къ себѣ въ будуаръ, а старики тѣмъ временемъ занялись гостемъ сами. Наконецъ кое-какъ все таки разговорились они и предложили гостю закусить, доставъ остатки ѣды изъ буфета. Прапорщикъ Брегъ немного почувствовалъ себя свободнѣе и, тяжело вздохнувъ, осмотрѣлся кругомъ и принялся за ѣду. Хозяйка не заставила долго ожидать себя, скоро вновь появилась въ столовой, и еще находу первая заговорила:

— Теперь, господинъ Брегъ, разкажите намъ, гдѣ-же Богъ хранилъ васъ въ послѣднее время и чѣмъ занимаетесь, что ходите теперь въ статскомъ платьѣ? . . и она также присѣла къ столу.

Брегъ тѣмъ временемъ закончилъ ѣду; наклоненіемъ головы онъ поблагодарилъ стариковъ и обратился къ Людмилѣ Рихардовнѣ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили меня въ Нарвѣ, — неожиданно вспомнивъ прошлое, Брегъ началъ свое повѣствованіе именно съ больного мѣста: — и даже не хотѣли говорить со мной тогда, пріѣхавъ изъ Витебска лишь на короткое время, въ концѣ мая прошлаго года, что-бы черезъ другихъ отказать мнѣ, я все-же непереставалъ слѣдить за вами, за вашей жизнью, и вы всегда были у меня въ виду. — Я это говорю вамъ откровенно и при вашихъ-же родителяхъ, какъ старый другъ ихъ дома. — Продолжаю служить въ томъ-же полку какъ прапорщикъ, но только уже на Икскюльскомъ фронтѣ. — Теперь новые порядки, какъ видите, и я партійный человѣкъ, предсѣдатель комитета и партіи своей въ полку; нахожусъ въ городѣ „по дѣламъ службы“? и мѣста остановки для ночлега не имѣю, а на Икскюльскомъ фронтѣ, въ полку, теперь тамъ нечего мнѣ дѣлать. — Случайно на станціи узналъ вашъ адресъ и о томъ, что вы переведены сюда, я и поспѣшилъ посѣтить васъ . . . — закончилъ онъ и быстро взглянулъ на старика Цепу и улыбнулся въ сторону его старушки.

— Похвально съ вашей стороны, похвально и очень даже! . . . — протянула старушка Цепа, улыбаясь гостю.

Но въ этотъ-же моментъ въ столовую, черезъ кухню, вошелъ денщикъ Филиппъ, и всѣ какъ-то сразу замолчали. Онъ передалъ Людмилѣ Рихардовнѣ распоряженіе полковника о выѣздѣ, помогъ кое что уложить и убрать на кухнѣ, а затѣмъ: снялъ телефонный апаратъ и ушелъ съ нимъ обратно въ штабъ.

Старики Цепы, Людмила Рихардовна и прапорщикъ Брегъ сразу забезпокоились о необходимости выѣзда изъ Риги; но прежде всего рѣшили выяснить: какое же будетъ распоряженіе желѣзнодорожнаго начальства Цепы. Людмила Рихардовна не протестовала и упросила отца какъ можно скорѣе итти на станцію и все подробно разузнать. И когда отецъ вышелъ, то мачиха ея вновь ласково заговорила съ Брегой:

— Такъ вы останетесь у насъ? . . . — Я дамъ вамъ и мѣсто выспаться и пріютъ. . .

— Я согласенъ . . . и очень вамъ благодаренъ за предоставленный пріютъ. . . — Мнѣ некуда спѣшить, а изъ Риги поѣдемъ вмѣстѣ . . . — лаконически отвѣтилъ Брегъ и поднялся изъ-за стола.

— Такъ вы, пока выяснится отъѣздъ, можете и отдохнуть немного . . . — участливо предложила старушка Цепа, и также поднялась и увела гостя въ свою комнату.

Людмила Рихардовна тѣмъ временемъ молчала. Она мысленно сравнивнивала своего мужа съ Брегой. Въ душѣ ея была борьба: этотъ, Брегъ, былъ первымъ ея женихомъ хотя и безъ любви, зато офиціально обрученнымъ считался, но потѣрялъ ее полтора года тому назадъ благодаря пьянству и не благовидному поведенію. Теперь-же онъ вновь предсталъ, да еще въ такое время. Она не находила объясненія — ни о любезностяхъ мачихи съ Брегой, ни о подозрѣніяхъ ея на счетъ Давида Ильича, котораго ненавидѣла и никогда съ нимъ не говорила, хотя и жила въ его квартирѣ. И она рѣшительно отбросивъ всякія навязчивыя мысли и чисто сердечно простивъ мужу за то, что онъ невзялъ ее съ собой въ машину, все-же рѣшила: выѣхать изъ Риги поѣздомъ туда, куда онъ указалъ, а пока что — выйти въ садъ и разсѣяться немного. Еще никогда она не чувствовала себя такой почему-то униженной, какъ именно теперь. Въ первую минуту, когда она узнала, что мужъ больше не

прійдетъ домой, а ей предстоитъ скитаніе одной въ поѣздахъ-по назначенію въ Старую-Руссу и, быть можетъ, въ обществѣ одного лишь Бреги, она отчетливо поняла тогда смыслъ его прихода. А теперь въ саду, мысль эта вновь стала ее преслѣдовать, и чувство физическаго униженія было такъ велико, что она даже нервно зарыдала и убѣжала въ глубь сада, съ мыслью о самоубійствѣ.

-- Да что-же это! . . — Неужели этому еще не конецъ? . . — Неужели я совершила когда-нибудь такое ужасное преступленіе, что оно никогда не простится и, всегда, всякій будетъ имѣть право смѣяться надомною. . .— чуть не закричала она, заломивъ руки надъ головой.

Въ саду становилось уже темно, а въ городѣ во многихъ мѣстахъ видны были пожары и большіе клубы чернаго дыма окутывали его; слышны взрывы снарядовъ и артиллерійская стрѣльба со стороны Икскюля. Она вдругъ инстинктивно вспомнила, что тамъ, гдѣ-то умираютъ мужчины, молодые, сильные какъ и ея мужъ, которые, многіе конечно, всегда такъ-же охотно и жарко бѣгали, быть можетъ, съ увлеченіемъ наслаждались красотами природы, а теперь невольники — дерутся, убиваютъ друг-друга. Вспомнила она и свое оживленіе въ юные годы, которое напрягало все ея тѣло подъ взглядами другихъ, и вдругъ, совсѣмъ сознательно, пробудилось въ ней чувство гордости и правоты, а къ прапорщику Брегу какое-то презрѣніе и ненависть, подозрѣвая его въ дезертирствѣ, въ побѣгѣ изъ полка во время боя.

— Ну, что-жъ, — подумала она: — слава Богу что своевременно отдѣлалась отъ такого труса и измѣнника, какъ Брегъ, предателя родины и народа своего. — Вѣдь у меня есть достойный мужъ, хотя „мама" и презираетъ его, клевещетъ и думаетъ. . . — Меня-то никто и никогда не смѣетъ презирать, и я лучше умру за идею мужа. . . — и она круто повернулась къ дому и пошла скорымъ шагомъ.

Въ столовой комнатѣ она застала отца, мачиху и Брега, которые намѣчали уже и планъ отъѣзда: старики должны выѣхать въ Витебскъ, вмѣстѣ со всѣми желѣзнодорожниками, въ поѣздѣ отходящемъ сегодня-же ночью, а Брегъ съ Людмилой Рихардовной — завтра утромъ, въ сборномъ поѣздѣ для прочихъ гражданъ Риги. Странно улыбаясь та-

кому рѣшенію, улыбкой дѣлавшей Людмилу Рихардовну похожей на молодую кокетливую дѣвушку, она какъ будто-бы спокойнымъ, но съ особенно милыми нотками голосомъ заявила съ своей стороны:

— Хорошо! — Я на все согласна. — Вы, господинъ Брегъ, раздѣвайтесь, пока, и чувствуйте себя какъ дома. . . — Времени у насъ достаточно. . . — и прапорщикъ Брегъ послушался, молча снялъ съ себя верхную одежду, и присѣлъ на ближайшій стулъ какъ-бы отъ усталости; а старики Цепы тѣмъ временемъ приступили на скорую руку укладываться для переѣзда на станцію.

Какая-то внутренняя сила, и грозная, и милая установилась въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ господинъ прапорщикъ Брегъ. Людмила Рихардовна была въ восторгѣ и, своимъ веселымъ присутствіемъ духа, заставила подчиниться и всѣмъ: она торопила стариковъ къ отъѣзду, помогала имъ укладывать чемоданы и связывать постели. Черезъ 10—15 минутъ все было готово.

— Видите-ли, Людмила Рихардовна. . ., — съ замѣшательствомъ проговорилъ Брегъ, но неожиданно замолчалъ противъ своей воли.

И, какъ только онъ заговорилъ, жалкое выраженіе скользнуло по лицу Людмилы Рихардовны. Она быстро взглянула на него и вдругъ ей стало невыносимо больно. Но это чувство мгновенно смѣнилось острой необходимостью доказать ему, какъ много онъ самъ потѣрялъ и какъ она все таки счастлива, несмотря на горе и униженіе, которыя онъ причинялъ ей раньше, будучи женихомъ.

— Что вы хотѣли мнѣ сказать? — спросила Людмила Рихардовна, проходя мимо съ тючками вещей выносимыхъ на дворъ для укладки на телегу.

— Пусть уѣзжаютъ старики, тогда. . . — особенно нѣжно отвѣтилъ Брегъ, и моментально схватилъ ее за руку выше локтя.

Но Людмила Рихардовна поспѣшно прошла съ вещами дальше, а онъ почувствовавъ себя обиженнымъ, остался сидѣть у стола и замолчалъ: острый язычекъ мгновенно облизалъ его пересохшія губы, глаза слузились, а все тѣло прапорщика, подъ просторнымъ статскимъ свѣтлымъ костюмомъ, отекло въ безсильномъ физическомъ восторгѣ. Нако-

нецъ, все было готово: старики Цепы уѣхали, а Людмила Рихардовна вернулась въ квартиру и молча подошла къ окну въ столовой.

— Представте-же. . . — ласкового заговорила она; бросивъ при этомъ взглядъ на Брегу и высоко держа свѣтловолосую головку, она продолжала: — наконец-то родители уѣхали. . . — На дворѣ сразу какъ-то стало темно. . . — Всюду тишина, но со стороны Икскюля все-же слышна сильная артиллерійская стрѣльба. . .

Брегъ поднялся со стула и также подошелъ къ окну, но плохо самъ собой владѣя, дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— И такая красавица, какъ вы, когда-то была моей милой и любимой невѣстой. . .

— Возьмите-же себя въ руку и не дрожите какъ щенокъ около матки; а еще офицеръ-герой-трусъ-измѣнникъ!... Если вы потеряли меня полтора года тому назадъ, благодаря своимъ-же увлеченьямъ, такъ зачѣмъ-же судьба васъ занесла ко мнѣ сегодня, какъ къ дамѣ? . . — твердо отвѣтила Людмила Рихардовна и улыбнулась; а затѣмъ немного подумавъ, продолжала говорить въ другомъ направленіи, почти серьезнымъ, повелительнымъ тономъ: — Завтра намъ нужно рано вставать, сложить вещи, убрать квартиру и передать ее съ имуществомъ старику-дворнику Оскару, а самимъ ѣхать на станцію. . . — Сборный поѣздъ отходитъ вѣдь въ 9 ч. утра. . . — Вамъ работы много! — Вѣдь вы, теперь, здѣсь единственный мужчина! . . — А пока что, немного закусимъ, что есть изъ холоднаго, и спать! . .—Ваша комната таже, гдѣ спали и днемъ, по указанію мȧмы... — и она быстро отошла отъ окна и начала накрывать столъ къ ужину.

Странная и сложная путаница чувствъ и мыслей была у прапорщика Бреги. Еще полтора года тому назадъ, эта гордая 25-ти лѣтняя аристократка-красавица, съ высшимъ образованіемъ женщина, была его невѣстой, называла его на „ты“ и ласкательнымъ именемъ, а теперь смѣется и даже дерзости говоритъ ему. Онъ не могъ понять глубокую перемѣну характера ея, а главное, боялся что-бы она не догадалась и о его дѣйствительномъ побѣгѣ съ фронта. Полковника Казбегорова онъ лично незналъ, но слыхалъ о немъ

какъ объ ученомъ „докторъ психологіи" и какъ о большомъ и богатомъ аристократѣ, и очень красивомъ и молодомъ генеральнаго штаба полковникѣ.

— Пожалуйста, присаживайтесь къ столу, господинъ Брегъ! — закончивъ работу около стола, Людмила Рихардовна ласково пригласила его къ столу. — Вы что нубудь пьете? — продолжала заботливо говорить она: — У меня есть остатки коньяку. Давидъ Ильичъ безъ этого средства положительно не можетъ жить; держитъ его всегда какъ „средство" отъ простуды. . .

— Въ этой абласти себѣ я не измѣнилъ: — угрюмо отвѣтилъ Брегъ: — пью какъ пилъ всегда, и только партійность замучила меня, много надо говорить и. . . приходится воздерживаться отъ пьянства. . — но присѣлъ онъ къ столу противъ хозяйки, молча выпилъ рюмку коньяка и началъ съ апетитомъ закусывать, незамѣтно, украдкой изъ-подъ лобья, поглядывая на хозяйку.

— Ну, какъ-же вы, женились? . . И счастлива ваша жизнь? — нарушивъ молчаніе, первой спросила Людмила Рихардовна.

— Нѣтъ! Я еще неженатъ. . . Съ тѣхъ поръ какъ вы оставили меня, въ моемъ сердцѣ нѣтъ мѣста для другой. . . Вся жизнь моя протекала только въ воспоминаніяхъ о васъ. Даже сны, и тѣ недаютъ мнѣ покая: то я на „ты" васъ называю, то ласкаю васъ. . . — И вотъ сегодня, воспользовавшись случаемъ, загорѣвшимся горячимъ боемъ въ Икскюльскомъ районѣ, я былъ по дѣламъ въ штабѣ 12 арміи у т. Нахимсона, а послѣ рѣшилъ посѣтить и васъ на квартирѣ, когда полковника нѣтъ дома. . . Но судьбѣ угодно было иначе, противникъ сталъ переходить рѣку, и я на фронтъ не ѣду, тамъ нечего мнѣ больше дѣлать. . . — бравуриги закончилъ онъ, вспоминая свою работу по разложенію на фронтѣ Икскюльскаго участка войсковыхъ частей, которыя еще въ началѣ боя „многія—успѣшно" разбѣжались, а онъ, переодѣвшись въ статскій костюмъ, скрылся въ Ригу.

Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ, молча кушала и маленькими глотками запивала краснымъ виномъ. Не понятны ей были чувства Бреги въ то время какъ она официально была помолвлена и считалась его невѣстой, а онъ, не

отвѣчая ей какъ женихъ, предавался разгульной жизни въ Нарвѣ. Вспомнила она и страданія и тоску свою по Казбегорову въ моменты, когда проявлялась у нея первая горячая любовъ къ нему, а также и тѣ трудности, черезъ которыя она прошла, при подчиненіи Давида Ильича своему вліянію. Имѣть мужемъ-другомъ великаго и ученаго джентльмена-интелигента, какъ ея Давидъ Ильичъ, она считала теперь за великое счастье, почему на его слова только усмѣхнулась, подняла глаза и тихо заговорила:

— Видите-ли, господинъ Брегъ, вы ошиблись! Вѣдь я не такая теперь „дѣвчонка", какой раньше была, съ которой вы хотѣли играть какъ кошка съ мышкой, но и той игрой васъ не удостоили. . . — Я слишкомъ люблю своего мужа, и удивляюсь вашему откровенію, ввидѣ разсказа сновъ-фантазіи больной головы. . .

— Но вѣдь времена мѣняются, — неожиданно вспыхнулъ прапорщикъ Брегъ: — мѣняются и обстоятельства. . . и тогда фантазія становится реальностію, а современная реальность — утопіей. . .

— Пусть мѣняются, — спокойнымъ тономъ протянула Людмила Рихардовна: — Я удивляюсь только скорому вашему лѣвенію и тому, что вы забываете элементарныя правила эволюціи; человѣчество воспринимаетъ перемѣны идей, быта, нрава, экономики и вообще духовной жизни—безъ особой чувствительной ломки; но если перемѣну вводить силою, навязывать всему человѣчеству чуждую ему идею и несуразную по его понятіямъ духовную жизнь, то я и мой мужъ, представте, сумѣемъ обойтись и безъ вашихъ большевитскихъ фантазій. . . — закончила она рѣшительно, умышленно переведя разговоръ на политическую тему.

— Не понимаю васъ, Людмила Рихардовна! . .

— Я, кажется, объяснила ясно; да теперь, вообще, новые политики и представители совѣтовъ и комитетовъ ничего не понимаютъ того, что касается ихъ лично и ихъ утопическихъ идей. — отвѣтила она спокойно и немного покраснѣла.

— Вы очень храбрая! — со злой улыбкой замѣтилъ Брегъ.

— Пусть будетъ такъ! . . — Мнѣ нечего бояться въ своей квартирѣ и при томъ въ присутствіи „представителя

власти", ну, хотя-бы въ вашемъ лицѣ. . . Если вамъ есть свобода всюду говорить все-то, что вы чувствуете, переживаете и даже воснѣ видите, такъ почему-же я не могу говорить хотя-бы въ защиту самой себя? . . — отвѣтила она повышеннымъ тономъ и съ чуть-чуть замѣтной улыбкой на покраснѣвшемъ отъ злости лицѣ; а затѣмъ, немного отвернулась въ сторону и незамѣтно вытерла салфеткой губы и ощупью провѣрила — на мѣстѣ-ли ея маленькій револьверъ „Браунингъ", съ которымъ она никогда неразставалась, нося его незамѣтно за поясомъ юбки, какъ подарокъ мужа для самозащиты.

Прапорщикъ Брегъ молчалъ. Онъ незналъ что и о чемъ можно говорить, что-бы не вооружать противъ себя, и ненарушать корректности гостя. Передъ нимъ открылась какая-то пустота и, почувствовавъ себя ничтожнымъ, маленькимъ, безсильнымъ передъ энергичной, молодой интелигентной женщиной, такъ остро и съ насмѣшкой указавшей ему: кто онъ такой въ дѣйствительности есть, онъ смутился и, опустивъ глаза, немного покраснѣлъ. Ужинъ былъ оконченъ.

Замѣтивъ неловкое положеніе гостя, Людмила Рихардовна поспѣшила вновь заговорить, но уже тономъ спокойной, вежливой хозяйки:

— Завтра вѣдь намъ нужно подыматься не позже 6 час. утра. — Идите, пожалуйста, спать въ ту комнату, которую вамъ я указала. — Постель тамъ уже готова. . . и она первая поднялась изъ-за стола и протянувъ руку Брегу, пожелала ему спокойной ночи, извинилась за свои откровенныя поясненія на затронутыя имъ темы и, съ мыслями только о своемъ мужѣ, ушла спать въ свой будуаръ, заперевъ за собою и дверь на ключъ.

Будуаръ Людмилы Рихардовны окнами выходилъ на улицу, а глухой стѣной прилегалъ къ квартирѣ дворника и управляющаго домомъ, старика Оскара. Въ этой стѣнѣ была и хорошо замаскированная маленькая дверь, секретный ходъ въ сосѣднюю квартиру, почему Людмила Рихардовна и была вполнѣ спокойна. Войдя къ себѣ въ будуаръ, она на скорую руку переодѣлась, пригласила къ себѣ старика Оскара, расчиталась съ нимъ и, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія относительно продуктовъ на дорогу, отпустила его, а

сама принялась за чтеніе передъ сномъ, по-разъ заведенному порядку.

Брегъ въ полномъ недоумѣніи также ушелъ въ указанную ему комнату. Спать ему еще не хотѣлось, и онъ бодрый, но не вполнѣ удовлетворенный начавшимися боями у Икскюля, началъ ходить по комнатѣ взадъ и впереесъ. Наконецъ, подойдя къ окну и безотчетно глядя въ пространство, онъ протянулъ:

— Д-а-а-а! — а затѣмъ переведя свой взглядъ въ бездонное блестящее небо, запыленное звѣздами, подумалъ: — жизнь — безконечная, а люди безсмысленные „звѣри" и должны-же подчиняться намъ, партійнымъ вождямъ! . .—Пойти къ „ней" и извиниться? . . Или показать ей свою власть?.. Такъ-ли? . .

Не получивъ отвѣта на свои нелѣпыя мысли, онъ, не отрываясь, все время продолжалъ смотрѣть иа большую блестящую звѣзду, въ хвостѣ большой группы звѣздъ на с. — небосклонѣ и безсознательно вспомнилъ, что отецъ его Карпо, будучи сторожемъ бахчи на югѣ въ его дѣтскіе годы, называлъ эти величавыя звѣзды „возомъ". Но почему-то, тоже безсознательно, это воспоминаніе показалось ему неумѣстнымъ и даже, какъ будто-бы, оскорбляло его чувства какъ представителя центральнаго Петроградскаго совѣта депутатовъ. Онъ сталъ смотрѣть тогда въ садъ который послѣ звѣзднаго неба, показался ему совсѣмъ чернымъ, и опять началъ думать, думать. . . о своихъ обязанностяхъ депутата, о прошлой своей жизни, и о своемъ бѣгствѣ изъ полка въ началѣ боя, переодѣвшись въ статскій костюмъ. И ему стало стыдно за себя; голова закружилась. Не удовлетворенный и разстроенный, и все еще томимый воображеніемъ изъ прошлой разгульной жизни, онъ, съ безпричинной злобой вь душѣ, рѣшилъ все-же ложиться спать.

Тщетно стараясь заснуть, Брегъ вспомнилъ вдругъ хозяевъ квартиры, полковника Казбегорова и Людмилу Рихардовну, и съ завистью подумалъ о ихъ счастливой семейной жизни и о преданности ея мужу. И, возбуждая тихую нѣжность и невыразимо — пріятно лаская разгоряченный мозгъ, передъ нимъ неожиданно всплылъ образъ Сони Капу, которую оставилъ въ Петроградѣ недѣлю тому назадъ. Какъ

ни старался онъ все-же затѣмнить свое чувство къ дѣвицѣ „Соня“, ему понятно стало, зачѣмъ нужно было случиться такъ, что-бы она осталась дѣвушкой.

— А вѣдь я люблю Соню! въ первые подумалъ Брегъ, и эта мысль какъ-то вытѣснила всѣ остальныя. Но въ тотъ-же моментъ, онъ съ озлобленной насмѣшкой спросилъ себя: — Вѣдь Соня же членъ нашего центральнаго совѣта, разрѣшаетъ-ли этика „товарища“ увлекаться такими мелочами — какъ любовь и ухаживаніе за дѣвицами?... — Но какъ-же такъ? такіе великіе аристократы какъ Казбегоровъ и его жена, выведенные судьбой на свѣтлую дорогу жизни, наслаждаются, теперь, мирной счастливой самейной жизнью поставивъ ее въ условія недосягаемыя для простыхъ смертныхъ какъ я... Казбегоровъ съ положеніемъ, а я нѣтъ...
— Нужно и себѣ создать положеніе...

Прапорщикъ Брегъ почувствовалъ неловкое одиночество, а также и то, что ему неудобно какъ-то лежать на правомъ боку, онъ рѣшилъ повернуться на другой бокъ. Теплая кровать и богато — роскошная обстановка комнаты его возмущали.

— Въ сущности, — подумалъ онъ въ свое оправданіе: — то, что я называлъ настоящей любовью, неосуществимо для меня „бѣднаго“ прапорщика и выборнаго депутата въ центральный совѣтъ, а мечтать о ней — просто глупо...

Ему стало неловко и на лѣвомъ боку; путаясь вспотѣвшимъ липкимъ тѣломъ въ сбившейся горячей простынѣ, онъ опять повернулся на другой бокъ. Было жарко и неудобно. Снова начинала болѣть голова. И вдругъ пробудилась у него въ головѣ новая мысль, чисто большевитская, безъ примѣси:

— Я мужчина и все для меня! — Идеалъ — это глупость, нелѣпость... — А тогда и всѣ идеи проводимыя нашими совѣтами — есть народное зло, нелѣпость?... — почти вслухъ отвѣтилъ самъ себѣ Брегъ, и съ такой злобой стиснулъ зубы, что передъ глазами у него завертѣлись золотистые круги.

До самого утра Брегъ лежалъ въ тяжелой, неудобной позѣ и, съ тупымъ отчаяніемъ въ душѣ, ворочалъ тяжелыя и противорѣчивыя мысли, похожія на камни. И что-бы выпутаться изъ нихъ, онъ сталъ увѣрять себя, что онъ самый

лучшій и почтеннѣйшій человѣкъ, и что его сомнѣнія — просто скрытая похоть, которая нуждается въ богатствѣ. Но это только тяжелѣе придавило его душу, подняло въ мозгу сумбуръ самыхъ разнообразныхъ представленій о путяхъ ведущихъ къ наживѣ и богатству, и его мучительное состояніе, наконецъ, разрѣшилось вопросомъ:

— Да затѣмъ-же я себя такъ мучаю? — Вѣдь время „къ тому“ уже приближается! . . . — и онъ посмотрѣлъ на часы.

Было 5 часовъ утра. Съ чувствомъ тупой нервной усталости, Брегъ поднялся съ кровати, одѣлся въ форму прапорщика, кое-какъ привелъ себя и вещи въ порядокъ къ отъѣзду, и вышелъ въ садъ освѣжиться, гдѣ въ то время старикъ — дворникъ Оскаръ подмѣталъ дорожки и заботливой рукой оправлялъ клумбы цвѣтовъ.

— Доброе утро, товарищъ! — привѣтствуя дворника, сказалъ Брегъ и улыбнулся.

Дворникъ ничего не отвѣтивъ, поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на незнакомца, а затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, спросилъ:

— Откуда вы будете, господинъ? . . . — И въ какой квартирѣ проводили ночь? . . . — Вѣдь парадныя двери и ворота еще заперты! . . .

— Это ничего! — Я еще вчера явился сюда „къ своимъ хорошимъ знакомымъ“?, въ квартирѣ полковника Казбегорова, гдѣ провелъ и ночь эту. . . — Черезъ часъ ѣду на станцію и далѣе — въ Петроградъ. Я представитель отъ центральнаго совѣта депутатовъ, — „здѣсь — на фронтѣ“... — съ чувствомъ высокаго своего положенія, отвѣтилъ Брегъ съ улыбкой.

— А какъ это есть, что вы называете меня „товарищемъ“? . . . вѣдь я уже старикъ и пожалуй въ дѣды гожусь вамъ . . . — спросилъ старикъ Оскаръ, и вновь посмотрѣлъ на Брега недоумѣвая, какъ-это офицеръ, да еще депутатъ центральнаго совѣта, а во время боевъ вокругъ Риги спокойно сидитъ въ городѣ у знакомыхъ.

— Это новость, старина! — Теперь свобода и господъ нѣтъ. . . Нужно и тебѣ учиться . . . — слегка опуская брови и упрямо глядя впередъ, твердо отвѣтилъ Брегъ, повернулся круто и пошелъ къ дому.

Людмила Рихардовна была уже въ столовой; и встрѣтивъ Брега, привѣтствовала его „съ добрымъ утромъ“, а затѣмъ поинтересовалась: какъ онъ провелъ и ночь? . . .

— Ничего, хорошо! Высплюсь и въ поѣздѣ еще . . . — отвѣтилъ онъ недовольнымъ тономъ и присѣлъ на ближайшій стулъ.

— Завтракать, теперь, нѣтъ времени, — заговорила и Людмила Рихардовна серьезнымъ тономъ, удивляясь нетактичности прапорщика-офицера: — это сдѣлать можно и въ поѣздѣ; нужно ѣхать какъ можно скорѣе на станцію и захватить мѣста! . . . — А затѣмъ немного подумавъ, она добавила: — Идите, пожалуйста, за извощикомъ, а я закончу послѣднюю укладку, квартиру приведу въ порядокъ и передамъ дворнику Оскару . . . — и она ушла къ себѣ въ будуаръ.

— Вотъ женщина, — подумалъ прапорщикъ Брегъ: — аристократка, повелеваетъ какъ хорошій начальникъ фронта — А сколько у нея величія и такта? . . . и онъ улыбнулся самъ себѣ и вышелъ на улицу.

Извозщикъ скоро былъ найденъ и Брегъ началъ выносить и укладывать вещи съ помощью дворника Оскара, который, конечно, поспѣлъ принять квартиру и передать Людмилѣ Рихардовнѣ, что — „изъ сосѣдняго дома уѣзжаетъ также и больной полковникъ Ступа со своей женой и немногими вещами, и имъ поданъ легкій военный автомобиль“. Основательно покончивъ свои дѣла съ квартирой и поручивъ Брегу ѣхать на станцію съ вещами и занять тамъ соотвѣтствующія мѣста въ поѣздѣ на Псковъ, Людмила Рихардовна присоединилась къ своимъ старымъ знакомымъ, четѣ Ступа. Полковникъ Ступа командовалъ однимъ изъ Сиб. стр. полковъ 2 Сиб. арм. корпуса.

Станція Рига I Сборный пассажирскій поѣздъ оказался сильно переполненнымъ: площадки, крыши и тѣ были биткомъ набиты, и прапорщикъ Брегъ рѣшилъ ожидать пріѣзда полковника Ступы съ дамами.

— Нашъ представитель совѣта и комитетовъ разныхъ депутатовъ, — сказалъ полковникъ Ступа, обращаясь къ дамамъ: — на сей разъ остался безъ власти. . . — Я самъ позабочусь устроить васъ, его и самъ при васъ, лишь-бы добраться до станціи Эрики.

Прапорщикъ Брегъ дѣйствительно безсиленъ былъ противъ народной массы, панически настроенной и бѣгущей въ тылъ: войска заняты на фронтѣ, а комендантъ и начальникъ станціи съ желѣзнодорожнымъ персоналомъ — немогли остановить народную волну, берущую приступами поѣзда, каждый спасалъ самъ себя и только свое.

Тогда-то и пришелъ на помощь полковникъ Ступа. Со свойственнымъ старому штабъ-офицеру тактомъ и опытностію, хотя и больной, поддерживая раненую ногу, онъ ушелъ попутямъ между поѣздами, и послѣ недолгихъ поисковъ, скоро нашелъ мѣста въ вагонѣ солдатъ, провожатыхъ транспортъ въ первомъ отходящемъ поѣздѣ на Старую-Руссу съ амуниціей и продовольствіемъ. И сверху на мѣшкахъ съ сухарями и въ обществѣ солдатъ и ихъ подругъ изъ Риги, онъ помѣстилъ съ вещами и весьма удобно: свою жену Полину Ступу, мадамъ Людмилу Казбегоровъ-Цепу, прапорщика Брегу и самъ около нихъ.

Прапорщикъ Брегъ на сей разъ былъ не разговорчивъ. Послѣ ночныхъ думъ и неудачъ на станціи, онъ чувствовалъ себя какъ-бы совершенно уничтоженнымъ и не способнымъ отвѣчать на какіе-бы то нибыло вопросы. Онъ только и могъ подумать, какъ представитель нелегальнаго Совѣта депутатовъ:

— „Вотъ тебѣ и Россійская интелигенція, аристократія? она сильнѣе насъ, самихъ совѣтовъ! . . . Ну, потерпимъ-же и мы немного, пока совѣты возьмутъ власть окончательно въ свои руки . . ., а тогда . . . — И что будетъ дальше съ ними, съ этими Ступами, Полинами, Людмилами, Казбегоровыми, Оскарами и прочими, какъ тамъ ихъ еще зовутъ! . . . — раздраженно и почти громко спросилъ Брегъ самъ себя сердито, какъ звѣренокъ залѣзая на мѣшки съ сухаря ли подъ крышу товарнаго вагона и укладываясь тамъ спать.

Вокругъ вагоновъ шумитъ, кричитъ море головъ человѣческихъ, всѣ хотятъ выѣхать изъ Риги прочь. Грубыхъ и дерзкихъ словъ вопроса прапорщика Бреги никто изъ присутстующихъ въ вагонѣ не слыхалъ. Только супруга полковника Ступа и видѣла его большіе черные глаза налитые кровью, да красныя пятна выступившія у него на скулахъ. Скоро поѣздъ тронулся; а доносившійся человѣческій храпъ

изъ темнаго угла подъ крышей вагона свидѣтельствовалъ, что господинъ прапорщикъ Брегъ заснулъ.

Людмила Рихардовна достала свою дорожную корзиночку съ продовольствіемъ и пригласила къ себѣ на завтракъ полковника Ступу и его супругу, а солдатамъ дала по большому бутерброду изъ бѣлаго хлѣба, сыра и масла.

Но вотъ и станція Эрики. Полковникъ Ступа любезно распрощался съ дамами и оставивъ поѣздъ, уѣхавъ на лошадяхъ на встрѣчу своему полку. Прапорщикъ Брегъ, никому ни слова неговоря, незамѣтно вылѣзъ изъ вагона на станціи Псковъ, и уѣхалъ дальше на Петроградъ, въ отдѣльномъ купэ вагона I класса, для доклада центральному нелегальному совѣту депутатовъ о „блестящемъ" положеніи на фронтѣ, конечно съ ихъ точки зрѣнія.

Мадамъ Полина Ступа, цѣлуя и рыдая обняла Людмилу Рихардовну, распрощалась и на станціи Дно пересѣла въ другой поѣздъ, и черезъ Витебскъ уѣхала къ себѣ на Украину, въ свой родной хуторъ „Ступа". И только мадамъ Людмила Казбегоровъ-Цепа, одна въ обществѣ солдатъ — провожатыхъ съ поѣздомъ доѣхала до Старой-Руссы и остановилась въ памятной ей гостиницѣ „Россія", занявъ ту-же комнату, въ которой она провожала свое первое, лучшее и счастливое время жизни, будучи въ гостяхъ у полковника Казбегорова осенью 1916 года.*)

Въ чужомъ городѣ, безъ знакомыхъ и родныхъ, она теперь жила только со своими мыслями о мужѣ, да изрѣдка навѣщала больныхъ и бѣдныхъ бѣженцевъ изъ Риги. За годъ времени, городъ Старая-Русса страшно опустился: сталъ грязный, всюду комитетъ на комитетѣ, бѣженская бѣднота откуда-то появилась массой; и, какъ видно, все это разлагалось страшно: лѣвѣло, краснѣло. незамѣтно превращаясь въ неисправимаго захватчика-злодѣя. Она рѣшила какъ можно рѣже выходить, и выжидать удобнаго момента, что-бы снестись съ мужемъ по телеграфу.

IV.

Начало осени 1917 года было такое-же дождливое и грязное, какъ и конецъ лѣта, при отступленіи изъ Риги. Безпристрастному наблюдателю казалось, какъ будто-бы и впрямь-

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ".

все кругомъ тоскуетъ, плачетъ о невознаградимой потерѣ лучшей части фронта, города Риги и его окрестоостей, съ красотами природы „Лифляндской швейцаріи“ Зегевольдъ и Огры. 19—21 августа 1917 г. на долго останутся въ памяти у очевидцевъ и участниковъ грознаго, по своимъ послѣдствіямъ, движенія массъ на востокъ, въ центръ Россійской Имперіи, гдѣ пружина уплотненія все еще мягко и безболѣзненно сжималась.

— Вѣдь все отдано безъ боя, безъ драки! — Сдѣлали это всевластные комитеты и такіе трусы — измѣнники, какъ Брегъ! . . . — думала Людмила Рихардовна: — писемь отъ мужа нѣтъ! Неуже-ли они дерутся на „Венденскихъ позиціяхъ“? . . . какъ говорилъ о томъ и полковникъ Ступа — „отступать дальше недумаютъ ни шагу“. . . — и она долго засиживалась въ своей комнатѣ гостиницы „Россія“, наблюдая въ окно за жизнью провинціальнаго городка въ дождливую погоду.

Прошло уже около двухъ недѣль, какъ она пріѣхала въ Старую-Руссу; и о своемъ мѣстѣ нахожденіи нѣсколько разъ писала мужу въ дѣйствующую армію. И теперь, отсутствіе отвѣта, стало страшно волновать ее, а въ голову полезли тревожныя мысли:

— А вдругъ онъ убитъ во время боевъ подъ Ригой, и не дай Боже, или быть можетъ надумалъ выкинуть какую нибудь штуку, вродѣ бросить, оставить меня на произволъ судьбы, какъ дѣлаютъ теперь и многіе другіе въ странѣ великой. . . — какъ-то неожиданно пришла мысль на умъ, и Людмила Рихардовна, схвативъ себя за голову, стала быстро ходить по комнатѣ.

Призракъ невѣдомаго, но ужаснаго скандала туманно рисовался передъ ней, сердце трусливо сжималось, и ей казалось-что вотъ уже каждый человѣкъ знаетъ про это и въ душѣ смѣется надъ нею. Она не находила выхода. Но въ то же время въ дверь комнаты ея постучали. Она быстро остановилась и опустивъ руки, подавленнымъ тономъ произнесла:

— Кто тамъ? . . . — Войдите! . . .

Вошелъ прапорщикъ Брегъ, одѣтый въ военную форму, при снаряженіи и вооруженіи, какъ и полагается пѣхотному офицеру, а за нимъ: молодая дама или дѣвица, сред-

няго роста, съ миловиднымъ личикомъ, въ кожанной тужуркѣ, и еще одинъ мужчина, въ полицейской формѣ. Всѣ одѣты по дорожному, съ маленькими чемоданчиками въ рукахъ.

— Старые друзья незабываются! . . . — протянулъ прапорщикъ Брегъ, широко улыбаясь и здороваясь за руку съ Людмилой Рихардовной по „товарищески“; при этомъ представилъ и своихъ спутниковъ: — „Мой другъ Соня Капу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „товарищъ“ по совѣту депутатовъ въ Петроградѣ; а это мой другъ по несчастію когда-то на первомъ курсѣ Московскаго Университета, а теперь, какъ видите, полицмейстеръ города Старая-Русса и также „товарищъ“ по совѣту депутатовъ въ Петроградѣ—товарищъ Дожа.

Людмила Рихардовна любезно поздоровалась со всѣми и пригласила присѣть.

— Мы къ вамъ съ просьбой! . . . — первый заговорилъ прапорщикъ Брегъ, присаживаясь на диванъ: — Только-что прiѣхали изъ Петрограда и „товарищъ„ пелицмейстеръ хочетъ устроить насъ въ гостиницѣ. Всѣ номера заняты большими семействами, а вы одна и при томъ вашъ номеръ самый большой и самый удобный. — Вы, вѣроятно, скоро уѣдете на фронтъ, къ мужу? А пока что, разрѣшите мнѣ и „товарищу“ Сонѣ Капу помѣститься въ вашемъ номерѣ, такъ-какъ наша работа теперь будетъ здѣсь, въ тылу армiй сѣвернаго фронта и будемъ охранять подступы съ юга на Петроградъ. . . — двухсмысленно пояснилъ онъ свою будущую „разрушительную“ работу и въ тылу, намеками давая понять о движенiи съ юга на сѣверъ войсковыхъ частей Туземной Кавказской дивизiи генерала кн. Багратiона и коннаго корпуса генерала Крымова; но Соня Капу грозно взглянула на него при этомъ, и прапорщикъ Брегъ сразу замолчалъ, опустивъ глаза и закусивъ нижнюю губу.

— Къ сожалѣнiю, съ вашими доводами согласиться я немогу. . . — отвѣтила Людмила Рихардовна рѣшительно:—Я не привыкла жить и спать въ одной комнатѣ съ чужими людьми. — Кромѣ того, вопросъ о моемъ отъѣздѣ къ мужу еще не предрѣшенъ. . . — сказавъ послѣднюю фразу, она бросила свой взглядъ на полицмейстера, какъ на блюстителя порядка и законности. Въ немъ она узнала того полицейскаго Дожу въ Витебскѣ, который угрожалъ ей реквизи-

ціей вещей личныхъ, якобы на оборону, и женился на ея-же прислугѣ Машѣ въ февралѣ мѣсяцѣ того-же года, когда она оставляла службу и должность начальника счетн. отдѣла У. ж. д. и переѣзжала къ мужу въ Ригу. Она замолчала.

— Я знаю васъ, мадамъ! — Знаю и генер. штаба полковника Казбегорова, когда онъ былъ еще подполковникомъ, — пояснилъ полицмейстеръ Дожа, и началъ что-то говорить шопотомъ, на ухо Брегу.

Брегъ улыбнулся и увѣренно, но неудачно, началъ острить и болтать о пустякахъ. Эму трудно было выдержать взятый тонъ частнаго и умѣстнаго разговора въ присутствіи дамъ; нелитературныя слова и прибаутки стали быстро пробиваться сквозь всѣ его остроты и въ разсказѣ о жизни въ Петроградѣ и о забастовкахъ тамъ-на фабрикахъ женщинъ — работницъ. При этомъ бросилъ онъ и нѣсколько оскорбительныхъ словъ по адресу Людмилы Рихардовны, подозрѣвая ея „бездѣльничанье" въ Старой-Руссѣ; на что Дожа только одобрительно улыбнулся и протянулъ: „ а что-же тутъ еще и дѣлать?" и они оба пьяные, коротко но весело разсмѣялись.

— Господа! — неудержалась Людмила Рихардовна: — Вы пришли ко мнѣ сами и со своей дамой и, въ присутствіи ея же, начинаете наносить мнѣ оскорбленія и говорить всякую пошлость и подозрѣнія! — Прошу сію-же минуту оставить мою комнату!... — сказавъ рѣшительно и громко, она поднялась со стула.

— Вы насъ извините... — протянулъ прапорщикъ Брегъ: — Мы сегодня немножко „таво" — выпили; а на счетъ комнаты все-же подумайте, мадамъ! Намъ она нужна! Семь дней вамъ срока... — А послѣ, „товарищъ" полицеймейстеръ примѣтъ надлежащія мѣры... — хриплымъ и немного взволнованнымъ голосомъ заключилъ онъ, выходя изъ комнаты вслѣдъ за Соней Капу и Дожей, которые молча первые поспѣшили къ выходу.

— Съ такой компаніей правителей новаго теченія и насадителей нравственности, — подумала Людмила Рихардовна: — нужно мнѣ бороться энергичнѣе, пока не выясню создавшагося положенія съ мужемъ... — и облегченно вздохнувъ, она закрыла дверь за ушедшими и заперла на замокъ, а сама присѣла къ столу и задумалась: — Вѣдь Дожа-же

разжалованный прапорщикъ*), какъ говорилъ Дэзи. . . и, кажется, за поддѣлку счетовъ и за присваиваніе чужихъ писемь, былъ подъ судомъ? . . . — Вообще, личность довольно извѣстная и на Кавказѣ, ввиду пошлыхъ его поведеній въ Каловскомъ аулѣ на виллѣ „Казбегоръ“ въ 1915 году...*) — И вотъ, такимъ людямъ теперь везетъ, они въ модѣ. . . А что если онъ и теперь занимается той-же профессіей, что и два года тому назадъ? . . . — Ему теперь вѣдь еще легче, какъ полицеймейстеру и мѣстному цензору на почтѣ. . . — и послѣдняя мысль какъ колъ остановилась въ головѣ. Она машинально схватила перо и бланкъ и написала мужу телеграму: „Дѣйствующая армія. Штабъ Сибирскаго корпуса полковнику Казбегорову. Писемь нѣтъ. Гдѣ ты? Ожидаю, что дѣлать? Жить здѣсь нельза спокойно. Цѣлую. Миля.“

И тутъ-же рѣшила послать ее съ оплаченнымъ отвѣтомъ и съ отмѣткой „внѣ очереди“, заплативъ въ пять разъ дороже, дабы къ вечеру получить и отвѣтъ. Было только 2 часа дня. Она быстро одѣлась и вышла въ городъ.

На телеграфѣ, она не упустила изъ виду личное узнать у чиновника и о времени возможнаго полученія отвѣта; поинтересовалась и о телеграфной связи корпуса съ тыломъ, черезъ Псковъ, а также и о новостяхъ изъ дѣйствующей арміи. Вполнѣ удовлетворенная отвѣтами услужливаго и симпатичнаго старика-телеграфиста, она въ концѣ-концовъ ласково поблагодарила его и улыбнулась первый разъ за двѣ недѣли одинокой жизни въ Старой Руссѣ. Почувствовавъ облегченіе и душевное спокойствіе, она долго не задерживалась въ городѣ, а поспѣшила вернуться къ себѣ, въ гостинницу „Россія“, немного закусила и прилегла на диванѣ отдохнуть.

Какъ долго она отдыхала, но очнулась отъ глубокаго и спокойнаго сна когда въ комнатѣ начинало уже темнѣть, а въ корридорѣ происходилъ какой-то шумъ спорящихся мужчинъ. Она быстро поднялась, открыла дверь и увидѣла почталіона и швейцара спорящихся о какомъ-то жильце съ двойной фамиліей. Было 7 час. вечера.

— А какая же тамъ у васъ двойная фамилія? — поинтересовалась и Людмила Рихардовна.

*) См. т I „Во власти женщинъ“.

— Казбегоровъ-Цепа, и адресату есть телеграмма, мадамъ! . . . — почтительно отвѣтилъ почталіонъ.

— Вѣдь такая-же двойная фамилія—моя. . . Дайте-ка телеграму сюда, — съ улыбкой произнесла она волнуясь; и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ росписалась въ принятіи ея, дала почталіону хорошо на чай и ушла въ комнату, вновь заперевъ на ключъ и дверь, въ то время какъ швейцаръ бросилъ ей въ догонку извинительное слово: „простите", „я и забылъ".

Телеграмма была отъ Давида Ильича изъ дѣйствующей арміи:

„Старая-Русса. Гостиница Россія. Людмилѣ Казбегоровъ-Цепа. Послалъ тебѣ три письма, родителямъ два, отвѣтовъ нѣтъ. Нахожусь въ томъ-же корпусѣ; живъ здоровъ. Сильно скучаю. Ѣзжай ко мнѣ Штабъ. Сегодня вечеромъ посылаю тебѣ Филиппа какъ проводника. Захвати съѣстныхъ продуктовъ. Здѣсь очень трудно что-либо достать. Цѣлую. Дэзи."

— Милый мой! — Онъ также страдаетъ! — вскрикнула Людмила Рихардовна, окончивъ чтеніе телеграммы и, бросившись на диванъ головой въ подушку, сильно заплакала. Ее охватила радость, радость какой она какъ-бы никогда еще и не переживала въ своей жизни; и это еще больше увеличивалось, когда вспомнились ей несправедливые упреки мачихи и грязные намеки прапорщика Бреги и полицеймейстера Дожи.

— Они Христопродавцы! . . . — Они согласны распять меня, выбросить на поруганіе всего общества, какъ и многихъ патріотокъ, порядочныхъ, интелигентныхъ женщинъ изъ знати въ Великой Россіи. . . — Этого-то имъ и неудастся сдѣлать со мной: — дорогой мой мужъ и на сей разъ спасаетъ меня. . . — думала Людмила Рихардовна, и отъ этого ея плачъ еще больше увеличивался, захватывая все ея „я" и доводя до границъ истерики. Вся ея красивая фигурка находилась какъ-бы въ воздухѣ, подпрыгивая на диванѣ при каждомъ взрывѣ потока горячихъ слезъ.

Въ комнатѣ было уже совершенно темно, какъ она лежа на диванѣ и почувствовала на своихъ щекахъ мокрую и холодную подушку. Доставъ у себя на груди крестикъ, она перекрестилась и много разъ поцѣловала его. А затѣмъ

опустилась около дивана на колѣни и долго молилась Богу, какъ только могла молиться, а закончивъ — перешла въ кровать и скоро вновь заснула не раздѣваясь, не обращая даже вниманія на доносившіеся изъ ресторана гостиницы пѣсни пьяныхъ голосовъ мужщинъ и женщинъ, крикъ и шумъ танцующей публики подъ звуки духового и струннаго оркестровъ.

Несмотря на голодъ, нищету и полное опустеніе, мѣстный исполнительный комитетъ города Старая-Русса все-же нашелъ возможнымъ устроить въ ресторанѣ той-же гостинницы банкетъ и танцевальный вечеръ въ честь пріѣхавшихъ изъ Петрограда „товарищей" нелегальнаго Совѣта депутатовъ: Бреги, Капу и Дожи. Два оркестра и хоръ цыганъ были гвоздемъ ихъ вечера. Игра и танцы чередовались съ хоромъ. Но, порядочно выпившіе пріѣхавшіе „товарищи-гости", снова возобновили свой разговоръ, начатый ими днемъ въ комнатѣ Людмилы Рихардовны. Имъ было все равно о чемъ-бы только не говорить, лишь-бы поддерживать свою партійную компанію

— Я знаю, — притворно и самоувѣренно началъ было Дожа: — вамъ столичнымъ жителямъ кажется, что здѣшнія порядки что-то особенное. Горько ошибаетесь! Правда, у здѣшнихъ женщинъ есть свѣжесть, но нѣтъ — шику . . ., нѣтъ, какъ бы это сказать, нѣтъ искуства къ красотѣ, къ художеству.

Мгновенно Брегъ оживился, у него заблестѣли глаза и измѣнился голосъ:

— Да, конечно. . . Но все это надоѣдаетъ въ концѣ концовъ. . . — У нашихъ петрогражданокъ нѣтъ фигуры: худыя, тощія, какъ какой-то комокъ нервовъ; а здѣсь, — дѣло другое: свѣжесть, спокойствіе, выдержанность. . .

— Это-то такъ. — незамѣтно оживляясь, согласился Дожа и самодовольно сталъ крутить себѣ усы.

— Да, самое главное вѣдь у женщинъ — фигура, грудь! — Женщина, съ плохо развитой фигурой, для художника не существуетъ! — заключилъ Брегъ, закатывая глаза подернувшіеся бѣловатымъ налетомъ отъ пьянства.

— У всякого свой Богъ! . . . — Для меня, какъ любителя-художника, въ женщинѣ самое важное — спина, изгибъ. . . Особенно у нѣкоторыхъ малодыхъ женщинъ, ко-

торыхъ я наблюдалъ на Кавказѣ, — улыбаясь праговорилъ Дожа и, закрывъ глаза, отдался воспоминаніямъ.

— Зачѣмъ намъ такъ далеко ходить, — возразилъ Брегъ: — возьмомъ къ примѣру ну хотя-бы Людмилу Рихардовну мадамъ Казбегоровъ— Цепу, у которой были мы сегодня днемъ, рижанка, а отвѣчаетъ всѣмъ статьямъ закона красоты: головка маленькая съ густыми, длинными, свѣтлыми волосами раздѣленными проборомъ по срединѣ и заложенными сзади, носикъ и ушки — однѣ игрушки, созданныя какъ-бы по заказу, глаза — большіе, голубые, какъ два чистыя неба, съ черными рѣсницами и бровями, лицо — полненькое, овалообразное, съ маленькимъ ротикомъ и улыбающимися губками, грудь — полная и высокая, шея и плечи — круглыя, руки и ноги — тонкія и упругомягкія, а сама фигура ея — не поддается описанію, вся красота природы, античная! — Вотъ это-то женщина! . . .

— Что намъ и говорить о такихъ высокихъ особахъ!... поспѣшилъ Дожа и язвительно улыбнулся.

— Да—а—а! — протянулъ Брегъ: — Правда, она большая аристократка и съ математической точностью опредѣляетъ свои жизненные шаги. Ея мужъ, Казбегоровъ тоже солидный красивый мужчина, молодой и богатый аристократъ съ Сѣворнаго Кавказа, по образованію филологъ или докторъ-психологіи, что-то вродѣ этого и генеральнаго штаба полковникъ. — Эти-то два „великана“ и стоятъ теперь у насъ передъ глазами, если нестолкнетъ ихъ судьба съ дороги нашей . . . — заключилъ Брегъ, подразумѣвая подъ супругами Казбегоровъ—Цепа всю россійскую интелигенцію, не согласную съ идеями проводимыми центральнымъ нелегальнымъ совѣтомъ крайнѣ лѣвыхъ немногихъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

— Не судьба, товарищъ, а наша власть, диктатура, то можетъ сдѣлать! . . . — возразилъ ему Дожа, а затѣмъ, какъ-бы отъ переутомленія, вздохнулъ и началъ вновь говорить почти спящимъ — пьянымъ голосомъ: — Казбегорова я знаю! Былъ у него на виллѣ „Казбегоръ“ въ Каловскомъ аулѣ. Жену его, Нину, тоже знаю, но она уже, братище, нашъ „товарицъ“ и сестры ея такія: Луша и Маруся, обѣ помѣщицы большія, съ законченнымъ образованіемъ и, по слухамъ, вышли замужъ за нашихъ-же „товарищей“ прапор-

щиковъ: Лысько и Супротинъ, депутатовъ въ Совѣтѣ нашемъ отъ войскъ и комитетовъ Сѣвернаго Кавказа. . .

Разсказъ Дожи прервали вновь появившіеся въ ресторанѣ большой толпой солдаты, пріѣхавшіе съ фронта, и разныхъ ранговъ пассажиры. Хоръ цыганъ и оркестры неожиданно прекратили свою работу и начали расходиться по домамъ; Брегъ вздрогнулъ и бросилъ серьезный взглядъ на Дожу.

— Уже 5 час. утра, вези меня и Соню къ себѣ на квартиру, спать, пока выселишь изъ комнаты гостиницы мадамъ Казбегоровъ—Цепу — сказавъ послѣднее, Брегъ и его спутники поднялись пьяные и вышли на подъѣздъ, гдѣ Дожу ожидалъ служебный автомобиль и дежурный полицейскій.

— Такъ въ добрый часъ, товарищи, поѣдемте; у меня вѣдь квартира изъ 5 комнатъ, хорошо обставлена, а живу одинъ; жена въ Витебскѣ . . . пояснилъ Дожа свою жизнь и обстановку, усаживая гостей въ автомобиль.

Шумъ автомобиля и звукъ его рожка окончательно растревожили Людмилу Рихардовну. Она не спала и ожидала пока все стихнетъ подъ окнами ея квартиры. Но стукъ въ двери скоро заставилъ ее быстро подняться съ кровати и зажечь огонь.

— Кто тамъ ? — испуганно произнесла она.

— Я, Филиппъ! — послышался знакомый ей голосъ,. . . и она набросивъ на плечи шаль, бросилась отворять дверь.

Филиппъ, медленно, застѣнчиво вошолъ въ комнату, и привѣтствуя поднятіемъ руки подъ козырекъ, въ кратцѣ разсказалъ о возложенномъ на него порученіи и передалъ письмо отъ полковника Казбегорова. Людмила Рихардовна немедлено вскрыла конвертъ и начала читать, а затѣмъ улыбнулась и обратилась къ денщику.

— Ну, спасибо вамъ, Филиппъ. . . — Присядьте и немного закусите, а затѣмъ и засните на тафтѣ за ширмой. . . — Я спать не буду больше. .. Днемъ справимся въ городѣ по дѣламъ, а вечеромъ и выѣдемъ, съ расчетомъ — завтра утромъ быть на мѣстѣ, въ штабѣ . . . — ласково пояснила она и, положивъ на столъ разныхъ холодныхъ закусокъ и наливъ чайный стаканъ вина, почти — что силой усадила

застѣнчиваго денщика Филиппа, а сама усѣлась на диванѣ и принялась за рукадѣліе, подумавъ:

— Такихъ людей, какъ нашъ добрый и честный Филиппъ, теперь, пожалуй и не найдешь . . ., или очень мало...

V.

Рано утромъ, 14 сентября, когда взошедшее солнце свѣтало еще низко, по щоссейной дорогѣ со станціи Эрики въ имѣніе Шпаренгофъ шла пѣшкомъ Людмила Рихардовна въ сопровожденіи солдата-гусара Филиппа Кабура. Разстояніе короткое, всего лишь около 3 километровъ и пройтись пѣшкомъ она считала за лучшую прогулку въ деревнѣ, въ особенности послѣ политическихъ передрягъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, съ острой, разлагающей атмосферой.

— Сегодня долженъ быть хорошій день впервые, какъ мы оставили Ригу, — неожиданно заговорилъ денщикъ Филиппъ тономъ знатока, умѣющаго опредѣлять погоду по восходу солнца.

— Дай Богъ! — тихо отвѣтила Людмила Рихардовна и ускорила шагъ движенія.

Подъ солнцемъ на поляхъ блестѣла и искрилась огоньками на травѣ роса, а въ тѣни она казалась еще сѣдой отъ инея. Имъ на встрѣчу по дорогѣ плелись въ одиночку и группами военныя двуколки войсковыхъ обозовъ на станцію за продовольствіемъ. И судя по лошадямъ и по мокрымъ сѣрымъ шинелямъ ѣздовыхъ — солдатъ, они были подъ дождемъ недавно, гдѣ-то.

— Какая непостоянная погода? тутъ и дождь, тутъ и солнце — хорошій день ?...; какъ „карсная“ дѣвица часто мѣняетъ свои перчатки и настроеніе ..— подумала Людмила Рихардовна: — Прифронтовая полоса и все кругомъ военное, — ни одного частнаго человѣка невидно. . . — и она, мысленно представивъ себѣ картину встрѣчи съ мужемъ, улыбнулась и еще глубже погрузилась въ думы.

— Вотъ и „наше“ имѣніе, — снова протянулъ Филиппъ,— вѣроятно еще всѣ спятъ . . . — и онъ перемѣнилъ въ рукахъ чемоданы.

— И хорошо ! — поспѣшно отвѣтила она.

Изъ-за лѣса и поворота дороги въ лѣво, въ какихъ нибудь 200 шагахъ, неожиданно выросло величаво-красивое имѣніе: на возвыенномъ мѣстѣ, ввидѣ горки съ покатыми отлогами вокругъ, въ центрѣ — большой бѣлый домъ, каменный, въ два этажа, а вокругъ него еще зеленѣетъ обширный паркъ, съ молодыми и старыми деревьями разныхъ породъ — въ перемѣшку; за паркомъ раскинулись жилыя помѣщенія службъ и хозяйственныя постройки.

— Теперь мы „дома"!.. — въ полголоса проговорилъ Филиппъ; открывъ дверь, онъ первый вошелъ въ большую, роскошно обставленную, полутемную комнату.

Полковникъ Казбегоровъ былъ еще въ постелѣ, но уже не спалъ; и, увидѣвъ входящаго Филиппа съ двумя чемоданами, онъ немного приподнялся и неожиданно спросилъ:

— Ты уже вернулся? -- А гдѣ-же барыня?...

— Я здѣсь, Дэзи! — радостно вскрикнула Людмила Рихардовна въ передней и быстро вошла въ комнату.

Шторы оконъ были опущены и въ полутьмѣ онъ плохо различалъ ея фигурку.

— Филиппъ! — Да подымите-же хотя одну штору, и можете итти въ свою комнату и немного заснуть... — распорядился полковникъ немного взволнованнымъ голосомъ, а отъ неожиданно — охватившей его радости, онъ назвалъ его даже на „вы".

— Какъ здѣсь тепло и мило у тебя?..., а на дворѣ — сыро и довольно прохладно, несмотря на то что солнце свѣтитъ и обѣщаетъ хорошій день... — дрожащимъ голосомъ заговорила Людмила Рихардовна первая, и граціознымъ движеніемъ рукъ сняла съ плечъ большую шаль, верхнее пальто и шляпку и подошла къ походной кровати мужа: — Ну, вотъ я около тебя! — здравствуй!... — и съ милой улыбкой бросилась ему на шею....

— Здравствуй, здравствуй моя надѣжда! — послѣ нѣкотораго замѣшательства, отвѣтилъ онъ улыбаясь и освобождая свои руки изъ-подъ одѣяла.

— Добавь еще и „вѣра моя", тогда будетъ полный догматъ правилъ жизни человѣка въ это „смутное время"... — отвѣтила Людмила Рихардовна смѣясь, продолжая крѣпко держать его за шею; и она коротко разсказала про жизнь

вообще въ тылу и про начавшееся „красное“ движеніе въ народѣ.

— Я, быть можетъ, и на крестъ пошелъ-бы съ радостію, — перебилъ ее разсказъ Давидъ Ильичъ: — если-бы вѣрилъ что моя смерть можетъ спасти милліоны людей великой страны. Но этой-то вѣры у меня теперь очень мало или совсѣмъ нѣтъ: что-бы я одинъ ни сдѣлалъ, въ конечномъ итогѣ ничего не измѣню въ ходѣ міровой исторіи, и вся польза, которую могу принести, будетъ такъ мала, такъ ничтожна, что если-бы ея и вовсѣ небыло, міръ и на іоту не потерпѣлъ-бы убыли, быть можетъ только породила больше эгоизма у другихъ. А между тѣмъ какъ для тебя „моя пташка“, меньше чѣмъ іота въ міровомъ пространсгвѣ, я все-же чувствую что долженъ жить и страдать, мучиться и ждать смерти, такъ какъ ты заняла въ моемъ сердцѣ прочное мѣсто и составляешь его цѣльность. . .

— Совершенно правильно, Дэзи! поспѣшила Людмила Рихардовна, волнуясь: — Почти четыре недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты неожиданно уѣхалъ на позиціи, а мнѣ передалъ о выѣздѣ въ Старую-Руссу. — Все это время я страдала, боролась и всею душою мысленно жила только около тебя и вѣрила сильно, и эта-то сильная вѣра спасла меня и привела опять къ тебѣ. Точно также передумала всю цѣль и смыслъ жизни въ теперешнихъ условіяхъ, и пришла къ непоколебимому убѣжденію: ты занялъ въ моемъ сердцѣ такое мѣсто, что вслучаѣ его пустоты, неизбѣжно нарушилось-бы все мое „я“, и поэтому-то я живу только для тебя и около тебя. — Если умирать намъ, такъ только обоимъ вмѣстѣ. . . — и она вся прижалась къ груди мужа.

— Ну, пока, довольно намъ философствовать; будемъ практичными; посовѣтовалъ Давидъ Ильичъ: —вѣдь только 7 час. утра; завтракъ въ столовой штаба въ 10; ты можешь вполнѣ немного отдохнуть и заснуть, вотъ тамъ на диванѣ; бумаги и карты убери на столъ...

И она улыбнулась и начала быстро переодѣваться въ домашнее платье, весело поглядывая на мужа:

— Теперь я твой солдатъ и на позиціяхъ, въ прифронтовой полосѣ, съ вещами не слѣдуетъ разбрасываться слишкомъ. . ., надо забрать все подъ бока. . . Закончивъ свой

туалетъ, она игриво уложила подушку и одѣяло на диванъ и опустила штору: ея средняго роста фигурка была въ бѣломъ тонкомъ платье, а волосы на головѣ освобождены и подобраны подъ капоръ. Улыбаясь и шутя, она вновь тихо заговорила:

— Скажи, откровенно, передовыя позиіи отъ сюда также недалеко? . . . — Можно спать спокойно? . . .

— Да! — На фронтѣ „наши" доблестные стрѣлки! . . . и Давидъ Ильичъ поспѣшилъ подняться и началъ тихо одѣваться, внимательно посмотрѣвъ на жену. Она спала, тихо, спокойно, а большіе ея голубые глаза красиво закрыты черными ресницами, съ исходящей отъ нихъ по всему лицу чуть-чуть замѣтной спокойной дѣтской улыбки.

— Нѣтъ сомнѣній! Она страдала страшно и переутомилась, и главное — измучилась въ одиночествѣ въ разлагающей атмосферѣ тыла; и теперь, только здѣсь, немного успокоилась, гдѣ казалось-бы на оборотъ: не привычному къ походной жизни и военной обстановкѣ человѣку-мужчинѣ кажется тревожнымъ. . . — подумалъ Давидъ Ильичъ и, присѣвъ къ письменному столу, онъ принялся за работу.

Часъ спустя, онъ какъ то машинально оглянулся назадъ и посмотрѣлъ на спящую жену. Но въ этотъ-то моментъ Людмила Рихардовна открыла свои глаза и улыбнулась ему на встрѣчу. Сердца супруговъ загорѣлись, и Давидъ Ильичъ быстро поднялся и торопливо подошелъ къ женѣ.

— Какъ ты спала на новомъ мѣстѣ? — тихо спросилъ онъ, и поцѣловавъ ее въ лобъ, присѣлъ иа свою походную кровать.

— Очень хорошо! — поторопилась отвѣтить она улибаясь: — Сегодняшній день — одинъ изъ лучшихъ дней въ нашей жизни. . . — Ты тоже такого-же мнѣнія? это вижу я по твоимъ глазамъ. . .

— Все это хорошо . . ., но я хочу, къ стати, поговорить съ тобой и о другомъ: сегодня-же утромъ думаю представить тебя своему начальству и ближайшимъ сослуживцамъ. . . — сказалъ послѣднее, Давидъ Ильичъ задумался.

— Превосходно, Дэзи! — Я устрою завтракъ, а ты пригласи ихъ всѣхъ къ намъ въ комнату . . , отвѣтила она игриво; а затѣмъ немного подумавъ, добавила: — спать я больше не хочу и сію минуту подымаюсь . , ,, и, съ помощью

Филиппа, завтракъ на восемь персонъ скоро будетъ готовъ... — но за руки удержала мужа, тихо смѣясь, она пропѣла: „Сухарями съ водою, только-бъ серденько съ тобою...

— Пусть будетъ и такъ, если это правда! ... — улыбаясь отвѣтилъ онъ и ушелъ къ столу продолжать свою работу, разсматривая карты и схемы, испестренныя краснымъ и синимъ карандашами.

Людмила Рихардовна тѣмъ временемъ одѣлась въ дорожный костюмъ, или какъ она сама его называла — „походный“, элегантный, черной англійской шерсти, привела въ порядокъ свой туалетъ и позвала къ себѣ Филиппа.

Опытная рука хозяйки у стола творила чудеса: черезъ полъ часа завтракъ былъ готовъ — холодныя и горячія мясныя закуски, рыбные консервы и въ завершеніе всего — бѣлый хлѣбъ, кафе съ молочными консервами, двѣ бутылки коньяку изъ „неисчерпаемаго“ запаса Давида Ильича и три бутылки Кахетинскаго вина, изъ запаса захваченнаго въ Старой—Руссѣ у купца Патріотова, — столъ былъ накрытъ. А къ 10 час. утра явились и приглашенные начальники и сослуживцы.

Хозяева были любезны, услуживы, не стѣсняя гостей ни въ чемъ: просто и мило Людмила Рихардовна была представлена гостямъ; угощая ихъ, она сама не упускала изъ виду великосвѣтскаго этикета — пустила въ ходъ и особо — старое вино, захваченное изъ Старой—Руссы у Патріотова; а подъ конецъ ѣды и изряднаго угощенія, усѣлась около стола и заговорила на общественныя темы по — французски съ Комкор“омъ съ одной стороны и по — англійски съ Корсанит“амъ профессоромъ Кружомъ съ другой; прочихъ занималъ Давидъ Ильичъ, ведя разговоръ по — русски на военныя темы.

— Сегодня позавтракали такъ, какъ у академистовъ на банкетѣ, 25 лѣтъ тому назадъ, по окончаніи академіи генеральнаго штаба ... — шутя проговорилъ Комкор“ъ, подымаясь изъ-за стола и цѣлуя руку хозейкѣ.

— Виновата всему уважаемая хозяйка ... — въ свою очередь заключилъ и Корнж“ъ по — нѣмецки, и также подошелъ къ Людмилѣ Рихардовнѣ для поцѣлуя руки, но разговорился съ нею на этомъ языкѣ.

Къ нимъ присоединился Нашкор“ъ, Корвет“ъ и другіе; шутя и разговоривая свободно и по—нѣмецки, она разсказала имъ и много историческихъ анекдотовъ изъ походной жизни предводителей древнихъ германскихъ оруженосцевъ въ Прибалтикѣ. Всѣ смѣялись, конечно, и заговорили между собою на разныхъ европейскихъ языкахъ и на разныя темы, чувствуя какъ-бы въ салонѣ столичной дамы, незамѣтно проведя и время стоя около получаса. И только старый генеральнаго штаба генералъ Комкор“ъ поторопился ихъ оставить:

— Сердечное вамъ спасибо, Людмила Рихардовна и вамъ Давидъ Ильичъ — за любезность и завтракъ, который хотя на короткое время, а все-же перенесъ насъ въ кругъ милой семейной и общественной жизни, и мысленно побывать гдѣ-то далеко отъ вѣчно натянутыхъ вниманій въ одну сторону фронта и политическихъ иевзгодъ въ тылу . . . — пояснилъ Комкор“ъ прощаясь и вышелъ.

Его примѣру послѣдовали и другіе. Профессоръ Круксъ и Подполковникъ Шрамъ, по обыкновенію, немного задержались, приглашая Казбегорова и его супругу заходить и къ нимъ когда нибудь, въ свободное время, преимущественно вечеркомъ — въ гости и такъ себѣ, для время препровожденія.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, Давидъ Ильичъ объявилъ женѣ, что состоялся, малъ приказъ по штабу о зачисленіи ея на службу перевозчикомъ французскаго, англійскаго и нѣмцкаго языковъ. Служба не тяжелая и переводовъ не такъ ужъ много будетъ, а одинъ-два часа въ сутки для это-вполнѣ возможно посвятить подъ его-же руководствомъ и при томъ — у себя-же въ комнатѣ.

— Такіе пустяки, какъ одинъ-два часа посидѣть у себя-же въ комнатѣ за переводами, при томъ, подъ твоимъ же руководствомъ и контролемъ, для меня особеннаго труда не составилъ: — я рада буду работать съ тобою день и ночь на пользу нашихъ армій, народа и страны. . . — Вѣдь до сего времени — агентурную работу по переводамъ на русскій языкъ и обратно—ты тамъ все дѣлалъ? . . ., какъ дополненіе къ другой, болѣе важной работѣ. . . — Пояснила Людмила Рихардовна свое согласіе.

— Да, „пташка“!... — отвѣтилъ онъ и улыбнулся ей такъ, что она, бѣдняжка, даже не выдержала его серьезнаго взгляда, схватилась съ дивана и бросилась ему на шею, стянувъ со стола всѣ карты и горѣвшую свѣчу.

— Я потушила огонь на время! — Прости! — волнуясь, извинилась она и, поднявъ свѣчу, зажгла, а сама усѣлась на диванъ и снова принялась за рукодѣліе.

— Когда ты начнешь работать, мы можемъ оба вмѣстѣ ходить и въ общую столовую... —заговорилъ Давидъ Ильичъ: — А сегодня я такъ усталъ, какъ никогда: съ 11 час. до 6 час. вечера объѣздилъ всѣ позиціи фронта корпуснаго участка: и на автомобилѣ, и верхомъ на лошади и даже были случаи-пѣшкомъ... — Скорѣй-бы ужинъ дома, а затѣмъ и спать...—и онъ, откинувшись на спинку стула, поднялъ голову вверхъ и закрылъ глаза.

— Все готово, Дэзи! — Иди къ столу! — ласково сообщила Людмила Рихардовна, успѣвшая сбѣгать на кухню, поторопить Филиппа нести ужинъ и накрыть столъ, такъ сказать, все сдѣлала по одному мановенію руки.

— Какъ скоро у тебя все дѣлается? — улыбаясь и присаживаясь къ столу сбоку жены, замѣтилъ онъ.

— Дѣло мастера боится, мой милый другъ!... — А еще одно вѣрное сказаніе изъ жизни римскихъ патриціанокъ: — „власть женщины куда сильнѣе и энергичнѣе имущихъ власть мужчинъ“... — улыбаясь отвѣтила она, наливая супъ въ глубокую тарелку изъ походной кострюли.

VI.

Добрыя семейныя традиціи Казбегоровы поддерживали и на фронтѣ, въ условіяхъ походной жизни. Приборъ для ѣды, даже въ присутствіи гостей, всегда служилъ имъ одинъ, но ложки, вилки и ножи были каждому отдѣльно. Это ихъ сближало и ставило въ положеніе цѣлаго и недѣлимаго; какъ они и сами часто другъ-другу говорили, смѣясь надъ своей оригинальностью:

— „Ты“ и „я“ или „я“ и „ты“ — получается „мы“, что составляетъ „тямъ“ или „ямъ“, то есть по древне—славян-

ски „тяни и ѣшь“. . .—объясняла Людмила Рихардовна причину такого порядка, введеннаго ею съ осени 1916 г.*)

Сидя у себя въ комнатѣ за ужиномъ, Давидъ Ильичъ разсказалъ женѣ, между прочимъ, и исторію разговора съ нимъ Командира Корпуса, который предложилъ ему принять въ этомъ-же корпусѣ высшую должность по снабженію, въ которой полагается быть генералу, подъ названіемъ „Корснабж“ъ“.

— Я отказывался, какъ могъ, — продолжалъ онъ свой разсказъ: — но Комкор“ъ настаиваетъ на своемъ, объясняя это и желаніемъ Командующихъ арміей и фронтомъ. — Я безсиленъ: указалъ ему на болѣе подготовленныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ службы двухъ полковниковъ и одного генерала, но онъ остался при своемъ. — Въ концѣ-концовъ немного смягчился и обѣщалъ переговорить съ арміей и фронтомъ. . . — Что дальше будетъ? незнаю! Дня черезъ три четыре нужно ожидать и результатовъ. . . — У насъ въ Россіи всегда такъ: „голодъ-холодъ лѣчутъ должностями, а насущную нужду — секретарями“, т. е. въ тылу бездѣйствуютъ, а на фронтѣ создаютъ для отвѣтственности особо—высокія должности, тогда какъ вся страна трещитъ отъ комитетовъ съ высокими должностями и „секретарями“. . .

Окончили ужинъ. И молодой, энергичный генер. штаба полковникъ Казбегоровъ, быстро поднялся изъ-за стола, нервно передернулся и торопливо заходилъ по комнатѣ. Онъ хорошо зналъ Комкор“а и высшихъ Комдарм“овъ, зналъ и ихъ настойчивый характеръ, почему въ успѣхъ своего отказа почти невѣрилъ. А полный развалъ тыла и быстрое лѣвеніе правящихъ круговъ въ центрѣ и въ губерніяхъ, быстрая и частая смѣна правительствъ, безъ какихъ-бы то нибыло серьезныхъ къ тому причинъ и назрѣвавшая борьба „только за власть“ — его пугали. Онъ вспомнилъ исторію вѣковой борьбы народовъ, тысячелѣтіями развивавшуюся „за власть“ и „за господство“, одного народа надъ другомъ и чуть не задохнулся.

— Всѣ хотятъ только властвовать, но ничего не дѣлать. . . — Вѣдь численный составъ-то нашего корпуса равняется почти хорошей арміи, а съ тыла ничего нельзя полу-

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“

чить... Съѣдятъ и меня... — заключилъ полковникъ, снова нервно вздрогнулъ и быстрѣе заходилъ по комнатѣ.

— Почему ты все нервничаешь? — спросила Людмила Рихардовна, закончивъ уборку стола и присаживаясь на диванъ.

Давидъ Ильичъ обстоятельно разсказалъ женѣ какъ дѣло снабженія идетъ теперь въ тылу и на фронтѣ и нарисовалъ ей страшную картину развала во всей странѣ и борьбы за власть въ самомъ центрѣ. При чемъ добавилъ:—„Судя по духу войскъ корпуса, арміи на фронтахъ еще вполнѣ боеспособны. Съ такими остатками солдатъ и начальниковъ-офицеровъ еще можно воевать; даже въ наступленіе перейти допустимо, что бы только освободить хотя свои области, ранѣе отданныя противнику. Необходима, ну хотя-бы маленькая, моральная, поддержка изъ тыла, изъ центра, и дѣло въ „шляпѣ"; а ее то фактически и нѣтъ. Слѣдовало-бы немедленно упразднить войсковые и армейскіе комитеты, а петроградскій нелегальный ихъ совѣтъ центральный — разогнать, взорвать на воздухъ"... Упразднить агитацію, ну хотя-бы на время войны... и установить временную диктатуру для армій...

— Успокойся, Дэзи... — Не порти нервовъ... — Выждимъ результатовъ и, если твоего отказа не удовлетворятъ, тогда и я къ твоимъ услугамъ, какъ помощникъ... — сказала Людмила Рихардовна смѣясь и, взявъ его подъ руку, увлекла къ себѣ на диванъ: — Лучше присядь и отдохни! Вотъ такъ... — усаживая его около себя и заглядывая ему въ глаза.

Давидъ Ильичъ немного успокоился, и началъ разсказывать женѣ подробности борьбы за власть въ самомъ центрѣ. По его словамъ, какъ передали въ штабъ информаціонной радіо-телеграммой, Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ выслалъ на Петроградъ нѣсколько кавллерійскихъ дивизій, такъ сказать — навести порядокъ въ столицѣ отъ бездѣйствующаго большого гарнизона, укрѣпить тамъ власть временнаго правительства, и освободить его отъ вліянія Центральнаго нелегальнаго совѣта „разныхъ" депутатовъ. Но господа министры временнаго правительства усмотрѣли въ этомъ шагѣ — попытку захватить, отобрать у нихъ власть. Очевидно Московское совѣщаніе 13,

14 и 15 августа с. г., вмѣсто объединенія партій праваго и лѣваго теченій, Керенскаго воочію убѣдило въ слабости ихъ самихъ-же, но разстаться съ тепленькими мѣстами жаль. Корниловъ по своему характеру — только лишь солдатъ и желаетъ своей свободной родной странѣ — лучшихъ условій жизни. . .

— Отсюда-то и пошла писать „мадамъ“, сваливая всю грязь съ больной головы на здоровую. . . —усмѣхнулся полковникъ Казбегоровъ и, доставъ изъ кармана тужурки какую-то бумажку, началъ читать дальше, продолженіе информаціоннаго сообщенія:

„Если-бы у генерала Корнилова были диктаторскіе наклонности и замыслы на это, онъ могъ-бы сдѣлать это еще въ Москвѣ, во время совѣщанія. Вѣдь юнкера и весь столичный гарнизонъ, судя по духу встрѣчи и большихъ манифестацій населенія 13 августа, всѣ были на его сторонѣ. Но этого онъ не сдѣлалъ, а на слѣдующій день, 14 августа, уѣхалъ обратно на фронтъ, въ ставку; слѣдовательно, и опасенія напрасны.

— Но они, вѣроятно, очень осторожны, — перебила чтеніе Людмила Рихардовна: — Будучи въ Старой-Руссѣ я замѣтила какія-то подготовительныя работы въ тылу по охранѣ подступовъ съ юга. . . — заключила она, и разсказала мужу о случаѣ посѣщенія ея въ гостиницѣ „Россія“ прапорщикомъ Брегой. Соней Капу и полицеймейстеромъ Дожей и о разговорѣ ихъ о предстоящей работѣ въ тылу армій, какъ депутатовъ „центральнаго совѣта“.

— Это ничего незначило. — Одна изъ кавалерійскихъ дивизій, возобновилъ онъ чтеніе: — имено „Кавказская Туземная“ и достигла было цѣли, но ея вожди, обстоятельства, испортили все дѣло. .

Дальше, по информаціи выходило такъ, что эшелоны Кавказской кавалеріи двигались на сѣверъ безпрепятственно. Желѣзнодорожники исполняли свои обязанности не ради страха, а по „совѣсти“, со страхомъ лишь глядя на офицеровъ въ кавказской формѣ и на всадниковъ — чужихъ людей, плохо говорящихъ по русски. Въ головѣ эшелоновъ двигалась бригада Ингушскій и Черкесскій полки, подъ командой генерала князя Александра Васильевича Гагарина. Самъ Гагаринъ старый кавалеристъ, лѣтъ такъ подъ 60, съ

загорѣлымъ лицомъ и неуклюжей походкой; онъ всю жизнь свою провелъ въ строю и былъ отличнымъ офицеромъ, что однако не мѣшало ему кутить и дѣлать большіе долги, а на Японскую войну уѣхать добровольцемъ; гдѣ онъ и отличился; а теперь — на виду, генералъ и командиръ бригады, но оказался плохимъ политикомъ, какъ и многіе другіе, поддавшись обману состороны чиновъ дивизіи — начальника генерала князя Димитрія Петровича Багратіона и начальника штаба генер. штаба полковника Гатовскаго, которые оставались все время движенія на Петроградъ; далеко въ тылу; такимъ образомь, генералъ Гагаринъ со своимъ авангардомъ и застрялъ на станціи Гатчина, не проявивъ своевременно личной иниціативы.

Какъ ни опереточно была поставлена сама защита Петрограда, но изъ состава авангарда генерала князя Гагарина еще смѣшнѣе былъ высланъ впередъ разъѣздъ ротмистра Тугарина изъ 11 всадниковъ Ингушскаго полка при корнетѣ Федосѣевѣ и прапорщикѣ Раппопортѣ. Говорятъ, что этотъ разъѣздъ даже и не былъ высланъ, а вѣрнѣе самъ по себѣ вышелъ изъ Гатчины на разсвѣтѣ, и перемѣннымъ аллюромъ, по обочинамъ стараго шоссе, быстро направился на столицу, на встрѣчу полной неизвѣстности. И вотъ, въ верстахъ 20 отъ Гатчины, разъѣздъ замѣтилъ на шоссе тяжелую батарею, хоботы орудій которой опущены внизъ, въ землю. Офицеры и всадники, конечно, посмѣялись надъ такой невиданной установкой, но подъѣхали вплотную съ предосторожностями, держа на всякій случай винтовки наготовѣ. Но это было напрасно, солдаты — артиллеристы встрѣтили разъѣздъ болѣе чѣмъ радушно. По выправкѣ своей и внѣшности — это были кадровые артиллеристы. На привѣтствіе ротмистра Тугарина: „здорово братцы", отвѣтили подтянуто, дружно: „здравія желаемъ Ваш. . . Выскбл. . ., а старшій изъ нихъ унтеръ-офицеръ, улыбаясь пояснилъ причину такой установки орудій: „Пріѣзжалъ, молъ, на машинѣ новый какой-то начальникъ, вольный, патлатый, назвалъ себя мужицкимъ Министромъ, Черновъ по фамиліи, и сказалъ — поставте пушки этакъ. Мы и поставили. Сказываютъ Корниловъ идетъ. . ."

— А сзади васъ что? . . . — спросилъ ротм Тугаринъ.

— Верстъ за пять отъ насъ, у самой „шоссе“ рота Семеновцевъ стоитъ. . .

Вскорѣ разъѣздъ наткнулся на большую пѣхотную заставу, которая еще за 1000 шаговъ выкинула бѣлый флагъ. Оказалось — рота семеновцевъ, настоящихъ гвардейцевъ, побывавшихъ и въ бояхъ. Здѣсь тоже самое что и на батареѣ: лица у всѣхъ довольныя, ясно говорящія, что вотъ, молъ, наконец-то разгонятъ „свякій сбродъ совѣтовъ“. Не было никакихъ сомнѣній у разъѣзда: Петроградъ можно взять голыми руками. И очевидно, судьба играла человѣками: въ составѣ разъѣзда былъ прапорщикъ Раппопортъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, интелигентъ, Петроградецъ, трясется теперь на высокомъ азіатскомъ сѣдлѣ, одѣтый въ черкеску, которую видѣлъ раньше быть можетъ только лишь на картинкѣ, а другой, такой-же какъ и онъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, горожанинъ и интелигентъ, сидитъ въ Зимнемъ дворцѣ, притворяясь что онъ властвуетъ надъ всей Россіей, и они теперь враги. А вѣдь только годъ тому назадъ они оба вмѣстѣ уничтожали бутерброды въ буфетной комнатѣ Окружного суда. Развѣ это не дико, что одинъ изъ нихъ прапорщикъ Ингушскаго полка, а другой Глава „Временнаго Правительства“ Бальшой Свободной Страны.

Но дальше. Не встрѣтивъ больше на пути никакихъ батарей ни заставъ пѣхоты, разъѣздъ постепенно втянулся въ предмѣстья столицы; а затѣмъ, миновавъ арку Нарвскихъ воротъ, вошелъ въ соприкосновеніе съ Петроградомъ и медленно направился по улицамъ въ центръ города. И что ты думаешь? Солдатскія массы, бродившія по улицахъ отъ бездѣлья съ лузганьемъ семячекъ, какъ угорѣвшіе кидались въ первую попавшуюся подворотню, съ крикомъ:—„Черкесы пришли, черкесы пришли. . .“ И этотъ крикъ бѣжалъ во всѣ стороны по городу. Не прошло и часу, какъ всѣ улицы и квартиры столицы знали и даже видѣли своими собственными глазами черкесовъ. Никогда не бывшіе на войнѣ, облѣнившіеся, распущенные солдаты и рабочіе столицы передавали другъ-другу со страхомъ, боясь распяаты за свои безобразія и безчинства. Обыватели же на оборотъ, они какъ жертвы всѣхъ безобразій, говорили о черкесахъ съ похвалой, и искренно желали о скорѣйшемъ смѣтеніи за одно и слюня-

вую „Керенщину“ и разбойно—настроенный „Совѣтъ“ въ Смольномъ. Но всѣ рѣшительно почему-то прятались, очевидно боялись-первые рзстрѣловъ на мѣстахъ, а вторые — запуганные колебались, незная, чья возметъ? Здѣсь и выказалась — неувѣренность въ рѣшимости вождя. При такой обстановкѣ, начальникъ разъѣзда ротмистръ Тугаринъ чувствовалъ себя покорителемъ столицы Петрограда. Просто легендой кажется: — Онъ медленно велъ свой маленькій отрядъ по улицамъ, осматриваясь кругомъ ради интереса. Ему нечего было бояться: лучшій его союзникъ 11 всадниковъ и 2 офицера, а навѣянная ими паника на всю столицу, создавала вокругъ мертвое пространство, черезъ которое множитъ маленькій разъѣздъ въ сотни тысячъ разъ. — На Забалканскомъ проспектѣ, у какой-то „Серапинской“ гостиницы Тугаринъ сдѣлалъ короткій привалъ. Офицеры вошли въ ресторанъ подкрѣпиться, а ингушей оставили коноводами; но и имъ скоро вынесли пирожковъ и холоднаго мяса, а отъ водки они отказались, какъ истые „сыны“ магомета. — Минутъ черезъ 10 всѣ были уже на лошадяхъ и также медленно направились дальше, свернувъ по Фонтанкѣ къ Невскому проспекту. На Невскомъ представилась имъ безобразная картина: гранитные цоколы знаменитыхъ клодтовскихъ коней сплошь заклеины революціонными возваніями, а одному изъ античныхъ юношей вставленъ въ руку красный флагъ. Это разило тупой безвкусицей и пошлостью. Но разъѣздъ продолжалъ свое движеніе въ Смольный, въ этотъ подлый Россійскій гнойникъ, какъ его тамъ называютъ. — Въ Смольномъ также показалось тихо, какъ будтобы онъ вымеръ; изъ оконъ уже никто не выглядываетъ. И только надъ старыми, вѣковыми деревьями кружились голодныя черныя вороны, сопровождая разъѣздъ противнымъ карканьемъ. Оказалось, депутатская мелкота разбѣжалась: одни въ провинцію, другіе попрятались, а депутаты по крупнѣе – выжидали событій на Финляндскомъ вокзалѣ и даже на границѣ. Между металической оградой Таврическаго сада и низенькими флигельками офицерской кавалерійской школы, разъѣздъ подъѣхалъ къ одному знакомому дому, гдѣ и остановился во дворѣ, на временный постой, пославъ донесеніе генералу Гагарину въ Гатчину. Это-то „наступленіе на Петроградъ“, въ самый рѣшительный его моментъ, и

повисло въ воздухѣ, остановилось, а затѣмъ постепенно сошло на нѣмъ.

-- Да не можетъ-же быть! — вскрикнула Людмила Рихардовна: — Это предательство! — Измѣна! — Всѣхъ ихъ нужно предать военно — полевому суду! . . . Играть судьбой великой свободной страны и ея народовъ; начавъ доброе и великое дѣло, предательски остановиться на полпути. . . Какая психологическая трагедія? . . . Боже мой!. . . Позоръ!

— Но, обожди! Эти событія развиваются дальше, и еще хлеще . . ., а военно-полевыхъ судовъ теперь не существуетъ. Временное Правительство „Великой Свободной Россіи", въ рѣшительный моментъ войны, поторопилось упразднить ихъ еще съ 15 марта этого года. . . — И вотъ, это-то наступленіе растаяло теперь не передъ мало—мальски реальной силой, — всѣ вѣдь видѣли и знали эту силу, — а передъ фактомомъ. Неудача эта — морально-политическая неудача. Исторія еще не знаетъ случаевъ, чтобы спаянная дисциплиной, воинственная и отлично вооруженная кавалерійская дивизія очутилась въ такомъ въ бездѣйственномъ положеніи передъ „пустотою", гдѣ орудія противника уперлись хоботами въ землю, а пѣхота его весело и радостно пропускаетъ „непріятельскіе" разъѣзды къ себѣ, въ тылъ. Въ этомъ случаѣ всѣ виноваты понемногу: Генералъ Корниловъ, лишенный диктаторскаго честолюбія и тяготенія къ власти, не повелъ самъ дивизію, а предоставилъ ее Багратіону и Гатовскому, изъ коихъ одинъ трусъ, а другой политиканъ.

Эти двое — трусъ и политиканъ еще съ Рижскаго фронта — Гатовскій, получившій въ 1915 г. лѣтомъ, въ Курляндіи, нѣсколько ударовъ стекомъ по лицу и по головѣ отъ Командира бригады Сербскаго принца Арсенія Карагеоргіевича, за нелѣпыя и невыполнимыя заданія и оскорбленія, будучи въ „особомъ кавалерійскомъ отрядѣ князя Трубецкого, дѣйствовавшемъ противъ Германскихъ войскъ наступавшихъ на Ригу, теперь оставались далеко въ тылу и погубили все. Дѣло могъ спасти еще и самъ князь Гагаринъ, если-бы онъ дотянувшись до Гатчины, немедленно посадилъ бы бригаду на лошадей и двинулся-бы вслѣдъ за Тугари-

нымъ на Петроградъ, не ожидая приказанія изъ штаба дивизіи. А когда, наконецъ, получилъ приказъ „ожидать въ Гатчинѣ дальнѣйшихъ распоряженій“, не пренебрегъ этимъ и самовольно не двинулся впередъ. Виноваты и Генералъ Шлоховъ и инженеръ Фисташкинъ, не исполнившіе въ точности возложеннаго на нихъ заданія, а предпочли кутить и присвоить большія деньги, данныя имъ на возстаніе среди гарнизона столицы. Керенскій тѣмъ временемъ воспользовался этими случаями и поспѣшилъ выпустить и разослать свое „всемъ, всемъ, всемъ“, въ которомъ заклеймилъ генерала Корнилова измѣнникомъ и контръ-революціонеромъ, желающимъ, якобы, расправиться съ „завоеваніями революціи“ подъ свистъ чеченскихъ нагаекъ. А видные депутаты „Совѣта“, прикрытые псевдонимами баронъ Сальватичи и Отто Бауэръ, поспѣшили подсказать своему другу Виктору Чернову, а послѣдній своему другу Керенскому — послать, молъ, навстрѣчу Туземной дивизіи, въ Гатчину, делегацію изъ столичныхъ туземцевъ — мусульманъ — для уговариванія всадниковъ... Рѣшено — сдѣлано: на скорую руку собрали десятокъ петроградскихъ мусульманъ, хорошенько заплатили имъ изъ Государственнаго банка, по ордеру на клочкѣ бумаги, и выслали ихъ на грузовикѣ въ Гатчину. Начальникъ разъѣзда ротмистръ Тугаринъ, конечно, недопустилъ делегатовъ къ переговорамъ, но нѣкоторымъ изъ нихъ все-же удалось перекинуться словомъ съ отдѣльными всадниками: — „Зачѣмъ, молъ, вамъ вмѣшиваться въ дѣла „Велико-русскихъ“? Развѣ мало вы навоевались, и развѣ не ждутъ васъ въ родныхъ аулахъ ваши семьи? — Довольно! — Керенскій отправитъ васъ на Кавказъ и еще такъ хорошо наградитъ, что хватитъ? на всю жизнь!...“ Семя зла брошено удачно на подготовленную почву, а тутъ еще неподвижность и бездѣйствіе, могущія поколебать и самыхъ стойкихъ и твердыхъ бойцовъ; ну и пошло послѣ этого разложеніе въ рядахъ кавказскихъ джигитовъ. Только тогда въ Гатчину прилетѣли на автомобилѣ генералъ Багратіонъ и полковникъ Гатовскій, вполнѣ довольные случившимся, обмѣнявшись и мнѣніями между собою: „Это, молъ, была авантюра, и что это — и должно было такъ кончиться“. — Не входя въ суть дѣла, эти вожди дивизіи скоро уѣхали въ Петроградъ, пообѣдать въ первоклассной гостиницѣ „Асто-

рія"; а оттуда — поспѣшили въ Зимній дворецъ къ Керенскому, излить ему свои вѣрноподданическія чувства. Послѣдній не остался въ долгу, благосклонно пожуривъ ихъ, пообѣщалъ Туземную дивизію переименовать въ корпусъ и Багратіонъ, молъ, поведетъ этотъ корпусъ прямо на Сѣверный Кавказъ, уже въ должности Командира корпуса.

Между прочемъ, въ обѣдѣ начальства въ гостиницѣ „Асторія" принималъ участіе и командиръ бригады генералъ князь Гагаринъ, но видѣться съ Керенскимъ отказался на отрѣзъ. На что у генерала князя Багратіона хватило даже смѣлости замѣтить: — „Напрасно, напрасно, Александръ Васильевичъ! Былъ царь — батюшка, мы вѣрно служили ему, а теперь вписана уже новая страница исторіи и ее никакъ не вырвишь. . ." Гагаринъ остался при своемъ.

Послѣ этого, проходитъ одинъ—два дня и, новость: Багратіона также обманули. Имъ нужно было время, время разложить окончательно и составъ его Туземной дивизіи. И когда состоялся приказъ о переименованіи дивизіи въ корпусъ, то командиромъ его былъ назначенъ генералъ Половцевъ, который въ тоже время безцеремонно устраненъ отъ командованія Петроградскимъ военнымъ округомъ и котораго нужно было Керенскому куда нибудь и какъ нибудь сплавить подальше, а именно на Сѣверный Кавказъ, вмѣстѣ съ туземцами.

— Какая низкая игра! и дѣтское увлеченіе — властвовать, начальствовать! — А еще образованные, интелигентныя люди, генералы и поддались обману? . . — замѣтила Людмила Рихардовна.

— Это все послѣдствія: долго — длящейся великой войны народовъ и результатъ работы „невидимой руки", которую принято называть въ литературѣ „масонской", эволюціей психологіи и прочимъ; а правильнѣе было-бы назвать — отъ пропаганды вырождающихся „кучки" людей, воображающихъ себя всеміреными, избранными, повелителями народовъ, безнаказанно вліяющіе на слабые характеры людей и заражая ихъ „обѣщаніями" и „мистицизмомъ", которыя въ конечномъ результатѣ родятъ въ массахъ — безнадежность, пессимизмъ. . .

Почти тоже самое случилось и съ корпусомъ, который по другому направленію велъ на „красную столицу" генералъ

Крымовъ. Еще по дорогѣ въ казачьихъ частяхъ корпуса началось броженіе. Корпусъ начали разлагать еще въ вагонахъ. Даже кое кто изъ офицеровъ самовольно оставлялъ свои полки и летѣлъ въ Петроградъ въ надѣждѣ сдѣлать карьеру, конечно, вопервыхъ карьеру измѣнника, перебѣжчика. Изъ такихъ господъ, видную роль сыгралъ ротмистръ, Данильчукъ, успѣвшій даже вернуться на автомобилѣ съ полковникомъ Самаринымъ, фаворитомъ Керенскаго. И они то, Самаринъ и Данильчукъ, приложили всѣ старанія, чтобы уговорить и Крымова:

— „Ваше превосходительство, было-бы, молъ, безуміемъ упорствовать! Вашъ корпусъ можетъ съ минуты на минуту открыто взбунтоваться. Туземная дивизія застряла въ Гатчинѣ. Ставка на Корнилова бита! Спасайся, кто можетъ! Поѣдемте-ка лучше въ Петроградъ. Керенскій уважаетъ вашу доблесть и готовъ простить васъ. . ."

— „Меня, готовъ простить? За что? — возмутился Крымовъ. — Да у меня въ карманѣ телеграмма его, вызывающая мой 3 конный корпусъ въ Петроградъ! И послѣ этого; онъ готовъ простить меня? Что за глупая и гнусная комедія! . . .

Не смотря на свои вѣскіе и основательные доводы, все же въ концѣ-концовъ Крымовъ согласился; потрясенный и надломленный, онъ уѣхалъ съ Самаринымъ и Данильчукомъ впередъ, на автомобилѣ, въ Петроградъ.

— Ну и хаосъ! — неудержалась Людмила Рихардовна: — Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы дерутся. . .

— Обожди, еще не все! — замѣтилъ Давидъ Ильичъ серьезно: — дальше информація дополняется уже по слухамъ, но вѣроятными и правдоподобными свѣдѣніями. Генералъ Крымовъ предсталъ передъ Керенскимъ какъ настоящій „боевой" солдатъ. Между ними возникло бурное объясненіе, во время котораго Крымовъ ударилъ Керенскаго по физіономіи, а затѣмъ поднялась какая-то стрѣльба: по одной версіи — въ Крымова стрѣлялъ Керенскаго адъютантъ, а по другой — военный министръ Савинковъ. Раненаго Крымова, вскорости послѣ того, вынесли на автомобиль и отвезли на Захарьевскую 17, въ такъ называемый „политическій кабинетъ" Керенскаго. Дальше — полная неизвѣстность, все темно, прикрыто.

Семья Крымова живетъ въ Петроградѣ, но къ тѣлу умершаго допущена была только лишь черезъ два дня въ Николаевскомъ госпиталѣ, гдѣ старшій врачъ подвелъ вдову Крымову къ синему, одеревенѣвшему тѣлу подъ грубой простыней и показалъ огнестрѣльную рану на широкой, богатырской груди покойнаго.

— „Странное самоубійство. . . — сказалъ ей старшій врачъ: — Ротмистръ Данильчукъ пояснялъ мнѣ лично, что генералъ самъ застрѣлился въ кабинетѣ Керенскаго, который яко-бы и сказалъ при этомъ: „онъ поступилъ, какъ честный человѣкъ", но обратите вниманіе: края раны не только не обожжены. . ., и у меня впечатленіе, что выстрѣлъ произведенъ на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. . . Да и самое направленіе пули. . . Самому нельзя такъ застрѣлиться. Нельзя! Я вамъ говорю какъ женѣ покойнаго. . . Значитъ слухи, что его застрѣлили . . . — правдоподобны. Но прошу васъ, это между нами. . ."

Бѣдная дама охвачена была столбнякомъ, а черезъ нѣсколько минутъ опомнившись, тихо спросила у врача:

— „А гдѣ-же все, бывшее на немъ? У мужа всегда набиты карманы бумагами, записными книжками, документами. . .

— „Ничего этого нѣтъ, — покачалъ головою врачъ: — Тѣло доставили, какъ вы его сейчасъ видите". . .

Похороны генерала Крылова состоялись безъ всякихъ демонстрацій и почестей. По заявленію ротмистра Данильчука, это сдѣлано было по желанію Керенскаго: за гробомъ шла только вдова и дѣти, и больше никто. А на другой день ротмистръ Данильчукъ куда-то исчезъ и больше его никто не видѣлъ. Въ тотъ же самый день и полковникъ Самаринъ выѣхалъ Сибирскимъ экспрессомъ, получивъ въ команрованіе Иркутскій военный округъ. Тайна „политическаго кабинета" на Захарьевской такъ и осталась неразгаданной: — Какъ именно погибъ Крымовъ? — Кто былъ при немъ въ часы его агонійныхъ мукъ? — Куда дѣвались бывшія при немъ бумаги, въ томъ числѣ и телеграмма Керенскаго, вызывавшая въ Петроградъ 3 конный корпусъ? Все это туманно и полно однѣхъ лишь догадокъ. . . — закончилъ секретный разсказъ Давидъ Ильичъ и посмотрѣлъ на жену.

Людмила Рихардовна молча вздрогнула, на глазахъ показались слезы и она еще крѣпче прижалась къ мужу.

— Будемъ бороться вмѣстѣ! — Я и на минуту не оставлю тебя одного. . . — тихо промолвила она сквозь слезы. И жизнь ея при штабѣ, какъ переводчика, потекла мирно, тихо, всегда въ обществѣ мужа и семьи коменданта штаба подполковника Шрама, жившаго съ Казбегоровыми по сосѣдству. Ихъ постоянный посѣтитель былъ и уважаемый Корпусный Санитарный Инспекторъ, старикъ, профессоръ Круксъ. И только изрѣдка нарушалась ихъ тихая жизнь служебными невзгодами.

Такъ напримѣръ, скоро все-же получился приказъ о назначеніи генер. штаб. полковника Казбегорова на должность по снабженію корпуса, о которой горячо заботился Комкор"ъ генералъ Новицкій.

— Ну, что - же дѣлать? — Надо подчиниться судьбѣ своей! — тихо протянулъ Давидъ Ильичъ, сидя съ женой на диванѣ въ своей комнатѣ послѣ ужина; и на другой день приступилъ къ обѣзду ему подвѣдомственныхъ частей, управленій и учрежденій, и вступилъ въ должность.

Людмила Рихардовна всюду сопровождала его какъ солдатъ вольноопредѣляющій, надѣвая лишь длинные сапоги, и по верхъ дамскаго костюма — солдатскую шинель съ ремнемъ и кавказскую папаху, держась корректно въ группѣ двухъ офицеровъ, сопровождавшихъ полковника при объѣздахъ и выѣздахъ по дѣламъ службы. Работы ей, какъ переводчику, было дѣйствительно немного: позаниматься у себя въ комнатѣ, при домашней обстановкѣ вмѣстѣ съ мужемъ, она считала какъ бы развлеченіемъ.

При такой милой обстановкѣ и плодотворной работѣ на благо армій и страны, прошелъ сентябрь мѣсяцъ и первая половина октября.

Подполковникъ Шрамъ, со своей супругой, молоденькой брюнеткой какъ-то въ свободное отъ службы время, были у Казбегоровыхъ и разговорились объ информаціяхъ его, какъ коменданта штаба и любителя все освѣщать до мелочей, изъ которыхъ, въ то время, слагалась вся жизнь тыла.

— Тылъ ссорится и разлагается, — пояснялъ подполковникъ Шрамъ: — дерутся между собою и разбѣгаются куда кому удобнѣе или выгоднѣе — высшіе вожди партій

и правительства страны. Главные руководители армій, генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ и другіе — и тѣ немогутъ никакъ сговориться и понять другъ друга хорошенько, дабы дѣйствовать совмѣстно и за одно; а высшіе гражданскіе служащіе, губернаторы — комиссары и прочіе правительствённые ставленники разныхъ партій и оттѣнковъ, богатые купцы и фабриканты — въ свою очередь немогутъ сговориться ни между собою ни съ главными руководителями армій; къ тому-же, и боятся генераловъ какъ какой - то заразы и чумы, ограничиваютъ ихъ власть, подрываютъ авторитетъ, уничтожаютъ дисциплину, и арміи разлагаются, рязлагаются не по днямъ, а по часамъ. . . Ихъ почти что нѣтъ!—Если только толпа людей, много говорящая и ничего не дѣлающая...

Мадамъ Шрамъ, слушая разсказъ мужа объ инфор. маціяхъ изъ тыла по безпроволочному телеграфу, часто нервничала и плакала сама незная почему, а Людмила Рихардовна, какъ болѣе просвѣщенная, высокообразованная женщина, усматривала въ „этой игрѣ“ какую-то неразбериху и горькую „карму“ или даже преступное состязаніе въ политическомъ превосходствѣ одного передъ другимъ; но какъ его пріостановить, немогла ясно себѣ представить, и поэтому всегда также старалась занимать позицію выжидательную. Ея-же мужъ, генер штаб. полковникъ Казбегоровъ, и подполковникъ Шрамъ, и въ обществѣ даже своихъ женъ, отъ критики вообще воздерживались, но были всегда готовы исполнить приказанія начальства направленныя къ возстановленію порядка и свои обязанности, ясно и опредѣленно начертанныя въ законѣ, принести странѣ спокойную жизнь и благополучіе, стоя внѣ всякихъ партій.

Послѣдней тактики придерживался и весь составъ штаба корпуса во главѣ съ Комкор“омъ, но желательнаго распоряженія свыше все-же небыло и небыло. Терпѣніе истощалось молча. И только лишь Корсанит“ъ Тайный Совѣтникъ профессоръ Круксъ открыто порицалъ бездѣйствіе наивысшаго командныго состава армій и правительственной власти, а также неупускалъ изъ виду и всѣ вредныя работы тыла партій и имъ сочувствуюшихъ, окрещивая ихъ работу такими „горячими предпосылками“, отъ которыхъ дамы часто закрывали уши, а у офицеровъ и генераловъ подымались

дыбомъ волосы на головѣ. Самъ-же авторъ предпосылкоъ, обыкновенно произносилъ, въ заключеніе, короткое слово „извините“ и, не прощаясь, быстро уходилъ къ себѣ въ комнату. Старику профессору за это всѣ прощали добродушно, считая его горячность отъ избытка патріотизма.

Но вотъ и средина Октября; опять загорѣлась въ центрѣ борьба за власть. Неизвѣстно кто-то и куда-то сбѣжалъ. Обвиняютъ во всемъ Керенскаго; считаютъ его за низкаго труса и бездарника. Интелигенція, въ лучшемъ случаѣ, молчитъ и чего-то выжидаетъ, беззаботно стремясь въ пропасть и держа передъ собою заслонъ, чтобы не видать ужасовъ ея. „Эс-эр“овскій-же „товарищъ“, господинъ Керенскій, подобно рыбьему интелигенту „головню“, галантенъ, ловокъ и красивъ, съ большимъ открытымъ лбомъ, состоитъ главой правительства большой Свободной Страны Россіи и членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ, читаетъ съ чувствомъ Некрасова, бранитъ „щукъ“, но тѣмъ не менѣе самъ поѣдаетъ „рыбешекъ“ съ такимъ-же аппетитомъ, какъ и „щука“ Впрочемъ, истребленіе „пискарей“ и „уклеекъ“ онъ считаетъ горькою необходимостью времени, А когда-же въ интимныхъ бесѣдахъ попрекаютъ его расхожденіемъ слова съ дѣломъ, онъ вздыхаетъ и тихо имъ въ отвѣтъ бросаетъ: „Ничего не подѣлаешь, батенька! Не созрѣли еще „пискари“ для безопасности и къ тому-же согласитесь, если мы не станемъ „ихъ“ ѣсть, то что-же мы „имъ“ дадимъ взамѣнъ?“ . . .

— Въ такихъ случаяхъ и подражателей-то ему у насъ очень много, — неожиданно заговорилъ профессоръ Круксъ въ штабной столовой за обѣдомъ: — Хотя одинъ изъ лучшихъ сыновъ страны и Верховный главнокомандующій генералъ Корниловъ и объявилъ себя — все для спасенія „Страны“, „Народовъ“. И что же думаете, ни одинъ изъ другихъ высшихъ вождей не посмѣлъ подняться ему на помощь. Его доблестные порѣдѣвшіе Кавказскіе полки увезены генераломъ Половцемъ на Сѣверный Кавказъ, а остатки ихъ безпомощно разсыпались по степямъ и болотамъ Псковской, Новгородской и даже Витебской губерній, всюду нарываясь на непреодолимыя препятствія — рогатки разставленныя всевластными диктаторами-комитетами и комиссарами ихъ. Повидимому духъ Минина и Пожарскаго временно ос-

тавилъ русскій народъ на поруганіе за его скупость и эгоизмъ, хотя-бы ввидѣ поступка московскихъ фабрикантовъ Морозовыхъ и другихъ русскихъ большихъ купцовъ, помѣщиковъ и адвокатовъ, отказавшихся помочь генераламъ Корнилову и Алексѣеву организовать теперь-же народное движеніе противъ „краснаго петроградскаго деспота", и въ то-же время — „мірового разрушителя и поработителя культуры зломъ", посѣяннымъ и родившимся въ центральныхъ столичныхъ и губернскихъ городахъ Россіи; а затѣмъ и за слабость воли и за отсутствіе вѣры въ свою народную мощную силу, тысячелѣтіемъ развивавшуюся. Октябрь повидимому будетъ памятенъ для всей вселенной на многіе годы: свершаеся то, что разсосавшійся нярывъ отъ „революціи господъ", теперь заразилъ весь великій и здоровый организмъ, свалилъ его на землю и сильно придушилъ, — философски заключилъ профессоръ и больно поморщился.

Информаціи стали поступать уже и отъ разныхъ центральныхъ организацій и комитетовъ; были крайнѣ лѣваго направленія, а ихъ содержаніе и судя по адресамъ: всемъ, всемъ, всемъ, — носили самый тенденціозный характеръ. Выплывали на поверхность общественности и власти какія-то совершенно новыя личности, неизвѣстныя, или извѣстныя, то съ весьма темнымъ и уголовнымъ прошлымъ. По информаціи, у власти въ центрѣ фигурировали уже лица неизвѣстные, съ какими то древнѣ — гортанными, чужими фамиліями, мужчины и какія-то около иихъ неизвѣстныя женщины: Бронштейнъ, Нахимсонъ, Хачатуръ, Наташа Хачивили, Маша Дожа, Оганесъ, Урица и прочія и прочія.

— Чортъ знаетъ этимъ господъ мужчинъ и женщинъ, — возмущенно заговорилъ опять профессоръ Круксъ: — пошлость-ли это или нѣтъ, но мѣсто этимъ „товарищамъ" и ихъ „дамамъ" — быть лишь въ большомъ домѣ—пріютѣ соціальнаго обезпеченія, подъ управленіемъ толстой и краснощекой „мамы", лѣтъ такъ подъ 45, и обязательно родомъ изъ Тулы. . . — заключилъ онъ свое мнѣніе объ октябрьскомъ движеніи въ Россіи, сидя вечеромъ за чаемъ въ столовой въ обществѣ супруговъ Казбегоровыхъ, Шрама съ супругой и Корвет"а.

— А что-же по вашему, профессоръ, такимъ женщинамъ дѣлять? . . . — съ насмѣшкой заговорилъ Корвет"ъ:

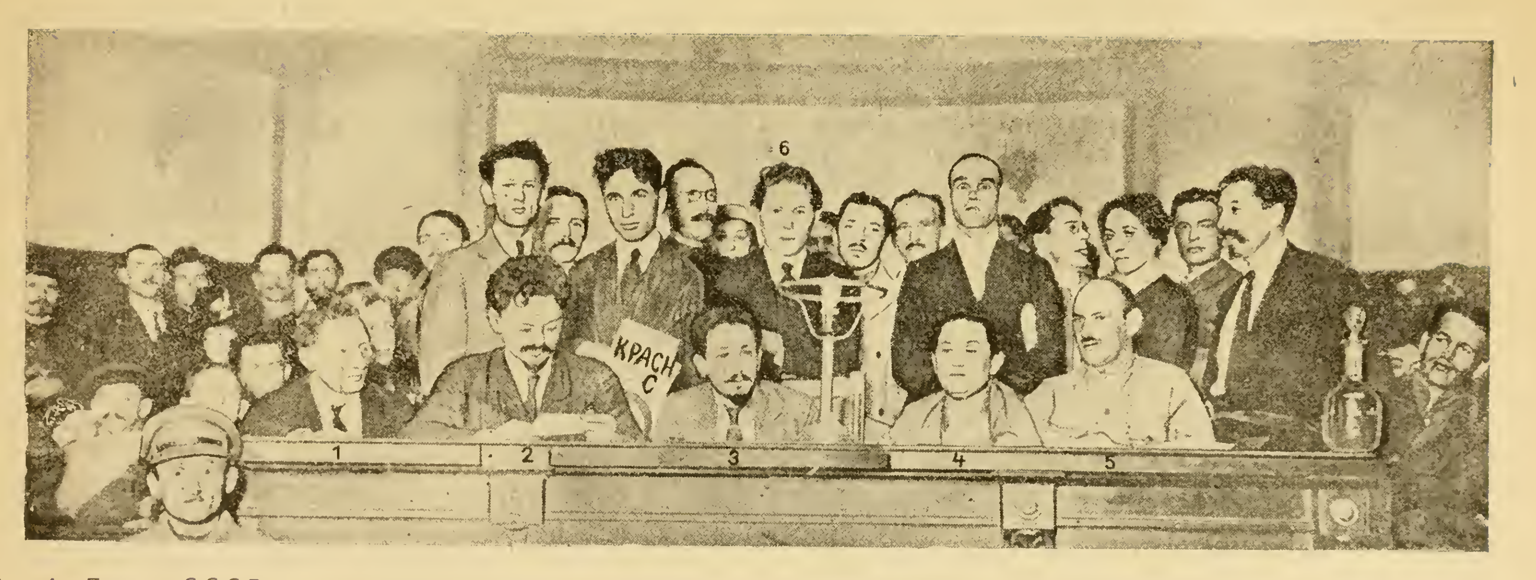

Рис. 4. Первое „С.С.С Р-овское.“ правительство въ „Великой Россіи“ 1. Моисей Урицкій, 2. Лейба Бронштейнъ (Троцкій), 3. Янкель Свердловъ, 4. Овсей Радомысльскій (Зиновьевъ), 5. Файерманъ, 6. товарищъ Михаилъ — руковод. больш. академіи на Капри: Оказалось чудо: „многомилліонные россійскія арміи на фронтахъ, въ одну ночь на 25 окт. (ст. ст.) 1917 г., лишены своей родной страны и какой-то невидимой силой переброшены въ страну по истинѣ „чудесъ“? „С.С.С.Р-ъ.“, правительство которой не понимаетъ ни „духа“, ни „языка“ армій и свободныхъ гражданъ „Великой Страны“. . .“

— замужъ выходить? . . . на курсы ѣхать и погубить себя?... — Вѣдь это было-бы преступленіемъ противъ свободы, добытой ими съ такими громадными усиліями. . .

— Свободу народу нужно давать постепенно, — возразилъ профессоръ Круксъ: — а эти господа: генералъ Рузскій и депутаты отъ вр. исполнительнаго комитета Госуд. Думы Гучковъ и Шульгинъ, хотя и отъ имени представителей народа говорили на ст. Псковъ, въ 10—12 час. ночи 2 марта, но они и не подозрѣвали, что отнимая власть у Императора, сами-же легко передадутъ ее этимъ, „совершенно чужимъ“, неизвѣстнымъ темнымъ людямъ. — Теперь вѣдь не секретъ: февральская революція началась не изъ-за голода, какъ писали, а на верхахъ. Съѣстныхъ припасовъ и ржаной муки въ то время въ Петроградѣ было въ достаточномъ количествѣ и подвозъ этой муки шелъ безпрерывно; о чемъ было объявлено своевременно и командующимъ войсками Петроградскаго военнаго Округа Ген. Корниловымъ 25/II (Р. О. 27/II. 1917 г. № 48). Движеніе же рабочихъ, — съ 23 февраля, а затѣмъ 24, 25, 26, сначала на окраинахъ города, главнымъ образомъ, на Выборгской сторонѣ, послѣ перебросилось на всѣ улицы столицы, хотя и носило лозунгъ — „недостатокъ съѣстныхъ припасовъ“, но это скорѣе былъ лишь поводъ, чѣмъ причина революцій. . . — Вся бѣда была лишь въ томъ, что русскіе видные дипломаты (фамиліи ихъ, конечно, — скрыты), при предсѣдателѣ Совѣта Министровъ Штюрмерѣ, начали было вести сепаратные мирные переговоры съ Германіей: то въ Швейцаріи, то въ Берлинѣ. По словамъ Шведской газеты „Politiken“, 1917 г. 13 фев. выработка условій мира — Германіи съ Россіей—такъ далеко зашла, что выяснены были даже и главные пункты окончательнаго соглашенія. Германію представлялъ графъ Бюловъ, а въ Петроградѣ — представительницей Германіи была принцесса Гессенская. Условія, выработаны и окончательно приняты въ Швейцаріи, были слѣдующія: Свободный проходъ вообще русскаго флота черезъ Дарданелы и уступка Россіи группы всѣхъ островoвъ въ Мраморномъ морѣ. Германія возстанавливаетъ самостоятельность Сербіи и Черногоріи, но удерживаетъ Курляндію и Ковно, т. е. почти половину Литовской територіи. Въ вознагражденіе Россія получаетъ часть Арменіи, Персіи, Галицію и Буковину. Поль-

скій вопросъ переносится на рѣшеніе международной мирной конференціи. — И вотъ, 25 февраля слѣдуютъ два именныхъ Высочайшихъ указа Правительствующему Сенату — прервать съ 26 февраля занятія Госуд. Совѣта и Госуд. Думы, и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года (Р. О. № 49). — Депутаты Думы, находясь подъ впечатленіемъ этихъ слуховъ о сепаратныхъ переговорахъ, конечно, не разъѣхались, а еще 25 февраля изъ своей среды образовали особые комитеты для руководства движеніемъ въ столицѣ; руководители были депутаты: Скобелевъ, Дзюбинскій, Керенскій, Чхеидзе и другіе, съ Волынскимъ полкомъ во главѣ. И когда движеніе достигло своего наивысшаго революціоннаго результата, и къ нему присоединились Преображенсій, Литовскій, Кексгольмскій полки и Сапер. б-нъ, то 27 февраля, въ полночь, организовался и вр. исполнительный комитетъ Госуд. Думы, въ составѣ: М. Родзянко, Керенскій, Чхеидзе, Шульгинъ, Милюковъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Ржевскій, Шидловскій, Некрасовъ и Львовъ, который 28 февраля и выпустилъ возваніе къ войскамъ гарнизона и къ арміямъ на фронтахъ, а также и къ народу всей страны; и, взявъ на себя всю полноту власти, сообщилъ объ этомъ Императору въ Ставку и главнымъ генерал. фронтовъ. Правительство же Штюрмера само по себѣ умерло, прекратило существованіе. Многіе его члены арестованы. Къ 2 час. дня 28 фев., къ предсѣдателю Госуд. Думы М. Родзянко явились почти что всѣ войсковыя части столичнаго гарнизона и флота, предоставляя себя въ его полное распоряженіе. И вотъ, къ войскамъ вышелъ депутатъ Госуд. Думы священникъ Поповъ 2-й и, съ крестомъ въ рукахъ, благословлялъ революціонныя войска, говоря имъ напутственное слово: „Дабудетъ памятенъ этотъ день во вѣки вѣковъ". — Всѣ эти движенія, комитеты, переговоры и привели къ тому, что Царскій поѣздъ, съ Императоромъ Николаемъ II, Генералъ Рузскій задерживаетъ на станціи Псковъ и тогда же, въ 2 ч. ночи 2 марта, императоръ Николай II издаетъ указъ объ учрежденіи отвѣтственнаго передъ обѣими представительными Палатами — „довѣрія Кабинета Министровъ"; въ 3 ч. же дня, тогоже 2 марта, самъ отказывается отъ престола въ пользу сына, наслѣдника Алексѣя; и только по пріѣздѣ въ Псковъ Гучкова и Шульгина, въ 10 час, ночи того-же дня, выслу-

шавъ подробный докладъ о движеніи въ столицѣ, онъ отказался отъ престола тогда-же, въ 10—12 час. ночи, и засына, ввиду его малолѣтства, въ пользу брата своего Великаго Князя Михаила Александровича. Какъ извѣстно, Великій Князь Михаилъ Александровичъ все время столичнаго революціоннаго движенія находился тамъ-же въ Петроградѣ; и когда къ нему во дворецъ явился, 3 марта въ 10 час. утра, новый кабинетъ Министровъ, во главѣ князя Львова и въ сопровожденіи Предс. Госуд. Думы М. Родзянко и депутатовъ Шульгина и Караулова, то Великій князь Михаилъ Александровичъ, всестороннѣ обдумавъ предложеніе и поведеніе каждого Министра въ отдѣльности, въ 1 час. дня заявилъ имъ, что онъ незнаетъ, молъ, что полезнѣе для Россіи, принять-ли престолъ или отрѣчься. Благо Россіи — лучше всего обезпечивается отреченіемъ. И Великій князь передалъ верховныя права новому правительству, возлагая на него и Созывъ Учредительнаго Собранія для опредѣленія формы правленія. — Новое временное правительство, показавшее себя при переговорахъ съ Великимъ Княземъ достаточно революціоннымъ, очевидно, не ожидало такого оборота дѣла. Приступивъ временно къ исполненію высшей власти въ „Большой Россійской Свободной Странѣ“, отдѣльныя лица кабинета, какъ Гучковъ, Милюковъ, а затѣмъ Коноваловъ, кн. Львовъ, Савинковъ, Керенскій и многіе другіе, сразу проявили свою революціонную слабость. Съ перваго-же дня всѣ подпали подъ вліяніе „Нелегальнаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“; и пошли разлагать большую страну и многомиліонныя арміи на фронтахъ. — Дальше, начали скоро и сами удирать со своихъ отвѣтственныхъ постовъ, и преступно отложили созывъ Учредительнаго Собранія съ 3 іюля на 5 января 1918 года. — Князь Львовъ, Милюковъ, Гучковъ, Коноваловъ, Савинковъ, Керенскій и другіе, такія видныя величины русской общественности, не сумѣли передать высшую власть въ Странѣ въ руки ея народа — его законной власти. — Своей революціонной свободой, они слишкомъ зарвались, преувеличили свою силу и способность.—Предложи они Императору еще въ февралѣ мѣсяцѣ подписать широкую конституцію, широкое самоуправленіе намѣстахъ и полную автономію окраинамъ, и повѣрьте мнѣ, этихъ-то нововведеній и слуховъ, о готовив-

шемся якобы тогда сепаратномъ мирѣ съ Германіей, намъ-бы теперь и не пришлось переживать. — Всему виноваты: вопервыхъ — Рузскій, Гучковъ, Милюковъ и Керенскій, съ которыми нашему народу слѣдовало-бы расправиться такъ, какъ и съ измѣнниками, предателями своего-же „Великаго Народа“ и „Большой богатой Страны“—въ руки „пришельцевъ“, чужихъ неизвѣстныхъ людей. — И Давидъ Ильичъ былъ правъ, назвавъ работу этихъ гражданъ еще въ первыхъ числахъ марта — „револю̀ціей господъ“, которые и сами незнаютъ чего они хотятъ и чего добиваются. . . и профессоръ сильно волнуясь, поднялся и началъ ходить по комнатѣ.

— Есть и у насъ много дѣятелей и умныхъ, и талантливыхъ, и образованныхъ, и неутомимыхъ въ трудѣ, — неожиданно заговорилъ полковникъ Казбегоровъ: — но настоящая исторія перехода къ свободной жизни народовъ Страны, мало находитъ добра отъ ихъ дѣятельности для общей спокойной жизни, и указываетъ, лишь на зло, которое они творятъ безсознательно, принимая его за добро. Вся бѣда лишь въ томъ, что они космополиты. Воспитаніе не развило въ нихъ сознанія своей связи съ общею народною жизнью, вслѣдствіе чего они высокомѣрно отнеслись къ ея интересамъ и потребностямъ, презрительно смотрѣли на личности, связанныя съ массою, и несмотря на свои общечеловѣческія стремленія, оказались теперь со взглядами слишкомъ узкими и односторонними. Одно европейское образованіе, какъ видно, не дало имъ силы для благотворной дѣятельности, каторую они сами вымыслили для себя съ февральской революціей, на которую не вызывали ихъ общенародные интересы; другими словами, они хотѣли только свысока благотворить обществу и народу отъ крупицъ со своего-же стола, а не служить имъ. Правда, есть и такіе между ними дѣятели, которые называютъ себя „патріотами“, но это есть барскій патріотизмъ; онъ вытекаетъ не изъ сознанія своей связи съ народомъ, съ арміей, а изъ чувства довольства своимъ общественнымъ или политическимъ положеніемъ, и изъ-за страха лишиться его. На самомъ-же дѣлѣ, выходитъ такъ, что они и не есть настоящіе патріоты, а скорѣе лишь мнимые враги космополитизма или просто — отсталые люди, испугавшіеся космополитизма и не прозрѣв-

шіе въ массѣ народовъ страны ничего, кромѣ наивной простоты и невѣжества. Результатъ этихъ ошибокъ и сказался на первыхъ членахъ временнаго Правительства, безоглядки бѣжавшихъ со своихъ высокихъ и отвѣтственныхъ постовъ Свободной Страны, упустивъ изъ виду и то, что отдѣльные истинные патріоты воспользуются этимъ и начнутъ искать воспитательную силу въ своей національности и по праву, конечно, — въ отдѣльной своей организаціи; а люди съ темнымъ прошлымъ и карьеристы истолкуютъ общенародные интересы въ смыслѣ лишь диктатуры простонародья, пролетарскихъ массъ. . .

Корвет"ъ предпочелъ молчать и слушать что говорятъ другіе, а Людмила Рихардовна поторопилась серьезно пояснить характеръ нѣкоторыхъ женщинъ, упомянутыхъ въ информаціи:

— Не удивляйтесь, господа! — Маша Дожа, это бывшая моя прислуга, которая вышла замужъ за полицейскаго Дожу и которую я хорошо одарила приданнымъ.*) Онъ-же, какъ оказалось впослѣдствіи, бывшій, разжалованный, прапорщикъ. . .

— А—а—а! — какъ-то въ одинъ голосъ протянули полковн Казбегоровъ и подполк. Шрамъ: — знаемъ его и по поддѣлкѣ счетовъ и по присванванію чужихъ писемъ. . . у насъ-же въ штабѣ, два года тому назадъ. . .

— А моихъ писемъ въ Старой-Руссѣ! — добавила Людмила Рихардовна.

— А не тотъ-ли Дожа, прапорщикъ, который за ужиномъ въ штабѣ, весною 1916 года, проповѣдывалъ соціализмъ и борьбу за него въ формѣ, какой онъ и самъ ясно не представлялъ себѣ? . . . — спросилъ профессоръ Круксъ.

— Именно тотъ . . — подтвердилъ полков. Казбегоровъ.

— Дожа со своей Машей, еще въ началѣ этого года, при выѣздѣ моемъ изъ Витебска въ Ригу къ мужу, уже пытались ограбить меня на какомъ то законномъ основаніи — яко-бы для обороны: юбки, платья, постель и цѣнности мои — подарки какъ память . . . — добавила Людмила Рихардовна смѣясь.

— Вотъ звѣрь! — Такіе Дожи, Маши и Наташи и становятся теперь у власти. . . Какъ-же, мужъ и жена „това-

*) См. кн, т. I „Во власти женщинъ".

рици“! — протянулъ профессоръ Круксъ со злой ироніей и смѣхомъ.

Шрамъ и Казбегоровъ удивленно посмотрѣли другъ— на друга, а затѣмъ и на Крукса и, ради приличія Казбегоровъ заговорилъ другимъ тономъ:

— Почему звѣрь? — Дожи преступленія поощряли наши самонадѣянные „бары“, „великіе господа“, начиная еще съ университета: сначала политическое убійство — ограничились лишь только выселеніемъ его изъ столицы; затѣмъ война — удостоили его командировкой въ школу прапорщиковъ; а послѣ — любовныя интрижки, насилія женщинъ, обманъ ихъ, многоженство, присвоеніе писемъ, поддѣлка документовъ; — и за все это только разжалованіе. Но скоро полицейскимъ, и какъ жена говоритъ, даже видѣла его въ началѣ сентября въ Старой-Руссѣ полицеймейстеромъ; а теперь — „высшая власть“?! . . . — Какъ это нравится, вамъ? — Слабость закона, или слабость Эсъ-Эр“овской партійной власти г. Керенскаго? . . . — Другимъ объяснить ничемъ нельзя, иначе. . . — А теперь, что посѣяли, то и пожинайте. . . — Но это только цвѣты, господа, а плоды будутъ послѣ, впереди еще! отъ которыхъ весь міръ встряхнется, ища причину въ заколдованномъ кругѣ: экономическій кризисъ, ничего недѣланіе, а треть земного шара, съ двухсотъ-милліоннымъ населеніемъ, будетъ изолировано отъ общаго потребителя, превративъ эту массу въ „бездушныхъ истукановъ“, оборванныхъ, голыхъ, босыхъ, голодныхъ и живущихъ въ условіяхъ первобытнаго состоянія, ничего не потребляющаго, но жадно и хишнически набрасывающагося на все чужое. . .

Ну, ну, ну! — съ негодованіемъ протянулъ Корвет“ъ, будучи самонадѣяннымъ и увѣреннымъ, „аось пройдетъ все благополучно“.

— Неужели тебѣ, Дэзи, пріятно вспоминать всѣ глупости людскія? — возразила и Людмила Рихардовна, схвативъ мужа за рукавъ.

— Не какъ пріятность, а какъ информацію съ другой стороны интересно послушать. . . — поторопился заявить профессоръ Круксъ; а затѣмъ, обращаясь къ Казбегорову, быстро добавилъ: —Продолжайте, продолжайте, полковникъ, ради Бога! — Мнѣніе офицера генеральнаго штаба и наблю-

дателя, глубокого психолога, ученаго, можно слушать день и ночь... — Вы простите меня, за эту откровенность...

— Возьмемъ къ примѣру, ну хотя-бы Наташу Хачивили, — улыбнувшись женѣ, продолжалъ Давидъ Ильичъ: — тоже знаю, когда былъ еще юнкеромъ кавалерiйскаго училища. Это-бывшая актриса, но потерявшая свой талантъ и мѣсто изъ-за своихъ-же слабостей и желанiй, а послѣ—была продавщицей въ кондитерской, недалеко отъ нашего училища, и въ ея дѣвичью жизнь вмѣшался сынъ помѣщика юнкеръ Хапо, теперешнiй Корнетъ запаса и земскiй дѣятель на театрѣ войны. Въ какомъ-то питательномъ пунктѣ, правда, я видѣлъ его въ 1914—1915 г. г. завѣдывающимъ продовольствiемъ проходящихъ командъ. Эта Наташа развинтилась до того, что оставила Хапо какъ своего мужа, испортила ему и всю служебную карьеру, а теперь мы видимъ ее у власти и призывающей женщинъ объединиться вокругъ нея... — Какъ вамъ нравится, господа дамы? спросилъ онъ, обращаясь къ мадамъ Шрамъ и къ своей женѣ.

— Здорово! Нечего говорить ... — громко протянулъ профессоръ Круксъ и разсмѣялся.

— Проповѣдница морали, укусившая плода познанiя добра и зла ... — съ своей стороны замѣтилъ Шрамъ.

Корветъ и мадамъ Шрамъ молчали и, не сводя глазъ, смотрѣли вопросительно на полков. Казбегорова и думали: не выпалитъ-ли онъ еще какой либо штуки, вродѣ разсказа про какой либо другой, болѣе интересный случай?...

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! — поторопилась Людмила Рихардовна убѣдить профес. Крукса и подполк. Шрама: — Что-бы о женщинѣ судить, нужно знать ея психологiю и соцiально-экономическое положенiе.

— Ничего ненадо знать! — Когда женщина не хочетъ работать, нехочетъ быть примѣрной женой, хозяйкой и матерью, тогда-то она и начинаетъ блуждать, искушать и все, что еще уцелѣло, разлагать; вообще, итти противъ природы и объявлять ей борьбу... — возразилъ профессоръ Круксъ почти сердито, махнулъ рукой и замолчалъ.

— Вы правы, профессоръ; — подтвердилъ его мнѣнiе и полковникъ Казбегоровъ: — Могу разсказать еще одну исторiю, за время настоящей войны, съ молодыми, образованными, богатыми помѣщицами, дѣвицами 17 лѣтъ отъ

роду, которыя, подъ покровительствомъ одной знатной помѣщицы, высокообразованной и богатой аристократки дамы, вышли замужъ за крайне лѣвыхъ партійныхъ вождей,. ставшихъ черезъ тѣхъ-же дѣвицъ, молодыхъ женъ, и ближайшими политическими руководителями и родственниками помѣщицы; ихъ фамиліи: Лысько и Супротинъ, оба прапорщики дѣйствующихъ армій, и кажется, были депутатами въ центральномъ нелегальномъ Петроградскомъ Совѣтѣ, въ Смольномъ. . . — Полковникъ Казбегоровъ на короткое время замолчалъ, какъ-бы собираясь припомнить все хорошенько: онъ вспомнилъ, при этомъ, широкую и разгульную жизнь законной своей бывшей жены Нины Яковлевы, на его-же дачѣ „Казбегоръ"*) въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа, и неблаговидное поведеніе, тамъ-же у нея, ея же родныхъ сестеръ Луши и Маруси въ первые годы войны, а также и тяжелыя условія жизни въ ихъ-же обществѣ своихъ дѣтей, и прослезился; незамѣтно для другихъ, онъ все-же поспѣшилъ взять себя въ руки, вытеръ свои глаза и бросилъ взглядъ на Людмилу Рихардовну. Она сидѣла въ другомъ концѣ стола, покраснѣла и, опустивъ глаза, барабанила по столу пальцами. Почувствовавъ-же на себѣ взглядъ мужа, она быстро подняла глаза и улыбнулась ему какой-то непонятной улыбкой, улыбкой похожей на извиненіе въ своей винѣ. Сильно развитое ея чувство къ мужу играло ею какъ барометръ, почему и страданія его — она понимала и охраняла мужа — друга какъ вѣрнѣйшая его подруга.

— Оставте, господа, женщинъ и ихъ общее стремленіе къ власти. . . - проговорилъ Корветъ и глубоко вздохнулъ.

Подполковникъ Шрамъ какъ-то поперхнулся начатымъ было возраженіемъ, но всѣмъ вдругъ показалось дѣйствительно безполезнымъ говорить теперь объ этомъ. Настала тишина; и только Людмила Рихардовна поторопилась любезно предложить гостямъ — еще по стакану чаю, переведя разговоръ на другую тему. Давидъ Ильичъ снова разговорился съ профессоромъ Круксомъ, и положеніе его, какъ интереснаго и занимательнаго собесѣдника, было спасено женой.

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ".

VII.

Конецъ октября 1917 г. принесъ фронту и всей странѣ, конечно, другое нововведеніе: 26 числа (ст. ст.) подъ вечеръ въ штабъ корпуса, въ им. Шпаренгофъ, явился изъ Валка, на автомобилѣ штаба 12 арміи, какой-то новый, незнакомый человѣкъ. Было уже темно и крапалъ мелкій дождикъ. Незнакомецъ былъ въ солдатской шинелѣ, безъ погонъ, и въ сѣрой папахѣ. Плохо развитая его фигура, быстро выскочила изъ автомобиля и направилась въ подъѣздъ дома, буркнувъ что-то часовому. Скоро вышелъ ему на встрѣчу дежурный офицеръ и, по-настоянію незнакомца, провелъ его въ комнату Командира Корпуса. Только здѣсь незнакомецъ назвалъ себя — „вновь назначенный Центральной Совѣтской властью Корпусный комисаръ Скудный“. Никакихъ документовъ, ни предписаній, ни приказа нѣтъ. Все дѣлается устно, и по телефону. Дежурный офицеръ вышелъ.

Съ быстротой молніи, вѣсть о „Скудномъ“ облетѣла весь Штабъ корпуса: „Великая свободныхъ народовъ Россійская Страна“ уже погребена; явился, молъ, представитель чудовищной, еще неслыханной страны и власти „С. С. С. Р.“. Но старый генеральнаго штаба генералъ Комкор“ъ все-же принялъ Скуднаго, выслушалъ его докладъ и, безъ задней мысли, по добротѣ своей, пригласилъ его въ общую столовую что-бы познакомить и съ остальными чинами штаба, во время ужина.

Въ столовой, въ то время, были уже почти что всѣ собравшись и, не далеко отъ стола, особой группой стояли генер. штаб. полков. Казбегоровъ, его жена и переводчикъ Людмила Рихардовна и Тайн. Сов. профес. Круксъ и вели между собою на — французкомъ языкѣ какой-то особенно — интересный и веселый разговоръ о событіяхъ въ странѣ и въ тылу армій. Профессоръ Круксъ до того былъ страшно возмущенъ, что отъ волненій не обратилъ даже и вниманія на вошедшаго незнакомца. Ему нестерпимо было тяжело переживать моментъ нововведеній. Къ тому-же и военная среда сослуживцевъ, съ дамами одѣтыми также въ военную форму, куда интереснѣе и надѣжнѣе вновь вводимихъ въ ихъ среду чужихъ людей, съ особенными - дикими идеями.

Комиссаръ Скудный, передвигаясь среди собравшихся въ столовой, съ достоинствомъ своего положенія, медленно подошелъ и къ разговаривающимъ, все время прислушива-

ясь къ ихъ рѣчи; и, очевидно ничего не понимая, онъ небрежно подалъ имъ руку, тихо, смущенно назвавъ свою должность, а руку Людмилы Рихардовны какъ-то немного придержалъ, бросивъ при этомъ на всѣхъ страстный, разъяренный, взглядъ звѣря, чувствовавшаго себя всесильнымъ.

— И везетъ-же вотъ такимъ животнымъ! — de'conseiller espion! . . . — сказалъ профессоръ Круксъ громко, по — французски.

— The butcher! . . . — какъ-бы въ отвѣтъ протянулъ полков. Казбегоровъ такъ-же громко, но по — англійски.

Людмила Рихардовна не удержалась: улыбнувшись мужу, она добавила также по — англійски:

— Oh, I am not in hurru! — He krasni rehporteur! . . .

Комиссаръ Скудный хотя ничего и не понялъ, но вѣроятно инстинктивно почувствовалъ, немного покраснѣлъ и поторопился отойти къ слѣдующимъ группамъ.

Ужинали всѣ за однимъ общимъ столомъ. Полковн. Казбегоровъ, обыкновенно всегда тактичный и выдержанный, на сей разъ перебрасывался короткими фразами: то по — англійски, то по — французски съ Корсанит"омъ профес. Круксомъ, ядовито направляя разговоръ по адресу „новаго комиссара". Ихъ рѣчь понимала хорошо одна лишь Людмила Рихардовна и отчасти — Комкор"ъ. И сидя сбоку мужа, она все время молча удерживала его отъ проявлявшихся изрѣдка рѣзкихъ колкостей; для чего по временамъ то улыбалась ему, то слегка толкала его подъ бокъ; а для приличія, коротко заговаривала съ сосѣдкой мадамъ Шрамъ, которая была въ солдатской формѣ безъ погонъ, но въ весьма плохомъ настроеніи и по временамъ о чемъ-то грустила, не отрываясь, конечно, отъ ѣды. Самъ-же герой вечера, Скудный, сидѣлъ за столомъ противъ дамъ, все время молча наблюдая за разговаривающими и бросая на нихъ контрольные взгляды. Онъ не могъ понять ихъ служебнаго положенія, и дамы-ли это или юные офицеры, въ формѣ „товарищей" изъ его-же партій? И вдругъ, Скудный повидимому что-то сообразилъ: сталъ веселъ, разговорчивъ и насторожился какъ звѣрь въ засадѣ. Но полковникъ Казбегоровъ и профес. Круксъ не обращали на него вниманія: пили, ѣли, и продолжали начатый ими разговоръ о Скудномъ на англійскомъ языкѣ.

— Господинъ генералъ! — неудержался Скудный и тихо обратился къ Камкор"у: — Какъ-же это то? Мы живемъ въ „Россіи“ и очень желательно было-бы, чтобы всѣ офицеры и генералы говорили въ моемъ присутствіи только по— русски. . . — при этомъ „совѣтскій комиссаръ“ нашелъ нужнымъ даже подчеркнуть слово „въ Россіи“, совсѣмъ забывъ свою интернаціональную программу въ своей странѣ С.С.С.Р.-овъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ Комкор"ъ, и обратясь къ Казбегорову и Круксу, сказалъ имъ по — французски: — Господа! — Онъ тоже, вѣдь, хочетъ знать вашъ разговоръ на языкѣ, который, пожалуй, понимаетъ очень мало. . . —Удовлетворите же и его желаніе! . . .

Мадамъ Казбегоровъ-Цепа улыбнулась и, сдерживая свой смѣхъ, тихо, на ухо мадамъ Шрамъ, перевела по-русски, немного преувеличивъ значеніе сказанныхъ словъ. Та въ свою очередь улыбнулась, и посмотрѣвъ одна на другую и, сравнивая сказанныя слова съ дѣйствительной фигурой Скуднаго, обѣ разразились неудержимымъ смѣхомъ.

Ужинъ близился къ концу, и наши собесѣдники, Казбегоровъ и Круксъ, сидѣли молча, въ ожиданіи подъема начальства изъ-за стола и, ради скуки, оба по очереди зѣвали, какъ-бы нестерпимо хотѣли спать. Но это однако имъ не помѣшало заявить что спать, молъ, они еще не хотятъ и ввидѣ прогулки пойдутъ проводить Скуднаго, помѣстившагося въ домѣ управляющаго, далеко за паркомъ, въ концѣ имѣнія. Этому никто, конечно, не возражалъ, и Людмила Рихардовна перешла въ свою комнату одна, а сбоку, пососѣдству, и Шрамы.

Была глубокая ночь, и свѣтлая луна высоко плыла по небосклону. Полковн. Казбегоровъ, профес. Круксъ и комиссаръ Скудный почти молча дошли до квартиры комиссара. Круксъ всю дорогу косо посматривалъ на Скуднаго и думалъ: „не треснуть-ли его по физіономіи? — Если Распутина прихлопнули въ такую-же лунную ночь, такъ этого-то, извращеннаго парадоксіей субъекта, и Богъ велѣлъ. . .“ И вдругъ, поднявъ голову, онъ заговорилъ возлѣ самого дома управляющаго:

— Н—да, много есть на свѣтѣ всякого сорта мерзавцевъ! . . .

— То есть? — вопросительно и удивленно произнесъ и Скудный, высоко поднимая брови и кладя руку себѣ въ карманъ, гдѣ былъ у него револьверъ.

— Да такъ, вообще. . . А мерзавцы вѣдь самые занимательные люди. . . — смягчая тонъ профес. Крукса, подсказалъ полков. Казбегоровъ.

— Что вы! — усмѣхнулся Скудный, а затѣмъ немного подумавъ, продолжалъ: — Конечно, я васъ понимаю такъ: на свѣтѣ нѣтъ ничего скучнѣе честнаго человѣка . . . — какъ-бы заискивая у полков. Казбегорова расположенія къ себѣ, отвѣтилъ Скудный.

— Вы правы! — Вашу программу я понимаю такъ, — ироническимъ тономъ началъ пояснять полков. Казбегоровъ: — честность и добродетель давно извѣстны всѣмъ и въ нихъ нѣтъ ничего новаго. . . Отъ этого старья, по вашей идеи, въ человѣкѣ исчезаетъ всякое разнообразіе, жизнь сводится въ одну рамку добродѣтели, скучную и узкую: не крадь, не лги, не предай, не прелюби—сотвори. . . И главное, что все это въ человѣкѣ, по вашимъ ученіямъ, сидитъ прочно и онъ все-же неизбѣжно долженъ дѣлать: и лгать, и предавать и „прелюбы“ это самое творить, по мѣрѣ силъ и возможности. . .

— Не всякій-же! — замѣтилъ профес. Круксъ, какъ-бы полемизируя ген. штаб. полков. Казбегорову.

— Нѣтъ, всякій. Стоитъ только вдуматься въ жизнь каждаго человѣка, что-бы найти въ ней, болѣе или менѣе глубоко, грѣхъ. . ., предательство напримѣръ и прочее. . . — Въ ту минуту, какъ мы ложимся спать, гуляемъ и отдыхаемъ или садимся обѣдать, мы совершаемъ предательство . . . — умышленно возразилъ полков. Казбегоровъ, и какъ-бы серьезнымъ тономъ.

— Что вы говорите, полковникъ! — Вы хорошо анализируете идею движенія большевиковъ — рабочихъ, и комунистовъ. . . — почти съ радостію удивился комиссаръ Скудный. Онъ думалъ, что въ лицѣ Казбегорова дѣйствительно встрѣтилъ горячаго защитника и поборника его идей и партіи большевиковъ программы въ борьбѣ за власть, почему сразу заговорилъ, и началъ откровенно свою проповѣдь:

— Конечно. Мы платимъ подати и отбываемъ повинность, значитъ мы предаемъ тысячи рабочихъ людей той-же самой войнѣ и несправедливости, которыми возмущаемся. Мы ложимся спать, а не бѣжимъ спасать тѣхъ, кто въ ту минуту погибаетъ за насъ, за наши идеи . . ., мы съѣдаемъ лишній кусокъ, предавая голоду тѣхъ людей, о благѣ которыхъ мы, если мы дѣйствительно идейные представители ихъ, должны печтись всю жизнь. И такъ далѣе. Это понятно! . . . Другое дѣло мерзавецъ, настоящій мерзавецъ, откровенный! Прежде всего этотъ человѣкъ совершенно искренній и естественный. . .

— Естественный?! . . . — со злой ироніей земѣтилъ профес. Круксъ.

— Всенепременно. . . — отвѣтилъ Скудный: — Онъ дѣлаетъ то, что для человѣка совершенно естественно. Онъ видитъ вещь, которая ему нравится, хотя и не принадлежитъ ему, онъ все-же беретъ ее; видитъ прекрасную женщину, которая уходитъ отъ него, онъ все-же возьметъ ее силой или обманомъ. И это вполнѣ эстественно, потому-что потребность и пониманіе и есть одна изъ немногихъ чертъ, которыми естественный человѣкъ „мерзавецъ" и отличается отъ животнаго. Животныя, чѣмъ они больше „животныя", не понимаютъ наслажденій въ жизни и не способны ихъ добиваться. Они только исполняютъ назначеніе природы. Вѣдь мы же всѣ согласны съ тѣмъ, что человѣкъ не созданъ для страданій и не страданія-же идеалъ нашихъ стремленій...

— Разумѣется, — съ тонкой ироніей въ голосѣ и насмѣшкой, согласился полковникъ Казбегоровъ.

— Значитъ, — продолжалъ Скудный свое повѣствованіе: — въ наслажденіяхъ и есть цѣль жизни. Рай — синонимъ наслажденія абсолютнаго, и всѣ такъ или иначе мечтаютъ о раѣ на землѣ. И рай первоначально, говорятъ, и былъ на землѣ. Эта сказка и есть символъ мечты нашей, которую „наши интернаціональные совѣты" и хотятъ насадить въ народѣ, хотя-бы и силою, путемъ идейной пропаганды.

— Да, — неудержался дальше и профессоръ Круксъ: — человѣку отъ природы не свойственно воздержаніе, и самые искренніе люди, это—люди, не скрывающіе своей мечты и вожделеній, . . . то есть тѣ, которыхъ въ общежитіи и называютъ „мерзавцами". . . — Вотъ, напримѣръ, вы. . .

Скудный вздрогнулъ и отшатнулся.

— Вы, конечно, — продолжалъ профессоръ Круксъ, притворяясь что ничего незамѣчаетъ: — самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, въ своихъ глазахъ. Ну, признайтесь, встрѣчали-ли вы когда-нибудь человѣка лучше васъ?

— Много . . . — нерѣшительно протянулъ Скудный, который совершенно не понималъ Крукса и которому было рѣшительно неизвѣстно, умѣстно-ли теперь обидѣться, или нѣтъ.

— Интересно! — Назовите! — предложилъ и Казбегоровъ.

Скудный недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Ну, вотъ! — весело подхватилъ профессоръ Круксъ: — вы самый лучшій человѣкъ, и я и онъ, конечно самые лучшіе, а развѣ намъ съ вами не хочется красть, лгатъ, и „прелюбы" сотворить . . ., и прежде всего „прелюбы"? . .

Скудный опять пожалъ плечами и пробормоталъ: — „Ори-ги-нально!"

— Вы думаете? — съ неуловимымъ обиднаго спросилъ Круксъ: — А я и не думалъ . . . — Да, мерзавцы — самые искренніе люди и при томъ самые интересные по вашему мнѣнію, ибо они предѣловъ и границъ человѣческой мерзости даже и представить себѣ не могутъ. . . — Я мерзавцу съ особеннымъ удовольствіемъ пожму руку. . . — И профессоръ д-ръ м-ны Круксъ съ необыкновенно открытымъ висомъ, пожалъ руку комиссару Скудному, глядя прямо ему въ глаза, потомъ вдругъ насупился и уже совсѣмъ другимъ тономъ пробормоталъ:

— Прощайте, спокойной ночи! — Идемте, полковникъ, домой! — и они ушли.

Скудный еще долго, неподвижно, стоялъ на мѣстѣ, глядя вслѣдъ уходившимъ въ паркъ. Онъ незналъ, какъ принятъ ихъ слова, и на душѣ у него было какъ-то непріятно, Онъ вспомнилъ, также стоя на мѣстѣ, и мадамъ Шрамъ, малоденькую и застѣнчивую даму, переодѣтую въ „отварища", и свѣтловолосую красавицу Людмилу Казбегоновъ-Цепу, какъ представили ему, усмѣхнулся и пришелъ ръ „непоколебимому убѣжденію:

— Первая вѣроятно изъ передовыхъ женщинъ и „нашего лагеря“ — товарищъ, а вторая, о которой говорилъ въ Петроградѣ и товарищъ Брегъ, жена богатаго и ученаго генер. штаб. полковника Казбегорова, а профес. Круксъ, какъ видно, его задушевный другъ. Оба ученые и по убѣжденіямъ не такъ ужъ намъ страшны, какъ то казалось впервые. И онъ съ шумомъ открылъ дверь и вошелъ въ домъ управляющаго имѣніемъ, гдѣ было темно и всѣ спали. Скудный также послѣдовалъ примѣру жильцовъ, отбросивъ мечту о разговорахъ.

Казбегоровъ и Круксъ, тѣмъ временемъ медленно прошлись по дорожкамъ парка, и закуривъ, присѣли на скамью у подъѣзда большого дома.

— Занимательный субъектъ, этотъ Скудный, и притомъ съ извращеннымъ убѣжденіемъ недоучка .. — между прочимъ въ разговорѣ, замѣтилъ полков. Казбегоровъ.

— Больше того, остановилъ его профессоръ: — я припоминаю его еще на первомъ курсѣ медицинскаго факультета; протуренъ онъ изъ Университета вмѣстѣ съ Дожей и другими — за грубыя политическія продѣлки и за неразрѣшонную проповѣдь по вопросамъ о „парадоксіи“. — Наблюдая-же его сегодня за ужиномъ и при этихъ разговорахъ, я пришелъ къ убѣжденію, — онъ все же еще опасный человѣкъ, и такихъ „господъ“ необходимо было-бы даже изолировать отъ общества.

— Пока, будемъ наблюдать! . : . — равнодушно отвѣтилъ полковникъ — Идемте лучше спать, профессоръ. — Покойной ночи! — и они разошлись по своимъ комнатамъ.

Но вотъ, рано утромъ, на зарѣ, полковника Казбегорова поднялъ тревожно его денщикъ Филиппъ, доложивъ о непонятныхъ для него какихъ-то слухахъ изъ Валка, и что для выясненія, молъ, просятъ къ телефону. Готовый ко всякимъ случайностямъ вообще, а на сей разъ, ввиду октябрьскаго переворота и тревожныхъ свѣдѣній изъ тыла, съ прибытіемъ новаго комиссара. въ особенности, онъ ожидалъ чего-то болѣе серьезнаго, почему бѣстро одѣлся и вышелъ. Автомобиль его былъ уже готовъ у подъѣзда, а состоящій при немъ старшій офицеръ для порученій, дѣло со штабомъ арміи уладилъ самъ; ему оставалось лишь только доложить Комкор“у и спѣшно выѣхать въ г. Венденъ на

засѣданіе мѣстнаго Краевого земскаго союза; для разрѣшенія важнаго вопроса по снабженію корпуса мѣстными средствами: продовольствіемъ людей и фуражемъ лошадей.

Положеніе было безвыходное: подвозъ изъ тыла совершенно прекратился. Очевидно, въ то время С. С. С. Р. бельшевики, неожиданно взявшіе въ Великой Свободной Россіи высшую правительственную власть въ свои руки, желали немедленно разложить и сѣверный фронтъ, а путемъ голода и холода ,хотѣли вынудить солдатскую массу на возстаніе и самой расправиться съ начальниками — офицерами, и тѣмъ, такъ сказать, скорѣе положить конецъ ихъ существованію. На сей разъ маневръ такой имъ неудался: Высококультурное мѣстное латышское населеніе въ прифронтовой полосѣ надѣлѣ доказало свою политическую зрѣлость, скоро и ясно учло всѣ могущія быть послѣдствія отъ движенія голодной массы русскихъ солдатъ, выведенной изъ-подъ подчиненія начальникамъ, и пошло на всѣ уступки, по мѣрѣ силъ и возможности, но только бъ непереживать анархію. И здравый выводъ оправдалъ надѣжды населенія.

Сдѣлавъ на скорую руку, запросто, соотвѣтствующій докладъ Комкор"у, полковникъ Казбегоровъ тихо вошелъ обратно въ свою комнату за полевой сумкой. Людмила Рихардовна все еще крѣпко спала; и онъ, не тревожа ее, вышелъ и скоро уѣхалъ въ сопровожденіи лишь одного офицера. При всемъ этомъ, вся обстановка какъ-то ему благопріятствовала, предотвращая его отъ всѣхъ злыхъ замысловъ „новаго большого центра", направленныхъ на разложеніе и уничтоженіе.

Составъ Латышскаго Краевого Земскаго союза въ Венденѣ оказался благопріятнымъ. Этотъ мѣстный народъ, послѣ того какъ въ центрѣ Россіи верховная власть перешла въ руки крайнѣ лѣвой диктатуры, т.е. въ руки большевиковъ водимыхъ чужими людьми — комунистами, подъ фирмой „С. С. С. Р.", сразу организовался болѣе тѣснѣе въ анти большевитскіе организаціи мѣстнаго и хозяйственнаго характера самоуправленій, дабы избѣгнуть какой-бы то нибыло диктатуры; исключая, конечно, крайнѣ правыхъ и крайнѣ лѣвыхъ елементовъ, въ организаціяхъ преобладало большинство народно-демократическаго теченія, которое и заняло, по праву, свою національную позицію — „Независимая Лат-

вія", ведя борьбу съ организаціями ставившими себѣ въ задачу — союзъ съ большевистскимъ „С. С. С. Р." Не останавливаясь на историческихъ фактахъ, развивавшихся въ дальнѣйшемъ, вернемся къ случаямъ побудившимъ мѣстное латышское народно-національное теченіе принять спѣшныя и энергичныя мѣры къ защитѣ своей національной самостоятельной государственности и къ охранѣ своихъ интересовъ. На протяжени почти всего послѣдняго тысячелѣтія, исторически до того времени свободный и независимый латышскій народъ, находился подъ верховнымъ управленіемъ чужихъ людей, пришедшихъ изъ внѣ. Сначала германцы въ концѣ XII вѣка, а затѣмъ литовцы, поляки, шведы, дѣля настоящія латышскія земли между собою и подчиняя народъ своей власти и вліянію, со всѣми послѣдствіями. Накопецъ, начало и конецъ XVIII столѣтія, объединили латышскій народъ подъ Россійскимъ государственнымъ управленіемъ, но съ большимъ вліяніемъ на жизнь населенія и съ большими привилегіями на мѣстахъ помѣщиковъ-бароновъ, графовъ и прочихъ высокотитулованныхъ лицъ, пришедшихъ преимущественно изъ Германіи и Польши, и поселившихся на латышскихъ земляхъ и занявшихъ въ собственность обширные земли, какъ „феодалы". Быстрое культурно-экономическое и духовное развитіе мѣстнаго латышскаго населенія, требовало и надлежащихъ реформъ, но таковыя вводились довольно слабо, не существенныя, все подъ вліяніемъ тѣхъ-же помѣщиковъ-феодаловъ, выговаривавшихъ себѣ въ Петербургѣ львинныя привилегіи. Мѣстное населеніе стонало подъ тяжестью ограниченій и не посильныхъ обязанностей и передъ Государственной властью, особенно тяжело — передъ помѣщикомъ. Въ конечномъ результатѣ, вспыхнула революція 1905 г., заливая кровью земли родныя, многихъ лишила пріюта въ своемъ родномъ Краѣ. Реформа же и конституція 1905 г., правда, внесла нѣкоторое успокоеніе въ среду населенія, но только лишь в извѣстной мѣрѣ, давъ большой толчокъ къ сильному развитію: промышленности, торговли и культурно-просвѣтительной работы. Естественное стремленіе высоко-культурной народности къ самоуправленію, безусловно обуславливается историческими фактами. Въ данномъ же случаѣ, здоровое и энергичное развитіе именно и имѣло мѣсто въ такихъ условіяхъ, приведшее къ 1917 году и къ

свободному самоопредѣленію народовъ, вершителя своихъ судебъ.

Это-то собраніе, вполнѣ автономное и независимое, теперь-то, внимательно и выслушавъ вѣскіе доводы генер. штаб. полковника Казбегорова, поняло критическое положеніе центральнаго корпуса голодныхъ людей на фронтѣ Свободной Великой Россіи, но уже порабощенной. Одинъ, другой изъ присутствующихъ на Собраніи, правда, пытались было протестовать, описавъ весьма тяжелое состояніе и земледѣльцевъ на мѣстахъ, но энергичные доводы члена земскаго союза господина Мейеровича и другихъ, быстро склонили все собраніе въ пользу войскъ, и просьба представителя корпуса была удовлетворена, полностію: заимообразно-продовольствіемъ, по расчету около 220 тысячъ человѣкъ, и фуражемъ — около 55 тысячъ лошадей, на двѣ недѣли 2 Сиб. арм. корпусъ, со всѣми приданными къ нему бригадами и дивизіями еще съ Икскюльскаго фронта, былъ обезпеченъ на мѣстахъ стоянокъ въ 25-ти верстной прифронтовой полосѣ, изъ запасовъ латышскихъ крестьянъ — земледѣльцевъ, пока въ тылу и въ центрѣ въ то время „господа большевики и другіе эсъ-эр“овскіе космополиты“ все еще дрались между собою изъ-за власти, между Зимнимъ и Смольнымъ роковыми центрами. Положеніе на фронтѣ было спасено; и полковникъ Кзбегоровъ, отъ имени Комкор“а и лично своего, поблагодаривъ Венденское Земское Краевое Собраніе и пожелавъ ему успѣха въ благотворной общественной работѣ и въ будущемъ, спокойно уѣхалъ въ корпусъ, доложивъ по телефону въ штабъ арміи изъ Вендена, а Комкор“у лично, поздно вечеромъ по возвращеніи въ штабъ.

— Гдѣ ты былъ цѣлый день? — нервнымъ тономъ, конечно, въ шутку, встрѣтила его Людмила Рихардовна у себя въ комнатѣ: — И почему не предупредилъ комиссара Скуднаго? — Онъ тутъ цѣлый день громъ и молнію металъ, скотина. . . . и немного улыбнувшись, она все еще продолжала свою работу у стола по переводу на русскій языкъ какихъ-то длинныхъ иностранныхъ радіо-телеграммъ.

Тамъ, гдѣ я былъ, Скудному ненужно знать, а тебѣ могу разсказать какъ анекдотъ, не больше. . . ласково отвѣтилъ онъ, усаживаясь на диванъ.

— Какой ты сталъ увѣреннымъ въ своей работѣ! . . . перебила она объясненіе мужа: — Что это за нововведеніе у тебя? — уѣхалъ молча и меня невзялъ съ собою . . . и она улыбаясь, оставила работу и пересѣла къ мужу на диванъ.

— Я такой-же, какъ и раньше былъ; быть можетъ только энергичнѣе немного сталъ . . . надо! — Голодъ и холодъ незамѣтно подкрадываются къ людямъ; лошади дохнутъ; машины бездѣйствуютъ. . .

— Все это извѣстно всѣмъ, и ты одинъ не спасешь положенія, а вотъ исполнить приказаніе „новаго начальства" ты долженъ: — тебѣ нужно сію-же минуту снять погоны. Сегодня всѣ уже поснимали. . . — Скудный, по этому поводу, былъ днемъ и у насъ. . . — сказавъ послѣднее, она ласково взглянула на мужа.

— Правда, я обратилъ вниманіе на Комкор"а . . . сидитъ за столомъ и принимаетъ почту почему-то непосредственно отъ дежурнаго писаря, при чемъ въ тужуркѣ и безъ погонъ: какъ какой-то телеграфистъ въ провинціальной избѣ! — Ха-ха-ха! Вотъ гдѣ важныя дѣла въ первую очередь для „товарищескихъ реформъ . . ." — весело отвѣтилъ Давидъ Ильичъ и, поцѣловавъ жену, добавилъ: — Ну, не сердись, довольно! . . .

— Я въ шутку заняла такую серьезную позицію противъ тебя. — А вотъ Скудный очень недоволенъ профессоромъ и тобою: вы ведете себя, по его мнѣнію, какъ великіе и многознающіе ученые; — все дѣлаете безъ его вѣдома... — Все это мнѣ подробно разсказала мадамъ Шрамъ. . . — Онъ былъ и у нея въ то время, какъ подполковника небыло дома: откровенно разсказалъ ей и свои первыя впечатленія... и, кажется, какъ я поняла, уговорилъ ее, бѣдняжку, записаться въ его „партію большевиковъ" . . . — заключила Людмила Рихардовна пониженнымъ тономъ.

— Этого еще недоставало, что-бы я просилъ совѣтовъ и указаній по службѣ у человѣка ограниченнаго умомъ, нравственно больного и извращеннаго субъекта, воображающаго себя, „неограниченнымъ диктаторомъ". . .

— Надо подчиниться! — Вѣдь теперь „ихъ" властъ!... серьезно проговорила Людмила Рихардовна.

— Есть законы, есть и высшее начальство, которымъ я и подчиняюсь и исполняю ихъ указанія . . . — отвѣтилъ Давидъ Ильичъ, поднялся и началъ ходить по комнатѣ. А затѣмъ, позвонилъ Филиппу и приказалъ: — „вообще ѣду изъ штабной столовой подавать, ему и его супругѣ, только въ комнату къ нему, начиная съ настоящаго вечера; и сію-же минуту попросить коменданта штаба.“

Комендантъ штаба корпуса, подполковникъ Шрамъ, всегда аккуратный и исполнительный штабъ-офицеръ, на этотъ разъ не заставилъ долго себя ждать, скоро явился къ Казбегоровымъ въ домашней тужуркѣ, безъ погонъ.

— Ну, дружище, ты тоже успѣлъ переродиться въ телеграфиста почтовой избы деревни „Чикурику“, Пензенской губерніи! . . . — Разсказывай, что новаго? , . — спросилъ Казбегоровъ вошедшаго Шрама, и, дружески взявъ подъ руку, усадилъ его на диванъ около себя.

— Нашъ „Скудный“, — началъ подробный разсказъ подполковникъ Шрамъ, и каснулся главнымъ образомъ жизни штаба: — однимъ взмахомъ руки, все перевернулъ по новому, за одинъ день. . . — И что главное, за неисполненіе его приказа и распоряженій, грозитъ доносомъ Совѣту Комиссаровъ. — Сегодня, по его доносу по прямому проводу, отчислили отъ службы Глав-го нач. связи капитана Сакуру и Инспектора артиллеріи Генерала Коринарта; отмѣнили чины, поснимали наружное отличіе — погоны, и упразднили слово обращенія „господинъ“; а ввели для всѣхъ — „товарищъ“. . .

— Сѣверный медвѣдь ему товарищъ! — нервно вскрикнулъ полковникъ Казбегоровъ, перебивъ и разсказъ Шрама: — Я не пасъ съ нимъ вмѣстѣ поросятъ. . .

— Дэзи, успокойся! . . . — вмѣшалась въ разговоръ Людмила Рихардовна тономъ женщины, чувствующей себя оскорбленной нелѣпымъ, по ея понятію, распоряженіемъ „центральной совѣтской власти.“

— Но это еще не все, обожди, я дальше разскажу, — продолжалъ Шрамъ: — Весь высшій составъ должностныхъ лицъ штаба корпуса отказывается ходить въ общую столовую, если тамъ будетъ участвовать и Скудный. . ,

— Я то-же передалъ распоряженіе „своему“ Филиппу...

— И я тоже, — подтвердилъ и Шрамъ: — Но дальше, и самое главное: — Скудный неравнодушенъ, да проститъ мнѣ Людмила Рихардовна, къ нашимъ дамамъ... — Начинаетъ увлекать и ихъ въ свою партію...

— Говорите, говорите откровенно! — Я ничего отъ мужа не скрываю ... — поторопилась заговорить Людмила Рихардовна; не подымая глазъ отъ своего рукодѣлія; она сидѣла на диванѣ сбоку мужа.

— Сегодня онъ устроилъ моей женѣ такую сцѣну признаній, — продолжалъ Шрамъ: — и наговорилъ ей массу комплиментовъ и обѣщаній въ жизни его партіи, что она, бѣдная, теперь все плачетъ, вспоминаетъ нехорошо своихъ родителей, а со мною даже и разговаривать нехочетъ. — Завтра утромъ, въ сопровожденіи денщика, отправляю ее въ Пензу. къ родителямъ ея... — Немогу-же я ограждать ее на каждомъ шагу отъ красныхъ „донъ-Жуановъ". — У меня вѣдь служба, требуетъ много поѣздокъ и разъѣздовъ ... — закончилъ Шрамъ спокойно, но съ покраснѣвшимъ лицамъ отъ злости.

— Жаль, что нельзя вызвать его, скотину, на дуэль. Вѣдь онъ разжалованный прапорщикъ, что ты сдѣлаешь съ нимъ? — Да и совѣтская власть „Комиссаровъ", за нѣсколько дней своего существованія, успѣла отмѣнить законъ о дуэляхъ и вообще, упразднить законы регулирующіе отношенія и ограждающіе честь офицеровъ. Офицеровъ больше нѣтъ! — Аминь! ... — Негодующе пояснилъ полковникъ Казбегоровъ, твердо и рѣшительно, поблѣдневъ, даже, немного отъ волненія: — Вѣроятно приближается конецъ существованію постояннаго офицерскаго состава въ арміяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самихъ армій... Останутся лишь одни „спецы", съ двухъ и трехъ — мѣсячной подготовкой воспитанники Керенскаго, выпуска конца апрѣля и начала августа, главнымъ образомъ изъ школъ Одессы, послѣдователей Ашера Гинцберга...

... Успокойся, Дэзи! — снова вмѣшалась Людмила Рихардовна волнуясь; но отложивъ въ сторону рукодѣліе, она улыбнулась мужу и хлопнула слегка рукой по его плечу: — Мужайся другъ; духъ народовъ безсмертенъ!..

— Да! — Слабость характера моей жены негодится для борьбы въ это смутное время... — уныло протянулъ

Шрамъ, поднялся, попрощался и вышелъ, пригласивъ къ себѣ на ужинъ супруговъ Казбегоровъ-Цепа.

— Хорошо! — Мы прійдемъ . . . — ласково отвѣтила Людмила Рихардовна.

— Ну, теперь и ты разскажи свои происшествія со Скуднымъ . . . — съ улыбкой обратился полковникъ Казбегоровъ къ женѣ.

— Дэзи! Вѣрь мнѣ, я не принадлежу къ типу такихъ женщинъ, къ какимъ принадлежитъ мадамъ Шрамъ: Она вѣдь пензенская, а я рижанка; вѣдь разница большая? — Къ тому-же, боротья я умѣю и, если нужно, то и тебя я защищу . . . — ласково отвѣтила Людмила Рихардовна улыбаясь и подымаясь съ дивана.

— Если ты нехочешь разсказывать, такъ переодѣвайся и пойдемъ на ужинъ къ Шрамамъ. . . — рѣшительно сказалъ Давидъ Ильичъ и началъ ходить по комнатѣ, о чемъ-то думая.

Онъ былъ вполнѣ спокоенъ за свою жену, зная ея твердый и рѣшительный характеръ. Людмила же Рихардовна, тѣмъ временемъ, переодѣвалась за ширмой молча. Скоро она появилась вновь около мужа, и схвативъ его за руки, весело увлекла къ Шрамамъ.

У Шрама Казбегоровы были одни, и ужинъ у нихъ прошелъ какъ-то скоро — тихо, мило, съ дружески-интимными разговорами, безстесненій. Про выходки Скуднаго, и вообще про какія-бы то нибыло непріятности, говорить избѣгали. Мужчины мобилизовали всѣ свои остатки прежней роскоши — коньяка и краснаго кавказскаго вина, а дамы ограничились чаемъ съ примѣсью красного кавказскаго вина. Вспомнили и невинное нововеденіе комиссаровъ: — безъ пропуска „комиссара", выѣздъ изъ прифронтовой полосы, невозможенъ. Подписи одного коменданта на пропускѣ — считалось тогда уже недостаточнымъ. Полковникъ Казбегоровъ, шутя и разсказывая много анекдотовъ, взялъ на себя миссію — заготовленный пропускъ дать подписать комиссару во время его ужина въ штабной столовой, а Людмила Рихардовна поспѣшила оцѣнить достоинство „своего" Давида Ильича, назвавъ его „дипломатомъ между старымъ и новымъ теченіями" и, улыбнувшись ему, тихо проговорила: „Богъ тебѣ поможетъ, иди"! и онъ вышелъ.

Комиссаръ Скудный былъ въ столовой, а вокругъ него собрались всѣ низшіе должностныя лица штаба, ожидая начала ужина. Замѣтивъ входившаго въ столовую Казбегорова, Скудный быстро поднялся и пошелъ ему на встрѣчу, привѣтствуя и приглашая его къ столу около себя.

— Благодарю, господинъ комиссаръ! — У меня къ вамъ неотложное дѣло, которое, надѣюсь, вы не отклоните...

— Пожалуйста, пожалуйста, господинъ полковникъ! — отвѣтилъ Скудный, ядовито улыбаясь и косо поглядывая на погоны генеральнаго штаба полковника.

И Казбегоровъ объяснилъ ему причину своего дѣла и предложилъ подписать пропускъ мадамъ Шрамъ.

— Знаю, знаю мадамъ Шрамъ и ея мужа коменданта. . . — Пожалуйста, полковникъ, я всегда радъ буду „исполнить вашу просьбу" . . — съ маслянной улыбкой отвѣтилъ Скудный, подписывая пропускъ и прикладывая свою мастичную со „звѣздами, топоромъ и серпомъ печать". Между прочимъ, онъ подумалъ: „Полковникъ генеральнаго штаба, съ большимъ служебнымъ стажемъ и боевыми заслугами, онъ намъ нуженъ будетъ". . .

— Благодарю, васъ! — У меня нѣтъ времени, тороплюсь! коротко сказалъ Казбегоровъ, принимая готовый пропускъ и собираясь уже уходить.

Дальше Скудный не удержался, и повидимому, желалъ сдѣлать „горячій наганяй" полковнику; но у него не вышло это: онъ какъ-то боязливо взглянулъ въ лицо полковнику, поднялся и подошелъ вплотную, тихо проговорилъ:

— А, вы, все-же подчинитесь рѣшенію „Совѣта комиссаровъ" и снимите погоны, — что бы не выходило такъ, какъ будто-бы вы демонстративно игнорируете власть. . . . — Вы видный штабъ-офицеръ и высокое должностное лицо. — Офицеровъ больше нѣтъ; есть только командиры и начальники, подъ общимъ названіемъ „товарищи". Кромѣ того, на всякихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ по вопросамъ касающимся жизни Корпуса, долженъ присутствовать и я; въ такихъ случаяхъ, каждый разъ докладывайте мнѣ. — О вашихъ успѣхахъ, сегодня на засѣданіи въ Венденѣ, я узналъ по телефону изъ штаба арміи отъ Нахимсона, и очень радуюсь. — Привѣтъ вашей супругѣ и мадамъ Шрамъ; послѣд-

ней — и счастливой пути, скорѣе вернуться къ намъ, на фронтъ. . .

Полковникъ Казбегоровъ ничего ему не отвѣтилъ; молча пожалъ протянутую руку и вышелъ.

— Саботажъ! — Игнорированіе пролетарской власти! — Посмотримъ, какъ дальше будутъ вести себя эти „генеральнаго штаба"!. . . — поднялся вихрь въ головѣ Скуднаго, и онъ задумался, конечно, не о судьбѣ собравшихся вокругъ него, а у него созрѣвала мысль — скорѣйшаго разложенія армій, для чего рѣшилъ: завтра—же рѣшилъ донести „совѣту комиссаровъ" о ненормальномъ, по его мнѣнію, положеніи въ войскахъ и о своемъ проектѣ — „немедленно-же произвести выборы всѣхъ начальниковъ и командировъ въ войскахъ и въ штабахъ на фронтѣ.

Но въ это время въ столовую вошелъ при формѣ, съ погонами, капитанъ Икринъ, помощникъ коменданта штаба и завѣдывающій столовой, и во всеуслышаніе сообщилъ:

— Господа „товарищи!" — Комкор"ъ на ужинъ небудетъ, заболѣлъ! — Разрѣшилъ ужинать безъ него. . .

— Прикажите, „товарищъ" Икринъ, подавать и ужинъ, — распорядился комиссаръ Скудный; а обращаясь къ присутсвующимъ, добавилъ: — „Товарищи", присаживайтесь къ столу. . .

— Слушаюсь, господинъ „товарищъ"! — крикнулъ въ шутку капитанъ Икринъ и быстро ушелъ на кухню.

Казбегоровъ, тѣмъ временемъ, что называется „влетѣлъ" въ комнату Шрама въ веселомъ и игривомъ настроеніи, а затѣмъ, торопливо пожавъ руку профессору Круксу, успѣвшему присоединиться „къ своему общественному кружку", передалъ документъ мадамъ Шрамъ и серьезно пояснилъ:

— Пропускъ готовъ. . . — Вамъ привѣтъ и наилучшія пожеланія — благополучно вернуться скорѣе къ намъ на фронтъ. . . Мадамъ Шрамъ молча приняла пропускъ.

— Я же говорилъ, что мерзавцы и есть самые лучшіе люди. . . — вмѣшался профессоръ Круксъ.

— Вотъ радость! — Дэзи, все-же нашелъ возможнымъ, и даже съ большимъ усѣхомъ, говорить съ такимъ животнымъ, какъ Скудный. . . — улыбаясь и глядя на профессора, пояснила Людмила Рихардовна, всегда рада объ успѣхахъ мужа.

— Не животное, а субъектъ вредный и опасный для всѣхъ, — возразилъ профессоръ, смотря на дамъ.

Людмила Рихардовна строго и вопросительно продолжала смотрѣть на Крукса, какъ-бы прося дальнѣйшаго разсказа о субъективныхъ опасностяхъ Скуднаго, а мадамъ Шрамъ, чувствуя какъ будто-бы вопросъ касается и ея, покраснѣла и опустила глаза, а свое наивно—дѣтское личико немного отвернула всторону.

— Профессоръ! — поспѣшила Людмила Рихардовна обратиться съ наивнымъ вопросомъ: — Вы, какъ докторъ медицины, разскажите же и намъ свои научныя наблюденія о субъективныхъ опасностяхъ такихъ господъ, какъ Скудный...

— Много, тутъ, нечего и разсказывать! — Онъ, извращенный человѣкъ въ понятіяхъ; и, какъ видно, ему внушено это еще въ дѣтскомъ возрастѣ, а теперь больной на всю жизнь, находится въ неизлѣчимомъ положеніи. . .

— Знаю, знаю! — перебила Людмила Рихардовна разсказъ профессора: Я много читала по этому вопросу, еще будучи студенткой. . .

Мадамъ Шрамъ тѣмъ временемъ поспѣшила подняться изъ-за стола, извинилась и, яко-бы по своимъ „хозяйственнымъ" дѣламъ, поспѣшно вышла въ другую комнату, гдѣ вытерла глаза и попудрила разгорячившееся лицо.

— Съ такими субъектами нечего долго „списываться", — продолжилъ и полковникъ Казбегоровъ разговоръ на затронутую профессоромъ и его супругой тему: — а при первой попыткѣ. . ., каждый имѣетъ право застрѣлить его какъ „звѣря", въ цѣляхъ самозащиты. . . — Законъ въ этомъ отношеніи вполнѣ ограждаетъ. — Дѣло другое, если слезы и истерика въ этомъ случаѣ слабо поддерживаютъ человѣка.

— Вы, полковникъ, правы! — подтвердилъ и профессоръ, съ улыбкой глядя на Людмилу Рихардовну.

— Да, я тоже такого мнѣнія, какъ и мой мужъ. —Онъ снабдилъ меня, даже, и маленькимъ револьверомъ „Браунингъ", и я съ нимъ никогда не разстаюсь. . . — заявила Людмила Рихардовна серьезнымъ тономъ и, вытянувъ изъ-за пояса хорошо и незамѣтно спрятанный никелированный револьверчикъ, показала профессору.

— Да-а-а! — серьезно и удивленно протянулъ профессоръ Круксъ: — Вы совсѣмъ другого „сорта" дама. — Съ

такими героинями какъ вы, мадамъ, простите меня старика за откровенность, „шутить" нельзя. . .

— Ну. что-же, господа, пора бы и по своимъ мѣстамъ... неожиданно предложилъ полковникъ Казбегоровъ подымаясь изъ за стола, и началъ прощаться съ хозяевами. въ то время какъ мадамъ Шрамъ быстро появилась около гостей.

Его примѣру послѣдовали Людмила Рихардовна и профессоръ Круксъ, который, какъ бы самъ себѣ, въ полголоса произнесъ;

— Можетъ быть и намъ скоро прійдется уѣзжать? . . . Но, куда-же? — Въ центрѣ — всѣ университеты закрыты, а на югѣ — установился какой-то глупый и несуразный фронтъ большевиковъ противъ Южно Русскаго союза и объединенія народно демократическаго казачества. — Значитъ, и на Сѣверный Кавказъ, на свой хуторъ, также нельзя проѣхать. — Въ Ригу, черезъ передовыя позиціи, не пропустятъ, и къ себѣ на родину, въ свой домъ, къ своей семьѣ, также пробраться невозможно. . . — Вотъ такъ дѣла! . . . — Комиссары, какъ видно, совсѣмъ нехотятъ войны на внѣшнемъ фронтѣ, а у себя дома, въ своей странѣ, они успѣшно готовятся — къ рѣзнѣ и братоубійственной войнѣ.

Въ то время, изъ достовѣрныхъ источниковъ развѣдки и маленькихъ рекогносцировокъ на передовыхъ линіяхъ установлено, что въ началѣ ноября 1917 года на фронтѣ (Сѣверный фронтъ, пративъ Венденскихъ укрѣпленныхъ высотъ) у противника были лишь ничтожныя дозорныя части, а вся великая масса переброшена имъ обратно на Французскій фронтъ, гдѣ доблестные русскіе союзники-французы все еще энергично наносили чувствительные удары германскимъ арміямъ. Русская-же 12 армія, на своемъ участкѣ фронта, къ этому времени вполнѣ уже поспѣла окрѣпнуть и, по своему состоянію, также была готова къ переходу въ наступленіе; но очевидно, данное „большевиками" еще подъ Ригой слово. выполнялось ими въ точности: — переходъ въ наступленіе строго былъ воспрещенъ; даже думать объ этомъ не полагалось. За этимъ слѣдили Комиссары „С. С. С. Р-овской" власти, а комиссаръ Скудный, какъ „власть" центральнаго корпуса, вь этомъ дѣлѣ проявлялъ особенное стараніе. Оказалось чудо: многомилліонныя росссійскія арміи на фронтахъ, въ одну ночь, еще на 25 октября 1917 г.,

лишены своей родной страны и, какой-то невидимой силой, переброшены въ страну чудесъ „С. С. С. Р.“, правительство которой не понимаетъ ни духа ни языка армій. Тогда-то и заговорили сердца нѣкоторыхъ героевъ, любящихъ свою страну родную: какая-то небольшая войсковая часть 2 Латышской стрѣлковой бригады, занимавшая участокъ фронта въ направленіи Нитау-Алаши, при маленькомъ развѣдывательномъ наступленіи, безпрепятственно, врѣзалась глубоко въ расположеніе противника въ Рижскомъ направленіи, всюду наводя панику и бѣгство германскихъ дозоровъ, обозовъ и резервовъ, если только они тамъ были въ незначительномъ количествѣ. Армейскимъ комитетамъ, комиссарамъ и центральной „С. С. С. Р.“ большевитской власти это не понравилось: нарушается, молъ, данное „слово“ на „перемиріе“. Забѣгалъ корпусный комиссаръ Скудный, и результатъ всего, части 2 Латышской бригады лишаются чести быть на фронтѣ своей родной земли, и постепенно, съ 27 октября до 7 ноября, переводятся немедленно въ глубокій тылъ, въ окрестности г. Вендена и сѣвернѣе его, но офиціально, большевики того времени, выдумали иначе: молъ, для несенія службы въ тылу при возстановленіи порядка, во время возможнаго движенія народа.

VIII.

Зима 1917 года развернулась рано, всюду переполняясь холодомъ и глубокимъ снѣгомъ. На фронтѣ — тихо, спокойно. Въ россійскихъ-же арміяхъ, подъ руководствомъ большевитскихъ комиссаровъ „С. С. С. Р-овскаго“ правительства, все еще заняты были „неотложными“ дѣлами, какъ въ то время называли, т. е. усиленно, преступно, разлагали уцѣлѣвшіе еще кое-гдѣ остатки войсковыхъ частей крѣпкой традиціей воинской организаціи и дисциплины; вводя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выборы должностныхъ, именно, „персонъ“ и „командировъ“ изъ среды послушныхъ „имъ“ лицъ; эти же комиссары, съ несогласными, — вели упорную, кровавую борьбу, вынуждая тѣмъ „кадровыхъ“, опытныхъ, „офицеровъ“ оставлять свои мѣста службы и искать защиты въ отдаленныхъ уголкахъ „Великой Россіи“ и даже заграницей; а непослуш-

ныя цѣлыя войсковыя отдѣльныя части даже расформировывали въ раіонѣ г. Валка.

Вообще, „военные спецы“ съ двухмѣсячнымъ курсомъ подготовки временъ Керенскаго, выпуска конца апрѣля и начала августа изъ Одесскихъ школъ, работали теперь не покладая рукъ.

И вполнѣ понятно было сопротивленіе такихъ крѣпкихъ и съ идейной спайкой остатковъ войсковыхъ частей и офицеровъ, въ особенности среди частей 1 и 2 Латышскихъ стр. бригадъ: они увѣренно ожидали правового, законнаго порядка и народнаго представительства и власти на „Свободное Государственное Самоуправленіе“, обѣщаннаго „Россійскаго Учредительнаго Собранія“, время съѣзда котораго преступно перенесено съ 3 іюля 1917 г. на 5 января 1918 года.

Латыщскіе стрѣлки, какъ представители и первая національная армія своего народа, понимали такъ: — „Свободная Латвія“, съ широкой автономіей, въ составѣ „Великой Свободной Россіи“. Культурное-же и экономическое развитіе этого народа, а также и паденіе вр. правительства „Великой Свободной Россіи“ 25 октября 1917 г. и введеніе абсолютной крайнѣ лѣвой диктатуры комунистическо-большевитской клики, настоятельно диктовали: отмежеваться отъ такого „неприёмлемаго“ теченія и поставить вопросъ — къ свободному и независимому управленію Латышскимъ Краемъ, имѣя ввиду и свои историческія особенности: нравы, навыкъ, обычаи, языкъ, духовную и экономическую культуру, тысячелѣтіями развивавшіяся подъ давленіемъ разныхъ сосѣднихъ болѣе сильныхъ народовъ, но сохранившіяся въ рамкахъ своей высокоразвитой, чистой, національной особенности, воочію удѣдивъ въ этомъ и весь „культурный міръ“. Болѣе двухъ лѣтъ, съ августа 1915 г. до октября 1917 г., латышскіе стрѣлки, будучи соорганизованными въ свои національныя войсковыя части въ составѣ россійскихъ армій на Рижскомъ фронтѣ, геройски отстаивали родину свою, привлекая тѣмъ на себя и большія вооруженныя массы войскъ противника съ французскаго фаонта и облегчая участь и положеніе россійскихъ союзниковъ французовъ и аагличанъ; но общіе „враги“ всего культурнаго міра думали иначе и дѣлали свое „низкое“ дѣло: октябрьская ихъ революція заразила многихъ

и народились особо-большевитскіе „исколо стрѣлы, крайнѣ лѣвые комитеты и комиссары, какъ и во всѣхъ россійскихъ арміяхъ на фронтахъ, и всѣмъ добрымъ намѣреніямъ временно положенъ былъ предѣлъ.

Для скорѣйшаго-же осуществленія своихъ идей, того времени большевистскіе комиссары, обыкновенно прилагали все вниманіе свое, главнымъ образомъ, на сѣверный фронтъ и 2 Сибирскій армейскій корпусъ, въ составѣ котораго были тѣ именно войсковыя части, латышскіе стрѣлки 1 и 2 бригадъ, которыхъ нужно было больше всѣхъ бояться „имъ" и ихъ „друзьямъ". Убравъ ихъ съ фронта въ тылъ, въ раіонъ Венденъ—Вольмаръ—Валкъ, большевики поспѣшили изобрѣсти и другіе пріемы — послать стрѣлковъ подальше, въ глубь Россіи; для чего: обѣщаніями и разными посулами начали сманивать отдѣльныя ихъ войсковыя части, сначала, конечно, въ глубокій тылъ, а затѣмъ, безъ вѣдома прямого высшаго военнаго начальства, посылать и на Петроградъ, въ Нарву, Псковъ, Бологое. . ., все, яко-бы, по постановленію полковыхъ комитетовъ Виновнаго лица, молъ, нѣтъ. И такой неблагодарной участи, въ первую очередь, подвергнуты были нѣкоторые полки 2 Латышской стрѣлковой бригады, въ томъ числѣ и 6 Тукумскій полкъ — 21 ноября на Петроградъ.

Такимъ образомъ, съ началомъ декабря, большевизмъ водимый комунистами, уже со своимъ составомъ „отвѣтственныхъ лицъ" вступалъ въ права на фронтѣ: передовыхъ линій для „него" нѣтъ, фронта также нѣтъ и съ внѣшнимъ противникомъ. Оказалось, „С. С. С. Р овское правительство дѣйствительно начало подготовлять работы къ мирнымъ переговорамъ съ Императоромъ Вильгельмомъ II. Есть теперь у нихъ фронты и противники только у себя, въ „Странѣ Свободной", дома, между членами большой семьи и общества.

Что бы окончательно гарантировать себѣ власть и вліяніе наверхахъ управленія войсками корпуса, согласно полученнымъ изъ центра дерективамъ, корпусный комиссаръ Скудный рѣшилъ: немедленно конфисковать и у офицеровъ штаба корпуса всѣхъ собственныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей и автомобили, а также сдѣлать и выборы высшихъ должностыхъ лицъ, включая туда и Комкор"а; вообще, ему

хотѣлось скорѣе, повидимому, сдѣлать такъ, какъ то было сдѣлано уже и вовсѣхъ другихъ высшихъ штабахъ фронта, арміи, а также дивизій, и въ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ; конфискованныя-же повозки и экипажи, собственность офицеровъ, — принять въ „казну" безъ вознагражденій.

Подъ такимъ впечатленіемъ, „С. С С. Р-овскій дѣятель", комиссаръ Скудный, въ сопровожденіи помощика своего фельдшера — артилериста Коровая и двухъ членовъ корпуснаго комитета, неизвестной военной профессіи, въ тихій зимній вечеръ 12 декабря, дѣлалъ прогулку по дорожкамъ парка имѣнія Шпаренгофъ; высказавъ, при этомъ, между прочимъ, и о назначеніи Комкор"а, распоряженіемъ центральной власти, на высшую должность „Командующаго Фронтомь". Они прошли до самаго конца парка и уже собирались было повернуть назадъ, какъ изъ-за поворота аллеи показались шедшіе въ прогулку: генер. штаб. полковникъ Казбегоровъ, его супруга Людмила Рихардовна ему подъ руку, Корсанит"ъ профес. д-ръ м-ны Тайный Совѣтникъ Круксъ и комендантъ штаба подполковникъ Шрамъ.

Полковникъ Казбегоровъ замѣтилъ что комиссаръ, очевидно, неожидалъ такой встрѣчи и растерялся, а его некрасивое лицо, ископанное оспой, съ большими скулами и короткимъ носомъ, съ приподнятыми вверхъ наздрями, какъ-то потемнѣло и вся фигура выпрямилась.

Подполковникъ Шрамъ, видя эту картину, немного усмѣхнулся и толкнулъ локтемъ профессора Крукса.

— А-а-а, это чудовище тоже здѣсь гуляетъ? удивился профес. Круксъ, указывая глазами на фельдшера Коровая, извѣстнаго оратора при демонстраціяхъ весною и лѣтомъ [въ Ригѣ и на собраніяхъ комитетовъ въ полкахъ.

— Тутъ! — засмѣялся и полковникъ Казбегоровъ.

Этотъ смѣхъ Скудный принялъ на свой счетъ, и это произвело на него впечатленіе удара. Онъ вспыхнулъ, задохнулся и, чувствуя себя подхваченнымъ какоій-то силой, отдѣлился отъ своей компаніи и быстро шагая валеными сапогами въ галошахъ, подошелъ къ полковнику Казбегорову.

— Вамъ что! — спросилъ полковникъ, становясь серьезнымъ и внимательно глядя на тонкую палочку, ввидѣ хлыстика, которую Скудный нервно вертѣлъ въ рукахъ.

Людмила Рихардовна поспѣшно отдѣлилась отъ своей группы, прошла 10 шаговъ впередъ и остановилась.

— Я имѣю сказать вамъ два—три слова... — хрипло проговорилъ Скудный, и сразу приступилъ къ дѣлу: — Передавала-ли вамъ ваша супруга „мой приказъ" — представить мнѣ свою анкету и согласіе на выборы высшаго командного состава корпуса?.. — Я вынужденъ ожидать больше.., тогда какъ вы не изволите зайти ко мнѣ въ канцелярію комитета...

— Да! — слегка пожавъ плечами, отвѣтилъ полковникъ, внимательно все-же слѣдя и за каждымъ движеніемъ рукъ комиссара.

— И вы рѣшительно отказываетесь, между тѣмъ какъ. Вамъ, — штабъ — офицеру генеральнаго штаба, слѣдовало—бы подать примѣръ и другимъ, принять это предложеніе?.. — невнятно, но громче прежняго проговорилъ Скудный, самъ неузнавая своего голоса и пугаясь того момента, когда онъ былъ короткое время у Казбегоровыхъ, въ его отсутствіе, и предлагалъ Людмилѣ Рихардовнѣ теперь-же записаться въ его партію „большевиковъ". Все это онъ вдругъ остро почувствовалъ; почувствовалъ и какую то страшную неизбѣжнось, отъ которой неимѣетъ силъ свернуть съ внѣзапно открывшейся передъ нимъ противной ему дороги. Ему показалось, что въ паркѣ сразу стало душно и кругомъ все потемнѣло.

Всѣ остановились и слушали, въ жуткомъ предчувствіи не зная что дѣлать.

— Вотъ еще... — протянулъ подполковникъ Шрамъ и началъ подходить что бы стать между спорящимися.

— Конечно отказываюсь! — странно — спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ полковникъ, переводя острый, все видящій взглядъ, прямо въ глаза Скудному.

Скудный тяжело вздохнулъ, какъ будто подымалъ огромную тяжесть и невольно бросилъ умоляющій взглядъ на профессора Крукса, на котораго больше всего надѣялся — что онъ его спасетъ, а затѣмъ: перевелъ взглядъ: на Людмилу Рихардовну, — которая должна была уговорить мужа, — принять предложеніе и стать во главѣ корпуса по „выборамъ товарищей".

— Еще разъ... отказываетесь? — громче прежняго спросилъ онъ металически — зазвенѣвшимъ голосомъ

— Что вы хотите отъ меня, — неожиданно вспылилъ полковникъ: — Вы насильникъ, дегенератъ, развратникъ, „paradoksiks“, животное и все что хотите, но только не человѣкъ, который заслуживалъ хотя-бы маленькое уваженіе. — Вы сбили съ истиннаго пути даму штабъ офицера, которая уѣхала въ Пензу подъ уважительнымъ предлогомъ; вы пытаетесь уговорить и „другую“; разложили многомилліонныя россійскія арміи на фронтахъ, оставивъ истекать кровью нашихъ доблестныхъ союзниковъ на французскомъ фронтѣ; уничтожаете въ арміяхъ все ея святое чувство, духъ, дисциплину; посягнули на права народа и прочее, и прочее, и прочее... — А теперь хотите „всю свою подлую работу“ прикрыть авторитетомъ офицеровъ генеральнаго штаба?... — твердо, но уже спокойно пояснилъ онъ.

— Ай, ай... — И онъ-же его ударитъ... — Ахъ, какъ нехорошо... ай, ай! — блѣднѣя не подумалъ, а скорѣе почувствовалъ профессоръ Круксъ:

— И что вы, господа!... — забормоталъ онъ, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и загораживая Казбегорова.

Скудный врядъ-ли видѣлъ Крукса, когда грубо и легко столкнулъ его съ дороги. Передъ нимъ были только одни спокойные и серьезные глаза полковника.

— Я повторяю вамъ, прежнимъ твердымъ, спокойнымъ тономъ повторилъ полковникъ: — вы мерзавецъ, даже незаслуживающій что-бы на васъ тратили хотя бы одинъ патронъ!... — Вы говорите — что нѣтъ офицеровъ, топчите въ грязь ихъ честь и достоинство, а въ тоже время сами заискиваете у нихъ расположенія къ себѣ, довѣрія и совмѣстнаго сотрудничества... — Нѣтъ, вы настящій „вредный мерзавецъ“, „прохвостъ“!...

Все завертѣлось вокругъ Скуднаго и, слыша сзади поспѣшные шаги и женскій „вскрикъ“, съ чувствомъ похожимъ на отчаяніе падающаго въ пропасть, онъ съ судорожнымъ усиліемъ какъ-то черезъ-чуръ высоко и неловко взмахнулъ тонкой палочкой.

Но въ то-же мгновеніе полковникъ Казбегоровъ быстро и коротко, но съ страшной силой разгибая мускулы, ударилъ его кулакомъ въ лицо.

— Такъ! . . . — невольно вырвалось у подполковника Шрама.

Голова комиссара Скуднаго безсильно мотнулась на бокъ и что то горячее и мутное, мгновенно пронизавшее острыми иглами глаза и мозгъ, залило ему ротъ и носъ.

— „Аб. . .“ — сорвался у него болѣзненый, испуганный звукъ, и Скудный роняя палочку и папаху, упалъ на руки, ничего невидя неслѣша и несознавая, кромѣ сознанія непоправимаго конца и тупой, жгучей боли въ глазу.

Уже вечерѣло и въ дальнѣй. полутемной, аллеѣ поднялась суматоха.

— Ай, ай! — пронзительно вскрикнула Людмила Рихардовна и, схвативъ виски руками и съ ужасомъ закрывъ глаза, она быстро направилась одна къ дому.

Помощникъ комиссара Коровай и одинъ изъ членовъ комитета, съ ужасомъ и омерзеніемъ глядя на стоявшаго на четвереинькахъ Скуднаго, бросились къ полковнику, но подполковникъ Шрамъ схватилъ ихъ сзади за плечи и ловко отбросилъ назадъ.

— Ничего, ничего. . . . пусть. . . — съ отвращеніемъ, тихо и весело сказалъ полков. Казбегоровъ, широ разставивъ ноги и тяжело дыша. На лбу у него выступили капли горячаго пота.

— Это ему, мерзавцу, — заговорилъ комендантъ штаба подполковникъ Шрамъ: — и за поруганіе и уговариваніе моей жены, и за попытку убѣдить Людмилу Рихардовну примкнуть къ его партіи, и за конфискацію собственныхъ нашихъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, экипажей и автомобилей, конечно все въ его пользу“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое главное: за оскорбленіе арміи въ лицѣ офицеровъ и высшаго офицерскаго состава штаба корпуса, за деморализацію и подстрекательство состава нѣкоторыхъ частей 2 Латышской стрѣлковой бригады. которыя оставили свои мѣста стоянокъ въ прифронтовой полосѣ и по указанію Скуднаго и подъ руководствомъ выборныхъ своихъ вождей, походнымъ порядкомъ ушли на Петроградъ оставивъ роты на линіи Нарва-Псковъ-Бологое, кому-то помогать и что-то охранять; тогда какъ постоянный офицерскій составъ ихъ, какъ и во многихъ, многихъ войсковыхъ частяхъ армій на фронтахъ, вынужденъ былъ оставить свои мѣста и, подъ

разными уважительными предлогами, бѣжать въ тылъ, въ далекіе уголки. . . — Замѣтте! Комиссарамъ этого простить нельзя. . . ; всю жизнь, пока существуетъ цивилизація и культура народовъ, эти „красные комиссары“ будутъ считаться врагами всего міра. . . — серьезно пояснилъ подполковникъ Шрамъ, обращаясь къ помощнику комиссара Короваю и къ членамъ комитета, и тѣ, повидимому, успокоились.

Скудный поднялся на ноги, шатаясь и роняя какіе-то жалкіе, безсвязные звуки опухшими дрожащими мокрыми губами И въ этихъ звукахъ неожиданно, неумѣстно и, какъ-то смѣшно-противно, послышались какія-то угрозы генеральнаго штаба полковнику Казбегорову. Вся лѣвая сторона лица его быстро опухла, глазъ закрылся, изъ носа и рта шла кровь, губы дрожали и весь онъ трясся какъ въ лихорадкѣ, вовсѣ не похожій на того высокопарнаго комиссара, которымъ былъ минуту тому назадъ Страшный ударъ какъ будто сразу отнялъ у него все комиссарское, полновластное, неограниченное бравурство и превратилъ его во что-то жалкое, безобразное и трусливое. Ни стремленія бѣжать, ни попытки защищаться въ немъ уже не было Стуча зубами, сплевывая кровь и дрожащими руками безсознательно счищая прилипшій къ колѣнямъ снѣгъ, онъ опять зашатался и упалъ.

— Какой-же ужасъ, какой-же ужасъ! . . . — стоя на мѣстѣ твердилъ профессоръ Kруксъ.

— Идемъ! — глядя вверхъ, сказалъ полковникъ Казбегоровъ, обращаясь къ подполковнику Шраму.

— Идемте, профессоръ, съ нами. . . — крикнулъ Шрамъ.

Но Kруксъ не двигался съ мѣста. Широко раскрытыми глазами, онъ смотрѣлъ на Скуднаго, на кровь и на снѣгъ. Шрамъ тогда сердито потянулъ его за руку, но „ученый нашъ старикъ“ былъ не умолимъ, съ неестественнымъ усиліемъ онъ вырвался и проговорилъ:

— Зачѣмъ вы. . . зачѣмъ! — Какая гадость! — Я, какъ докторъ, долженъ оказать ему первую медицинскую помощь.

— Да, гадость. . . — А было-бы лучше по вашему, если бы онъ первымъ ударилъ меня? . . . — Идемте, профессоръ! — Пришлемъ санитаровъ и фельдшера. . . — серьезно пояснилъ полковникъ Казбегоровъ. А затѣмъ, круто повер-

нувшись, быстро пошелъ вслѣдъ за Людмилой Рихардовной въ домъ штаба.

Подполковникъ Шрамъ и профессоръ Круксъ также плелись сзади, но оба направились въ комнату Комкор"а —

— Ты поднялъ большой скандалъ! — Что дальше будетъ? — спросила Людмила Рихардовна у мужа, держа его за руки и ласково заглядывая ему въ глаза.

— Ничего! — У меня весь матеріалъ въ рукахъ, и я сію минуту иду къ Комкор"у и разрѣшу дальнѣйшую игру со мною: — если они не отпустятъ меня изъ арміи и штаба по доброй волѣ, какъ и до сего времени держали, такъ я найду другой выходъ. . . — объяснивъ женѣ, полковникъ Казбегоровъ вышелъ, направляясь по корридору въ комнату командира корпуса.

У Комкор"а онъ засталъ уже собравшихся, кромѣ Шрама и Крукса, помощника комиссара Коровая и двухъ членовъ изъ его комитета. Выяснилась полная виновность комиссара Скуднаго и, по прямому проводу съ высшей комиссарской центральной властью, на докладъ помощника комиссара Коровая, Скуднаго отчислили въ резервъ при комитетѣ фронта въ Псковѣ, а на его мѣсто назначили его-же помощника, фельдшера-артиллериста Коровая. Новый комиссаръ, тутъ-же, въ комнатѣ Комкор"а, вмѣстѣ съ командиромъ корпуса — подписали и предписанія: „Коменданту штаба Шраму — спѣшная командировка въ Дно для принятія какихъ-то техническихъ аппаратовъ для телеграфа штаба корпуса"; „Корсанит"у профессору д—ру мед—ны Круксу въ Новгородъ — принять необходимые хиррургическіе инструменты и медикаменты, въ которыхъ ощущается острая нужда въ лазаретахъ и въ госпиталяхъ корпуса"; и „Коринспект"ору снаб"а генеральнаго штаба Казбегорову — въ теченіи ближайшихъ трехъ-пяти дней выѣхать въ тылъ и урегулировать подачу корпусу на фронтъ необходимыхъ предметовъ снабженія и продовольствія".

— Новая метла — хорошо мететъ! . . . — въ шутку сказалъ полковникъ Казбегоровъ, когда комиссаръ и его члены вышли изъ комнаты Комкор"а: — Хорошо, что начальникъ штаба временно отсутствуетъ, а то-бы онъ показалъ имъ, какъ можно „устраивать" командировки. . . Подполковникъ Шрамъ и профессоръ Круксъ поспѣшили доложить Комкор"у,

что они не думаютъ больше возвращаться въ корпусъ, а черезъ комиссіи въ тылу, надѣются получить освобожденіе и ѣхать къ себѣ домой, на Кавказъ. И старый добродушный генералъ Комкор"ъ, поблагодарилъ ихъ за прошлую честную службу, пожалъ обоимъ руки и они вышли съ тѣмъ, что-бы въ ту же ночь быть на станціи Эрики, къ 2 часовому поѣзду, отходящему въ мѣста ихъ „командировокъ".

Опытные служаки, генеральнаго штаба Комкор"ъ и Казбегоровъ остались одни; какъ-бы чего-то ожидая, они долго оба молчали и нѣкоторое время даже молча посмотрѣли одинъ на другого.

— Ваше Высокопревосходительство,—неожиданно нарушилъ тишину полковникъ Казбегоровъ: Вся эта кукольная комедія: комиссары, выборы, товарищи, полное разложеніе войскъ, армій, уничтоженіе дисциплины и прочее — мнѣ противны, не нравится до тошноты; и главное — полное порабощеніе культуры варварствомъ, иначе сказать нельзя; но отвѣчай въ двойнѣ, и за „дурака", который поставленъ около васъ, какъ контролеръ. — По этому-то, между нами говоря, я на этихъ-же дняхъ исполню ваше порученіе и донесу о результатахъ, а самъ лягу въ госпиталь и полѣчу свои нервы, а дальше, что Богъ дастъ, во всякомъ случаѣ — въ корпусъ не вернусь. Анкеты своей не дамъ и кандидатуры на выборы ни въ какомъ случаѣ не выставлю. — Это меня просто коробитъ. — При отъѣздѣ въ командировку, свои обязанности временно передамъ старшему помощнику, пусть его и выбираютъ...

— Хорошо, хорошо, полковникъ! — Я васъ понимаю генеральнаго штаба офицерамъ иначе и неприходится дѣлать... — Я тоже скоро ѣду принимать фронтъ! А дальше, что Богъ укажетъ? ... — отвѣтилъ старикъ Комкор"ъ и прослезился; а затѣмъ добавилъ: — А знаете, полковникъ? — Все-же хочется еще жить, а что будетъ дальше? ... и что намъ „свободный народъ" несетъ? .. и они оба сердечно распрощались, поцѣловались, и Казбегоровъ вышелъ.

Оставаясь одинъ старый Комкор"ъ генеральнаго штаба генералъ Новицкій нашелъ нужнымъ крикнуть въ догонку: — „Людмилѣ Рихардовнѣ передайте отъ меня привѣтъ и наилучшія пожеланія въ жизни. . ."

Войдя въ свою комнату, Казбегоровъ засталъ въ об-

ществѣ жены подполковника Шрама и профессора Крукса, которые были уже готовы къ отъѣзду.

— Ну, а когда-же ты, Давидъ Ильичъ, ѣдешь?... — смѣясь встрѣтилъ Шрамъ входившаго въ комнату Казбегорова.

— Тогда, вѣроятно, когда Богъ на душу положитъ, т. е. дастъ толчокъ!... — шутя поспѣшилъ отвѣтить за него профессоръ Круксъ.

— Безъ шутокъ, господа!—Когда-же ты ѣдешь, Давидъ Ильичъ? — серьезно повторилъ Шрамъ.

— Я и самъ не знаю!... — Ну,... вѣроятно... выѣду 15 или 17, что-ли... — серьезно заговорилъ полковникъ Казбегороръ: — нужно-же вести себя, господа, дипломатичнѣе, незамѣтно! — Незабывайте, насъ ожидаютъ, быть можетъ, тюрьмы, аресты, полное ограбленіе.. Такова теперь ужъ власть...—Направленіе наше—на югъ, каждый своей дорогой... Вмѣстѣ всѣмъ держаться нельзя, слишкомъ наглядно!...

— О о-о! — Да уже скоро будетъ и 12 ночи! — прервалъ разговоръ профсссоръ Круксъ и извинился: — Господа, начинаемъ двигаться!... пока доплываемъ до станціи на комиссарскихъ лошадяхъ, такъ какъ разъ и 2 часа найдемъ. — Вы, пока тамъ съ Комкор"омъ разговаривали, а мы здѣсь хорошенько уложились, объявили деньщикамъ что, молъ, ѣдемъ въ командировку по дѣламъ службы, иначе и они смогутъ предать насъ, а Людмила Рихардовна угостила ужиномъ...

— Что-жъ, небуду задерживать, счастливой вамъ пути! — и полковникъ Казбегоровъ поднялся. При прощаніи, оба отъѣзжавшіе до такой степени разнервничали, что не могли даже отвѣчать на привѣтствія супругоръ Казбегоровыхъ, и молча вышли.

И только, по дорогѣ на станцію, сидя въ саняхъ, профессоръ Круксъ неожиданно разговорился, тихо обращаясь къ подполковнику Шраму:

— Если Казбегорову и труднее отдѣлаться отъ службы комиссарамъ, чѣмъ намъ, напримѣръ, такъ у него есть незамѣнимый помощникъ и дипломатъ — Людмила Рихардовна. — Это не женщина-жена, а вся власть и всемірная дипломатія, образецъ неустрашимости и энергіи...

— Да, да, профессоръ, вы правы! — А вѣдь хорошо, что комиссары реквизировали все у насъ; ѣдемъ теперь налегкѣ. . . — какъ-то не на вопросъ отвѣтилъ Шрамъ подавленнымъ тономъ. Каждый изъ нихъ, въ то время, говорилъ только то, что чувствовалъ, переживалъ, и что больше всего болѣло на сердцѣ. И это вполнѣ понятно было — при тѣхъ репрессіяхъ и угнетеніяхъ, какія примѣнялись новой „совѣтской властью" къ офицерскому составу.

— Не совсѣмъ будетъ хорошо, когда они доберутся и до нашихъ кошельковъ, цѣнностей, одѣжды, обуви и бѣлья... Вотъ тогда-то что мы запоемъ?. . . смѣясь отвѣтилъ профессоръ Круксъ тономъ шутки.

— Посмотримъ! — протянулъ уныло Шрамъ а затѣмъ добавилъ, какъ-бы спѣша — что бы не забыть: — Все-же Казбегоровъ счастливѣе насъ, онъ спитъ теперь спокойно, а мы, какъ волки, блуждаемъ ночью по дорогѣ занесенной снѣгомъ. . .

— Каждому свой Богъ и счастье! — Казбегоровъ находится въ другихъ условіяхъ со своей женой, а вы, подполковникъ, свободный человѣкъ; на свою измѣнницу не обращайте вниманія, и держите путь къ себѣ домой, на Кавказъ; а въ Пензу вамъ нечего заглядывать, все равно вы не перевоспитаете ее при настоящемъ режимѣ варварства и насилія. . . — отвѣтилъ Круксъ друженскимъ тономъ, подъѣзжая къ станціи Эрики.

Поѣздъ былъ готовъ къ отходу; и наши сослуживцы, въ теченіи почти трехъ лѣтъ въ одномъ и томъ-же штабѣ корпуса на театрѣ войны, заняли теперь мѣста въ холодной теплушкѣ, биткомъ набитой ѣдущими на родину стариками— солдатами разныхъ ранговъ и положеній. Было дымно и душно, но профессоръ Круксъ и подполковникъ Шрамъ поспѣшно усѣлись на своихъ чемоданахъ въ темномъ уголкѣ вагона и, подъ шумъ движущагося поѣзда, говора людей и стука колесъ, скоро оба заснули.

IX.

Къ концу 1917 года событія въ Россіи быстро развивались: руководящая русская интелигенція оказалась не организованной и, по одиночкѣ или маленькими партіями—бѣжитъ

безоглядки заграницу, въ крайнемъ случаѣ, куда нибудь по дальше, въ уголки Россіи, гдѣ не такъ остро ощущалось насиліе и введеніе новаго „совѣтскаго“ режима, подготовлявшагося къ разгону „Учредительнаго Собранія“. Оставляя свою родную землюи „истинный“ народъ свой на милость „именно небольшой кучки“ вооруженныхъ людей, находившихся въ распоряженіи „совѣтскихъ комиссаровъ“, многомилліонная масса россійской интелигенціи считалась лишь со своей деморализаціей и съ личными соображеніями; не желая защищаться сама, она пряталась за спиной другихъ, тогда какъ легко могла—бы справиться одна, своей массой, даже особенно и невооружаясь. Одинъ только лишь генералъ Корниловъ, съ немногими приверженцами и съ оставшейся ему вѣрной сотней кавказскихъ кавалеристовъ изъ Туземной дивизіи, будучи спасенъ польскими войсками, какъ истый народный демократъ и его (народа) солдатъ, не сложилъ оружія, а силою его прокладывалъ въ то время себѣ и другимъ дорогу на югъ, на Сѣверный Кавказъ, въ Кубанскій Свободный Край, гдѣ въ то время уже въ третій разъ, на протяженіи многихъ вѣковъ (съ 1482 г.), организовалась и существовала Кубанская народно-демократическая казачья республика. Его цѣль была святая — освобожденіе народовъ и установленіе законнаго образа Правленія.

Проводивъ друзей, Давидъ Ильичъ и Людмила Рихардовна долго не задумывались надъ создавшимся положеніемъ. Оно предвидѣно было ими еще годъ тому назадъ. И не удивительно, когда преступная рука „массона“ подготовляла работу къ этому интенсивно, открыто, еще съ конца 1916 года*), и, для опытнаго наблюдателя, еще тогда видна была — грядущая великая катастрофа.

— Тактика твоя вполнѣ правильна,—первая заговорила Людмила Рихардовна: — и я приступаю къ выполненію ея.., только слушай меня и не зарывайся далеко впередъ... Время ихъ мщенія серьезно. . . и . ., намъ нужно быть благоразумными. . . и. . ., осторожными. . . — и она ласково улыбнулась мужу, предложивъ скорее итти спать, а всѣ вопросы разрѣшить завтра, тихо, спокойно.

— Я, съ тобой, согласенъ!—увѣренно отвѣтилъ Давидъ Ильичъ: — можно итти теперь и спать. . . и онъ поднялся

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“.

изъ—за стола и, поблагодаривъ жену за ужинъ, тѣмъ не менѣе присѣлъ на время къ письменному столу подписывать какія—то бумаги, принесенныя изъ канцеляріи его управленія.

На слѣдующіи день, Давидъ Ильичъ проснулся рано утромъ и, бехъ завтрака, уѣхалъ на передовыя позиціи, вмѣстѣ съ комиссіей „корпуснаго комитета", осмотрѣть тяжелую артиллерію и дать о ней свое заключеніе. Его автомобиль былъ еще вполнѣ исправный, но находился въ распоряженіи корпуснаго комитета, какъ конфискованный для „надобностей ихъ службы", а хозяиномъ его считался вообще корпусный комиссаръ и предсѣдатель комитета. Поздно вечеромъ того-же дня они возвращались уже домой, и новому комиссару Коровaю пришло же въ голову — сѣсть у руля и принять на себя обязанности шофера; увѣренно заявивъ при этомъ, что управленіе, молъ, машиной и моторъ онъ вполнѣ уже изучилъ. Было снѣжно и дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Что—бы хоть немного согрѣться, полковникъ Казбегоровъ и другіе члены комиссіи, рѣшили немного пройтись пѣшкомъ, такъ какъ до штаба оставалось всего—лишь около 2 километровъ. По пути—дорога была внизъ, съ горы очень скользко; а сбоку дороги — оврагъ глибокій занесенный снѣгомъ. Коровай пустилъ машину нормальнымъ ходомъ; но не успѣли пѣшеходы и осмотрѣться, какъ послышался взрывъ, а затѣмъ огонь, и имъ представилась горящая въ оврагѣ куча измятаго автомобиля, а въ 10 шагахъ отъ огня, въ глубокомъ снѣгу, лежитъ Коровай.

— Счастливо выбросило!... — Здѣсь мягко и я невредимъ... — кричалъ добродушный „хохолъ", комисаръ Коровай; а самъ карабкаясь въ снѣгу глубокомъ, и на дорогу выходя, смѣясь добавилъ: — Пусть горитъ! — Все равно моторъ взорвало, всѣ колеса негодны, а 2 оси и рулевое управленіе, попавъ на большой камень, смяты, вообще представляетъ изъ себя никуда негодный хламъ...

— Оно всегда бываетъ такъ: — чужимъ добромъ никогда не поживешься... — въ шутку сказалъ полковникъ Казбегоровъ.

— Ничего, господинъ полковникъ! — Вы будете въ тылу, въ командировкѣ, достаньте для насъ еще двѣ такихъ машины, и вышлите какъ можно скорѣе, внѣ очереди... — Когда вы ѣдете? — наивно спросилъ комиссаръ Коровай,

но тономъ высшаго начальника и, при словахъ „господинъ полковникъ“, лукаво улыбнулся.

— Вѣроятно утромъ 17 или 20.

— Ну, а какъ-же анкета и выборы ваши? — снова спросилъ Коровай, идя рядомъ съ полковникомъ.

— Когда вернусь изъ командировки, тогда и всѣ вопросы разрѣшимъ . . . — серьезно отвѣтилъ полковникъ, но въ душѣ только посмѣялся.

— Хорошо! Я вамъ вѣрю! — А пока, до-свиданія! — Покойной ночи! .. — и Коровай поднялъ руку подъ козырекъ.

Полковникъ Казбегоровъ, молча принявъ привѣтствіе, быстро направился въ домъ штаба, гдѣ у себя въ комнатѣ встрѣтила его Людмила Рихардовна съ доброй лаской и горячимъ ужиномъ. Онъ поспѣшилъ разсказать ей исторію съ ихъ автомобилемъ и дневныя переживанія на фронтѣ, котораго почти что не существуетъ; и, посмѣявшись надъ трагичнымъ положеніемъ „людей“, взявшихся по выборамъ за исполненіе отвѣтственныхъ должностей въ войскахъ, но ничего въ области своей службы не понимающихъ, они перешли на остроты и анекдоты. Но скоро къ нимъ вошелъ денщикъ Филиппъ и, въ подавленномъ настроеніи духа, доложилъ:

— Ваше Высокоблагородіе! — „Товарищи сожгли сегодня вечеромъ „нашъ“ автомобиль. . .

— Пусть сжигаютъ! — Я знаю уже объ этомъ ..

— Филиппъ! — поспѣшила заговорить и Людмила Рихардовна: – Солдатъ вашихъ годовъ не увольняютъ ли еще домой? — и она ласково взглянула на мужа.

— Барыня! — Я еще молодъ, только 24 года, а увольняютъ только лишь стариковъ, съ 35 лѣтъ и старше. .

— А, вамъ, хочется домой? — Какой вы губерніи? — продолжала допытываться Людмила Риардовна.

— Оченно хочется! — застѣнчиво отвѣтилъ Филиппъ, и какъ-то задумчиво добавилъ: — Я Полтавской губерніи, дома старики — отецъ и матерь, и жена съ двумя маленькими дѣтьми. — Служить, вообще, я люблю и желаю, но это „товариство“ и „комитетчики“ все испортили, просто житья нѣтъ и хочется, даже, умереть. . .

— Умирать-то и не нужно, у васъ, вѣдь, есть жена, дѣти успокоила его Людмила Рихардовна и усиленно посмо-

трѣла на мужа, а затѣмъ улыбнулась и обратилась къ нему по — французски съ веселыми шутками. Полковникъ также отвѣчалъ ей по — французски, и въ концѣ-концовъ рѣшили: взять и Филиппа съ собою, и въ тылу, черезъ комиссіи, освободить и его отъ службы.

— Никому ни слова о нашемъ разговорѣ!.. — обращаясь къ Филиппу, серьезно заговорила Людмила Рихардовна.

— Слушаю, барыня! — Я умѣю служить, о томъ знаютъ и „Ихъ Высокоблагородіе“ ... — по солдатски отвѣтилъ Филиппъ.

— Такъ вотъ! — Убирайте со стола, сами ужинайте и ложитесь спать, а завтра утромъ: полковникъ уѣдетъ на фронтъ съ комиссіями, а вы со мной займетесь укладкой вещей; а послѣ завтра, ночью, къ 5 час. поѣзду ѣдемъ всѣ трое на станцію Эрики, и далѣе, офиціально-по документамъ — я къ родителямъ въ Витебскъ, а вы съ бариномъ — въ командировку, въ тылъ... — Куда именно, то дѣло уже полковника; тамъ... комиссіи и, съ Божьей помощью... — Вы въ Бога вѣрите?... — ласково спросила Людмила Рихардовна и поблѣднѣла.

— Понимаю! — Въ Бога вѣрю и всегда ему молюсь... — Покорнѣйше благодарю, барыня!... — вежливо отвѣтилъ денщикъ Филиппъ.

— Ну, такъ помогай-же вамъ Богъ! — Духъ праздности, унынія, любоначалія и прздномловія... отгоняйте отъ себя крестнымъ знаменіемъ и всегда носите на шеѣ крестикъ.. — посовѣтовала Людмила Рихардовна.

— Слушаю!... крестикъ у меня есть! — и онъ, съ добрымъ сердцемъ челввѣкъ, по простотѣ своей, разстегнулъ тужуркуи и оказалъ крестикъ.

— Слава Богу! — Идите!... — и она облегченно вздохнула, будучи убѣжденной Христіанкой.

— Наши дѣла, теперь, въ порядкѣ!— обратилась Людмила Рихардовна къ мужу, присаживаясь на диванъ около стола, гдѣ полковникъ уже занимался канцелярской работой: — завтра возьму пропускъ у комиссара Коровая, съ отмѣткой что я твоя жена, указавъ должность, чинъ генеральнаго штаба и фамилію твою, урожденная Цепа, на проѣздъ туда

и, конечно, обратно и все будетъ въ порядкѣ... — Какъ только получишь въ комиссіи освобожденіе, то немедленно же пріѣзжай въ Витебскъ, къ родителямъ; не заставляй меня долго страдать... — Устроимся гдѣ нибудь на частной службѣ... — Ну, бросай-же эту противную работу для „товарищей—большевиковъ“... — Какой ты аккуратистъ!... Послѣдній день и тотъ отдаешь весь службѣ!... — она поднялась, обвила его за шею и горячо поцѣловала.

— Я уже окончилъ, и все привелъ въ порядокъ; завтра вечеромъ, какъ только вернусь изъ комиссіи, сразу все передамъ старшему помощнику, въ теченіи какихъ нибудь 5 минутъ, и тогда мы можемъ ѣхать смѣло. — Всюду нужна аккуратность, до послѣдняго момента... — отвѣтилъ Давидъ Ильичъ, усаживаясь около жены на диванѣ: — А послѣ полуночи выѣдемъ на станцію, съ Божьей помощью въ дальній путь...

— Наконецъ подошло и желанное для отъѣзда время. Зимняя ночь. Ясно сверкали звѣзды, да по чистому небосклону, высоко, плавно плыла луна съ востока на западъ. Въ природѣ, казалось, ничто не измѣнилось. Вокругъ тишина. Сильный морозъ благодарно усыпалъ цвѣтными огоньками снѣгъ на поляхъ, провожая путниковъ нашихъ. Но вотъ показалось короткое паденіе звѣздъ въ сторону ѣдущихъ на станцію Эрики, привѣтствуя ихъ, но скоро потухали, какъ бы предоставляя дальнѣйшую работу пространству. Казалось, Могущественная природа нѣжно открывала свои тайники человѣчеству въ широкое поле разумной и свободной работы. Было около 5 часовъ ночи.

— Какъ не говори, — неожиданно заговорила Людмила Рихардовна, сидя въ саняхъ около мужа закутанная въ кавказскую бурку: — а все-же у этихъ „диктаторовъ — большевиковъ“, есть немного и человѣческаго чувства...

— Говори по — французски, что-бы непонялъ „товарищъ кучеръ“... — неожиданно остановилъ ее полковникъ, сказавъ по — французски.

— Хорошо! — Я продолжаю, — снова заговорила она, но уже по—французски: — Видишь-ли, этотъ комиссаръ Коровай, бывшій фельдшеръ, съ котораго такъ горько смѣялся профессоръ Круксъ, оказался все-же порядочнымъ человѣкомъ, и куда лучше того „мерзавца“, какъ его окрестилъ

Круксъ, Скуднаго. Этотъ, безъ всякихъ разговоровъ выдалъ мнѣ удостовѣреніе и пропускъ, и предоставилъ въ наше распоряженіе двое саней съ лошадьми и кучерами. . .

— Потому-то онъ и „медвѣдь сѣрый“, — возразилъ Давидъ Ильичъ смѣясь: — „нашимъ саломъ, да по нашей-же шкурѣ“, какъ говорятъ вообще Черниговск'е хохлы. . . — Эта любезность мнѣ нравится! . . . — Посмотри-ка хорошенько, обѣ лошади наши, мои собственныя верховыя, которыхъ „они“ конфисковали еще въ концѣ октября. . . — Это скоты, мерзавцы, грабители, и все что хочешь, но только не люди...

Ну, ну, ну, успокойся! — тихо проговорила она. И Давидъ Ильичъ замолчалъ. И только фырканье лошадей, бойко бѣжавшихъ по снѣжной дорогѣ, да хрустъ подъ санями снѣга временами нарушали установившуюся тишину.

На станціи поѣздъ стоялъ уже подъ парами, готовый къ отходу; и вѣрный его денщикъ гусаръ Филиппъ Кабура, съ помощью кучеровъ, быстро внесъ вещи въ вагонъ III класса „допотопнаго типа“, гдѣ молча заняли мѣста полковникъ и его супруга, а сбоку ихъ примостился и Филиппъ, по данному секретному знаку. Поѣздъ тронулся.

Въ составѣ поѣзда лучшаго класснаго вагона небыло; почему, супруги Казбегоровы, рѣшили: не раздѣваясь спать по „совѣтскому способу“, сидя, положивъ головы на плечи. Но и въ этомъ вагонѣ было много стариковъ-солдатъ ѣдущихъ изъ арміи домой. О политикѣ изъ нихъ никто, теперь, не говорилъ: молчатъ и курятъ, и опять молчатъ сидя или стоя, но всѣ о чемъ-то думаютъ, и думаютъ, повидимому, серьезно, такъ-какъ головы ихъ опущены на грудь, глаза открыты и губы у каждаго шевелятся.

Отъ неудобнаго спанья въ сидячемъ положеніи, полковникъ Казбегоровъ проснулся первымъ и, потягиваясь и разминая онѣмевшіе члены, онъ тихо проговорилъ:

— Вотъ и Псковъ! — Въ прифронтовой полосѣ еще есть сравнительный порядокъ, но здѣсь, въ тылу, смотри, полный хаозъ и безпорядокъ, всѣ бѣгутъ, всѣ лезутъ, но куда? они и сами незнаютъ. . .

— Ай, ай, ай! — протянула Людмила Рихардовна: — Теперь всѣ равны, всѣ сѣры, всѣ нищіе. . . Свобода! . . . — и она нервно схватила мужа за руки.

Филиппъ, тѣмъ временемъ, поспѣлъ принести кипятку

и три фунта ржаного хлѣба. Больше ничего нельзя было достать: буфетовъ на станціи нѣтъ, а лавочки при станціи пусты, закрыты. Станціонныя залы классовъ полны солдатъ: спящіе, сидящіе и такъ толкающіеся сюда-туда; на перонѣ море человѣческихъ головъ, въ сѣрыхъ солдатскихъ шапкахъ, приступомъ и съ боемъ захватываютъ мѣста на крышахъ, на площадкахъ и даже на тормозахъ.

И когда поѣздъ тронулся, то товарные его вагоны — теплушки, безъ отопленія, конечно, оказались полны стоящими людьми. О сидячихъ мѣстахъ, тогдашніе „свободолюбивые“ люди забыли еще со времени октябрьской революціи. Это явленіе не осталось безъ вниманія „нашихъ“ фронтовиковъ. А „вѣрный“ Филиппъ почти въ восторгѣ, но тихо, доложилъ полковнику на ухо, наливая въ кружки чаю ему и Людмилѣ Рихардовнѣ:

— Нашъ поѣздъ идетъ на Петроградъ черезъ Дно-Русса-Новгородъ, и пересадка намъ ненужна. А на станціи Дно, я самъ устрою барыню въ другомъ поѣздѣ на Витебскъ . . . — За нами очень строго слѣдятъ „чекисты“ . . . три чел. изъ нихъ въ сосѣднихъ вагонахъ, а четвертый — вотъ, сидитъ напротивъ насъ.

— Хорошо, хорошо. — Имѣйте только ввиду: нашъ конечный путь и центръ командировки — Старая-Русса, а дальше. . . , я скажу вамъ послѣ, когда закончу свои служебныя дѣла и переговорю съ мѣстнымъ начальствомъ. . . — Со мною и барыней держите себя какъ равный: не проявляйте и признаковъ, что я вашъ начальникъ, а мое служебное положеніе — полный секретъ. . . — также на ухо Филиппу отвѣтилъ полковникъ тихо.

А затѣмъ, повернувшись къ Людмилѣ Рихардовнѣ, онъ также тихо передалъ и ей то, что получилъ отъ Филиппа — и то, что самъ ему сказалъ. На это она только больно улыбнулась; незамѣтно для другихъ все-же поцѣловало его въ щеку, и шопотомъ проговорила:

— Вотъ и Дно! — Чекиста я замѣтила еще изъ Валка; онъ слѣдитъ за нами и довольно строго. . . Ну, будь здоровъ! — Я все-же буду усиленно, и съ вѣрой, ожидать тебя у родителей, въ Витебскѣ. . . — Будь только всюду дипломатичнымъ и не дайся обмануть себя. . . и она поднялась,

взяла нѣкоторыя вещи, а Филиппъ тѣмъ временемъ досталъ съ полки семейные ихъ чемоданы и они вышли.

„Чекистъ“, повидимому, неожидалъ такой перемѣны декораціи въ его наблюденіяхъ; сразу какъ-то нервно засовался на своемъ мѣстѣ, поднялся на ноги, заглянулъ въ окно и, косо бросивъ взглядъ на полковника Казбегорова, вновь присѣлъ и погрузился въ чтеніе какой то книжки, отмѣчая въ ней что то карандашемъ и по временамъ, изъ подлобья, все-же продолжая посматривать на полковника. Но скоро въ вагонъ вернулся и самъ Филиппъ; „чекистъ“ усилилъ свои наблюденія.

Въ поведеніи Филиппа ничего небыло подозрительнаго, что-бы могло выдать ихъ. Онъ разыгрывалъ роль „равнаго“, какъ о томъ и раньше было дано ему указаніе, безупречно. Подойдя къ полковнику, онъ широко улыбнулся и, тихо, на ухо, доложилъ объ устройствѣ Людмилы Рихардовны въ вагонѣ поѣзда на Витебскъ: — въ обществѣ какихъ-то трехъ крестьянскихъ женщинъ и пятырыхъ ихъ дѣтей, и что поѣздъ ихъ уже отошелъ, а для поѣзда на Старую--Руссу нѣтъ дровъ, да и паровозъ не держитъ пару; по расчету-же, поѣздъ ихъ въ Старую — Руссу подойдетъ только лишь около полуночи.

— Хорошо, Филиппъ! — Въ Старой—Руссѣ меня разбудите. . . — отвѣтилъ полковникъ тихо; а самъ уперся спиной въ уголъ вагона на нижней скамьѣ, поднялъ мѣховый воротникъ полушубка, натянулъ на лобъ кавказскую черную барашковую папаху, и заснулъ спокойно.

X.

Сурово и недружелюбно встрѣтила Старая — Русса нашихъ фронтовиковъ: глухая ночь и пасмурная погода, съ большой снѣжной метелью, наводила на каждаго изъ вновь пріѣхавшихъ какую то грусть и безнадежность: Вокругъ вѣтеръ воетъ, рветъ, метаетъ падающія хлопья снѣга, какъ освирѣпѣвшій звѣрь набрасываясь на беззащитную толпу

людей, куда-то торопящуюся и вокругъ тревожно суетящуюся. На перонѣ и въ помѣщеніяхъ станціи такая-же толпа „сѣрыхъ людей“, бѣгающихъ, кругомъ толкающихся, стоящихъ, а то и просто—сидящихъ и лежащихъ на мокромъ снѣжномъ полу, измученныхъ отъ безцѣльнаго переутомленія и голода. Всюду видно разложеніе и нравственно — психическое паденіе „свободныхъ“ гражданъ великой страны.

У подъѣзда извозщиковъ не оказалось, а про автомобили въ городѣ забыли также скоро, съ началомъ октябрьской революціи, какъ и появились они въ первые годы міровой войны; когда населеніе тыла, въ лицѣ подрядчиковъ и заготовителей для армій отъ разныхъ союзовъ и благотворительныхъ комитетовъ, за счетъ казны и экономіи отъ операцій поставило свою жизнь на широкую ногу удовольствій и наживы, породивъ тѣмъ, впослѣдствіи и своего-же большевика, завистливаго захватчика. Почему, генеральн. штаба полковникъ Казбегоровъ и вынужденъ былъ на сей разъ: взять часть вещей изъ рукъ денщика и, вмѣстѣ съ нимъ, пѣшкомъ направиться въ городъ, въ ту же гостиницу*) „Россія“, гдѣ болѣе года тому назадъ, онъ короткое время уютно и съ „комфортомъ“ жилъ, честно и акуратно исполнялъ возложенныя на него служебныя порученія.

Хозяинъ гостинны, купецъ Патріотовъ, сразу узналъ полковн. Казбегорова, немного замялся, а затѣмъ — въ восторгѣ бросился на шею: по братски его обнялъ и разцѣловалъ, увлекая молча въ свою теплую и уютную, богато обставленную квартиру. Правда, другихъ свободныхъ комнатъ въ гостиницѣ въ то время небыло, и вполнѣ понятно, Патріотовъ поторопился объяснить свою любезность, по купечески:

— Это только для васъ, полковникъ! — Пріѣзжай самъ губернаторъ или высшій комиссаръ, и имъ-бы не далъ... — А затѣмъ, онъ освѣдомился и о здоровьѣ Людмилы Рихардовны, и гдѣ она теперь находится въ это, молъ, „тревожное время“. . . . Получивъ-же короткое объясненіе, онъ безнадежно махнулъ на все рукой и поспѣшно вышелъ.

---

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“

Въ своей комнатѣ полковникъ помѣстилъ и денщика.

На слѣдующій день, утромъ, онъ навѣстилъ мѣстнаго коменданта, выбраннаго „товарищами“ изъ старыхъ но малоопытныхъ, полковниковъ; тамъ-же устроилъ свои нѣкоторыя служебныя дѣла и регистрацію документовъ, а послѣ, отправился въ мѣстный полевой госпиталь.

Очевидно, судьбѣ угодно было такъ, что въ этомъ-то именно госпиталѣ полковникъ нашелъ главнымъ врачемъ извѣстнаго намъ Капуху,*) знакомаго въ семьѣ Казбегоровыхъ на дачѣ „Казбегоръ“, бывшаго студента-медика со старшаго курса Московскаго университета, и въ первые годы войны — бывшаго участковымъ врачемъ въ аулѣ Каловскомъ.

Врачъ Капуха, при встрѣчѣ, отъ радости не зналъ что и дѣлать: замялся, смутился, а затѣмъ, какъ-то скоро передавъ пріемъ больныхъ своему помощнику, выборному врачу, какъ видно изъ ротныхъ фельдшеровъ, дружески увлекъ полковника подъ руку къ себѣ на квартиру, при госпиталѣ.

— О политикѣ, полковникъ, говорить намъ неприходится: все кругомъ кишитъ чекистами-шпіонами, — со вздохомъ протянулъ Капуха, усаживая гостя къ столу, гдѣ былъ приготовленъ уже и завтракъ, а при немъ прислуживала еще молодая, интелигентная и съ миловиднымъ личикомъ на видъ, сестра милосердія: — Прежде всего маленькая информація! — смѣясь продолжалъ онъ тихо: — О васъ я уже слыхалъ — вы великій человѣкъ, генеральнаго штаба полковникъ, ученый докторъ-психологъ, георгіевскій кавалеръ, высокое должностное лицо и правый народный демократъ! . . . — Ну, а что-же я такое? — Только Надворный Совѣтникъ, младшій медицинскій заурядъ — врачъ; и только „товарищи“ выбрали главнымъ врачемъ госпиталя. Но моего политическаго убѣжденія они то и не исправятъ. — Я остаюсь все тѣмъ-же „эсъ-эр“омъ“ и въ своей партіи. — Крайне лѣвое узурпаторство комитетовъ и „комиссаровъ изъ чужихъ людей и Москвичей“ до тошноты не нравится мнѣ; да и посмотрите, что дѣлается теперъ въ странѣ и во-

*) См. т. I „Во власти женщинъ“.

кругъ васъ самихъ?... — На головѣ волосы становятся дыбомъ... — Я еще не женатъ, но живу гражданскимъ бракомъ. Эта сестра милосердія, — моя „хозяйка". Она хорошо воспитана и образована, но оказалась идейной комунисткой и, только благодаря ея старанiямъ, меня избрали главнымъ врачемъ госпиталя. — Ну, а что новаго пишутъ изъ аула? — Какъ живутъ тамъ наши общіе друзья, знакомые? — И что же, вашей виллы-то „Казбегоръ" и земли съ хозяйствомъ въ имѣніи еще не реквизировали? „мерзавцы"!, чортъ-бы ихъ побралъ совсѣмъ...

— Ничего незнаю! — отвѣтилъ полковникъ Казбегоровъ — четыре мѣсяца не получаю писемъ — За реквизицію „вылы", пока, я небоюсь: мѣстныхъ большевиковъ-комунистовъ въ Кубанскомъ Краѣ мало, да и фронты тамъ установились, дерутся съ тѣми, которые проѣзжаютъ изъ Закавказья во внутрь страны и, по дорогѣ, конечно, хотятъ поживиться и обогатиться за счетъ жителей нашего Края. — Съ сѣвера проѣхать къ намъ, въ Кубанскій Край, теперь нельзя...

— Ну, а что же мы будемъ дѣлать дальше?... подавленнымъ тономъ спросилъ врачъ Капуха.

— Прійдется ожидать удобнаго момента!, а впрочемъ, лучше займемся своими дѣлами. Къ вамъ, докторъ, моя большая просьба: мы уже объяснились и другъ-друга понимаемъ и, думаю, политическими врагами мы не были и впредь не будемъ; тѣмъ болѣе, насъ связываетъ идея — благополучіе нашего родного — „Кубанскаго Края"...

— Пожалуйста, пожалуйста, полковникъ! — Я къ вашимъ услугамъ весь... — Будте откровенны...

— Сегодня-же, — началъ полковникъ: — пожалуйста зачислите меня и моего денщика Филиппа Кабуру къ себѣ въ госпиталь на излѣченіе, а черезъ двѣ недѣли, какъ-то полагается и по существующимъ законамъ, представте въ комиссію, признайте негодными къ службѣ „комиссарамъ", и по болѣзни увольте насъ въ безсрочный отпускъ...

— Это можно! — Къ вашимъ услугамъ я всегда готовъ... — Милую вашу „виллу Казбегоръ" и гостепріимство въ ней, никогда не забуду... Комиссіи у насъ бываютъ два раза въ недѣлю; слѣдовательно, вамъ нужно быть готовымъ... къ 5 января 1918 года.

Условились, денщика Филиппа теперь-же помѣстить въ госпиталь, а полковникъ будетъ лишь считаться въ немъ офиціально, но фактически, на короткое время будетъ „уволенъ, молъ, на домъ". Это ему необходимо для поѣздки въ ближайшіе города — исполнить возложенныя на него служебныя порученія. Врачъ Капуха согласился, записалъ необходимыя ему свѣдѣнія о „больныхъ", и они дружески разстались.

Строго придерживаясь всегда заранѣе намѣченнаго плана на этотъ разъ полковникъ также дѣйствовалъ со строго обдуманнымъ тактомъ; и вернувшись къ себѣ въ гостиницу, онъ сей-часъ-же отправилъ Филиппа на мѣсто въ госпиталь, а самъ, отдохнувъ немного въ обществѣ солидной семьи купца Патріотова, на другой день утромъ выѣхалъ въ Новгородъ, Бологое и въ другія мѣста заготовокъ. Инспекція его и провѣрка заготовительныхъ комиссій проходили быстро. Въ обозной и автомобильной мастерской, онъ исполнилъ, между прочимъ, и просбу корпусного комиссара Коровая, но высылку легковыхъ автомобилей приказалъ сдѣлать на имя командира корпуса, предупредивъ объ этомъ и администрацію.

— Пусть новые комиссары сначала научатся какъ жить, а затѣмъ уже и распоряжаться. . . — подумалъ полковникъ Казбегоровъ, вспоминая при этомъ конфискацію у него собственнаго автомобиля, паденіе его въ оврагъ съ Короваемъ и наконецъ — пожаръ. . . — Про-хво-сты! — протянулъ онъ сердито, и также махнувъ на все рукой, вышелъ изъ мастерской и немедленно уѣхалъ поѣздомъ на станцію Березино.

Первые три дня рождественскихъ праздниковъ, онъ рѣшилъ провести одинъ, въ глуши, среди незнакомыхъ ему людей, а именно на станціи Березино, въ чайной съ номерами, владѣльцемъ которой былъ старикъ, бывшій учитель преподаватель исторіи въ какомъ институтѣ, но давно уже уволенный отъ службы за невыясненныя старыя политическія продѣлки.

Въ этой-то чайной, всѣ дни праздниковъ съ ранняго утра до поздной ночи, было полно народу: говорили, спорили, громко кричали, о чемъ-то торговались, но были-ли изъ этого какія нибудь результаты, полковникъ Казбегоровъ

не могъ понять изъ своей закрытой комнаты. Ему только лишь казалось, что эта народная масса научилась больше говорить, попусту болтать, что-бы ничего не дѣлать. И предпріимчивый хозяинъ, какъ впослѣдствіи оказалось, дѣйствительно извлекалъ изъ этого пользу: сначала была у него чайная, а послѣ — открылъ въ чайной народное чтеніе. обмѣнъ мнѣній мужчиковъ по текущимъ вопросамъ, а послѣ октябрьской революціи, такія культурно-просвѣтительныя собранія, начали называть просто мѣстнымъ комитетомъ или „исполкомомъ".

Какъ-то разъ, на одно изъ тактхъ засѣданій, хозяинъ чайной пригласилъ и полковника: послушать что, молъ, говорятъ у нихъ о мѣстныхъ дѣлахъ — порядкахъ. Онъ согласился. И когда вошелъ въ общую залу и занялъ сзади, въ темномъ уголкѣ, свободное мѣстечко, то засѣданіе было уже открыто, а въ залѣ стоялъ сплошной крикъ и шумъ. Прислушиваясь къ отдѣльнымъ голосамъ, полковнику Казбегорову казалось, какъ будто-бы каждый изъ присутствующихъ считалъ себя умнѣе всѣхъ и хотѣлъ научить чему-то и другихъ, но это не удавалось. Аудиторія была несговорчива.

— Да, если такъ говорить, — грубо напрягался одинъ человѣкъ, сидѣвшій у передняго стола, котораго полковникъ узналъ — „чекистъ", слѣдившій за нимъ въ поѣздѣ Валкъ-Псковъ-Старая-Русса: — то надо вернуться къ первоисточнику идей. . .

— О чемъ-же тогда можно говорить, по вашему? — непріязненно и съ насмѣшкой хозяинъ чайной возразилъ чекисту.

— Во всякомъ случаѣ не о евангеліи, псалтырѣ и о житіяхъ! — также съ насмѣшкой, язвительно отвѣтилъ „чекистъ".

Многіе изъ присутствующихъ при этомъ злорадно разсмѣялись, а нѣкоторые заговорили о чемъ то между собою въ полъ-голоса.

— Ну, что-же, это! — разочарованно протянулъ какой-то голосъ изъ толпы.

„Чекистъ" бѣшенно покраснѣлъ, и упрямо блестя глазами и боясь повидимому упустить удобный моментъ при стихшей публикѣ, онъ поднялся снова:

— Я не шучу! . . . Если вы хотите быть логичными. . .

— А что-же вы говорили о Христѣ? . . . — торжествующе вновь хозяинъ чайной возразилъ „чекисту“.

Что я говорилъ? — Разъ учиться жизни и вырабатывать себѣ опредѣленное міросозерцаніе, которое нормируетъ отношенія одного человѣка къ другому и самому себѣ, то не лучше-ли намъ остановиться на титанической работѣ „тѣхъ“ людей, которые представляли изъ себя „лучшіе образцы человѣческаго рода“ и которые въ „собственной“ жизни пытались приложить „наивозможнѣйшія“ и самыя „сложныя“ и самыя „простыя“ отношенія къ человѣчеству. . .

— Какъ къ скотамъ! . . . — послышался одинъ смѣлый голосъ изъ толпы, и громкій смѣхъ среди собравшихся вновь наполнилъ залу чайной.

— Я съ вами не согласенъ! — Извращенное понятіе! — вновь хозяинъ чайной возразилъ „чекисту“.

— А я согласенъ! — послышался изъ толпы другой, болѣе пугливый, неувѣренный пѣвучій голосъ.

И опять начался безтолковый крикъ и шумъ, въ которомъ нельзя было уже найти ни конца, ни начала мнѣній. Многіе сидѣли тихо, мирно, и слушали молча, ничего, конечно, не понимая. Сначала на лицахъ ихъ было полное проникновеніе съ какимъ-то дѣтскимъ вниманіемъ, но потомъ острыя черточки недоумѣнія и страданія стали вырисовываться въ уголкахъ ихъ ртовъ и глазъ. Полковникъ Казбегоровъ молчалъ и курилъ. На его лицѣ было выраженіе скуки и досады. А когда въ пестромъ крикѣ послышались рѣзкія нотки ссоры, онъ поднялся, потушилъ папиросу и медленно ушелъ къ себѣ въ комнату. За нимъ послѣдовалъ и хозяинъ чайной.

— Знаете, хозяинъ! — У васъ выходитъ сдѣсь скучная и безтольковая исторія. . .

— И прескучная, и преглупая суета и извращеніе народа! — отвѣтилъ хозяинъ такимъ тономъ, точно онъ все время объ этомъ только и думалъ и ждалъ случая высказаться: — Они, эти „красные умники“, думаютъ, что по какимъ-бы то нибыло книгамъ можно выработать себѣ какое-то особенное міросозерцаніе, переобразовать все человѣчество по одному шаблону, направить его мысли къ одной идеи, къ од-

ной цѣли. . . — Они забываютъ, или даже не хотятъ знать, что міросозерцаніе даетъ сама жизнь во всемъ ея объемѣ, въ которомъ литература и сама мысль человѣческая—только ничтожная частица. Міросозерцаніе не теорія жизни, а только настраеніе отдѣльной человѣческой личности и при томъ, до тѣхъ поръ измѣняющееся, пока у человѣка еще жива душа. . . А, слѣдовательно, и вообще не можетъ быть того опредѣленнаго міросозерцанія, о которомъ „они", теперешніе „красные профессора — товарищи", такъ усиленно хлопочатъ. — И, замѣтьте, если-бы возможно было міросозерцаніе, какъ законченная теорія, то мысль человѣческая совсѣмъ-бы остановилась. . . Человѣчество перестало мыслить, перестало думать, перестало работать мозгами, и превратилось-бы въ послушную живую машину. . . — Но этого нѣтъ: каждый мигъ жизни даетъ свое, новое слово. . ., и это слово надо услышать и понять, не ставя себѣ заранѣе мѣры и предѣла. . . А, впрочемъ, что-тутъ и говорить объ этомъ, думайте о нашихъ собраніяхъ какъ хотите, я только спрошу васъ, почему вы поторопились уйти? и надо-ли вамъ подавать ужинъ?. . .

— Да, вы правы, хозяинъ! — Ночью я уѣзжаю, прикажите подать мнѣ ужинъ и счетъ.

— Хорошо! — Все будетъ готово, сію минуту, — отвѣтилъ хозяинъ чайной, и торопливой походкой вышелъ

— Вотъ гдѣ идетъ усиленная обработка массъ и превращеніе народа въ послущное стадо. . ., обезличиваніе и полное порабощеніе его идей. . ., и тѣмъ: затемняютъ чувства къ родинѣ и къ религіи превратными убѣждеіями. . . — подумалъ Казбегоровъ и принялся за ужинъ, принесенный зрѣлой дѣвицей, съ краснымъ бантикомъ на груди.

Поужинавъ, и расплатившись съ хозяиномъ, полковникъ Казбегоровъ вышелъ на станцію къ отходу поѣзда. Ему нужно было ѣхать въ Старую Руссу; дѣла, по порученію Комкор"а, — закончены были всѣ.

Съ чувствомъ неизбѣжности, скоро быть „частнымъ — свободнымъ" гражданиномъ, онъ ради любопытства, при отходѣ поѣзда впрыгнулъ, что называется, въ вагонъ—теплушку, набитую куда-то ѣдущими все тѣми-же „сѣрыми", измученными безсонными ночами и голодомъ мюдьми, одѣтыми въ старыя и порванныя шинели и сѣрыя папахи. — „Вѣ-

роятно на югъ, за продовольствіемъ, мѣшечники!" — подумалъ онъ. Въ вагонѣ холодно; печка хотя и есть, по трубы нѣтъ; въ окнахъ стекла разбиты. Всѣ сыкаютъ, стучатъ ногами, прыгаютъ, трутъ руки и косо поглядываютъ на печку. Въ такой-то обстановкѣ, онъ и сдѣлалъ свой первый пробный „гражданскій" переѣздъ до Старой—Руссы въ теченіи полутора часа, и сію-же минуту отправился на мѣсто, въ госпиталь „лѣчиться у врача Капухи".

Врачъ Капуха былъ аккуратенъ. Въ комиссію 5 января 1918 года онъ дѣйствительно представилъ человѣкъ 30 бывшихъ еще молодыхъ солдатъ и человѣкъ 10 офицеровъ, въ томъ числѣ и полковникъ Казбегоровъ. Освидѣтельствованіе у нихъ солдатъ проходило какъ-то быстро, безъ особыхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ комиссіи, и первымъ вышелъ въ корридоръ денщикъ Филиппъ Кабура; енъ быстро осмотрѣлся и, замѣтивъ группу офицеровъ, хотя и безъ погонъ, молодцоватымъ шагомъ подошелъ къ своему полковнику и тихо, въ вежливой формѣ, доложилъ:

— Меня признали негоднымъ, и уволили совсѣмъ отъ службы по болѣзни. . .

— Хорошо, Филиппъ! — Обождите меня, вотъ здѣсь постойте! — также тихо отвѣтилъ полковникъ, и заговорилъ совершенно на частную тему со старымъ генераломъ (безъ погонъ), стоявшимъ около него сбоку.

Въ группѣ офицеровъ, очередь полковника Казбегорова, къ сожаленію, оказалась послѣдней. И онъ, предчувствуя что-то недоброе, немного пріунылъ и задумался надъ судьбой несчастной; вспомнилась ему Кубань, аулъ и весь Край родной, а также и та борьба изъ-за идей, которая такъ много требуетъ человѣческихъ жертвъ. Но въ этотъ-то моментъ дверь въ комнату комиссіи неожиданно отворилась и его пригласили войти.

Составъ комиссіи представился довольно пестрый: Врачъ Капуха и еще какихъ—то два выборныхъ врача, по „носамъ" ихъ видно было, что они оба изъ ротныхъ фельдшеровъ, дальше — двѣ женщины врача, къ красными бантиками на груди, приколотыми къ халатамъ; и три представителя отъ комитетовъ, также съ красными бантиками у петлицъ тужурокъ. Приказано — немедленно снять верхнюю одежду и тужурку, что полковникъ незамедлилъ испол-

нить. Осмотрѣли его кругомъ, пощупали, каждый членъ комиссіи по очереди, послушали его сердце и, о ужасъ! Врачи мужчины признаютъ полковника негоднымъ къ службѣ, женщины-же врачи на оборотъ — вполнѣ здоровъ, годенъ. . . Начался открытый споръ и демонстрація состоянія его нервной системы: на вытянутыхъ горизонтально рукахъ, уложили ему на пальцы листъ папиросной бумаги: дрожитъ и очень сильно. Тихое совѣщаніе и. . ., конечная система:— голосами шести мужчинъ врачей и представителей отъ комитетовъ, полковникъ Казбегоровъ признанъ также негоднымъ къ службѣ „комиссарамъ", и освобожденъ „безсрочно, въ отпускъ по болѣзни". Женщины врачи покраснѣли, и одна изъ нихъ, смазгливенькая дѣвица, рѣшительно заявила протестъ:

— Такіе генеральнаго штаба бывшіе штабъ-офицеры намъ, теперь, нужны. . . — Я отмѣчаю это въ книгѣ! . . .

Но мнѣніе комиссіи, большинства 6 противъ 2, осталось въ силѣ, и рѣшеніе было утверждено.

— Филиппъ! — Можете поздравить и меня! . . . — Освободили! — выйда въ корридоръ, тихо проговорилъ полковникъ: — теперь идемте въ гостиницу, а завтра утромъ получаемъ документы, кормовыя деньги и предложенія и, домой, домой! . . .

Денщикъ Филиппъ чистосердечно поблагодарилъ своего полковника, какъ могъ выразить благодарность строго воспитанный солдатъ и честный гражданинъ, немного смутился и тихо проговорилъ особо:

— Всю жизнь буду молиться Богу за васъ „Ваше Высокоблагородіе"! . . .

— Ну, хорошо, хорошо! — поторопился полковникъ остановить его восторгъ.

На слѣдующій день, еще съ утра, урегулировавъ всѣ свои вопросы съ документами и деньгами, полковникъ Казбегоровъ отпустилъ Филиппа въ гостиницу укладываться къ отъѣзду, а самъ, тѣмъ временемъ посѣтилъ Коменданта и Главнаго врача Капуху; а по дорогѣ, идя въ гостиницу, зашелъ въ Почтово - телеграфную контору и, послѣдній разъ, исполнилъ свой долгъ службы передъ 2 Сиб. арм. корпусомъ, сдавъ на почту донесенія и телеграмму Комкор"у — о результатахъ инспекціи и объ увольненіи отъ службы его и

денщика Филиппа Кабуру комиссiей врачей при 115 полевомъ госпиталѣ.

Закончивъ свои дѣла, полковникъ Казбегоровъ какъ-то облегченно вздохнулъ, но съ этого-то времени, неумолимая судьба и начинаетъ преслѣдовать Давида Ильича, всюду устраивая ему „красныя ловушки". Выйдя изъ помѣщенiя почтовой конторы на улицу, тутъ-же у дверей, его задерживаютъ уже какiе-то три красногвардейца, очевидно вновь формировавшейся въ то время „красной гвардiи" — „чеки". Всѣ трое — въ ботинкахъ, въ черныхъ длиныхъ брюкахъ, въ сѣрыхъ солдатскихъ очень поношенныхъ шинеляхъ, на грудяхъ у каждаго приколоты большiе красные банты, а на головахъ — черные „кэпки", безъ поясовъ, но черезъ плечо у каждаго — пулеметная лента съ патронами, а въ рукахъ — винтовки японскаго образца съ примкнутыми штыками. Лица у всѣхъ упитанныя, подозрительныя

— Ты, будешь, товарищъ Казбера? — спросилъ одинъ изъ нихъ, повидимому старшiй, плохо выговаривая фамилiю полковника Казбегорова или его денщика Кабуры.

— Да, я, гражданинъ! — непонятно отвѣтилъ полковникъ.

— А ты будешь генералъ-штаба, какъ тутъ у меня написано въ бумагѣ? — недоумѣвая и провѣряя свой ордеръ, продолжалъ допытываться старшiй чекистъ.

— Я, ничего не знаю! . . . — отвѣтилъ полковникъ и почти сердито добавилъ: — Что вамъ нужно отъ меня? . . ,

— Что ты врешь, сукинъ-сынъ! — неожиданно заоралъ чекистъ: — Руки вверхъ! идемъ въ комиссiю и тамъ узнаешь кто ты такой и что нужно отъ тебя! . . .

— Вѣдь вы-же, согласно декларацiи „Совѣта С. С. С. Р-овскихъ Комиссаровъ" не имѣете права лишать свободы невиновныхъ гражданъ. . .

— Не разсуждать! — Свинячье рыло! — ни съ того ни съ сего началъ орать старшiй чекистъ, и его быстро окружили прочiе чекисты.

Въ этотъ то моментъ Давидъ Ильичъ и почувствовалъ на спинѣ холодное острiе японскаго штыка и вздрогнулъ, но старшiй чекистъ въ тоже время грубо схватилъ его за рукавъ и сильно дернулъ впередъ:

— „И-д-и-ж-е!" — прооралъ онъ. Угрожая колоть и

стрѣлять, они увели полковника въ чрезвычайную комиссію при мѣстномъ комитетѣ, собравъ на мѣстѣ ареста толпу мѣстныхъ зѣваковъ и почти весь составъ чиновниковъ почтово-телеграфной конторы.

Онъ молча подчинился, обвиняя самъ себя за то, что не взялъ изъ чемодана револьвера, въ противномъ случаѣ, живымъ-бы въ руки не отдался. — „И какъ широко поставлены у нихъ шпіонажъ и слѣжка!" — въ заключеніе подумалъ онъ.

Занятія въ „чекѣ" были уже прекращены, какъ объявилъ ему старшій чекистъ, остановивъ его во дворѣ около дома „чеки"; а для выясненія, молъ, дѣла, нужно ожидать завтрашняго дня. . . „Вѣроятно разстрѣляютъ", съ ужасомъ подумалъ Давидъ Ильичъ. Но къ его удивленію, „чекистъ" приступилъ къ обыску его кармановъ брюкъ, тужурки и полушубка: забралъ нѣкоторые мелкіе предметы и кошелекъ съ деньгами и ушелъ въ домъ, приказавъ младшимъ чекистамъ посадить его въ подвалъ дома, а одному изъ нихъ, по фамиліи Немсвешо, какъ старшій чекистъ назвалъ его, остаться у дверей, какъ часовому.

Входъ въ подвалъ былъ со двора, въ двухъ шагахъ отъ полковника Казбегорова, и онъ невольно бросилъ взглядъ на мѣсто своего заточенія: помѣщеніе было большое, безъ оконъ и, главное, сырое и совершенно пустое. Стоя уже у входа на верхней его ступенькѣ, онъ мыслено перекрестился, а затѣмъ, вежливо обратился къ часовому съ просьбой: дать ему въ подвалъ ну хотя-бы немного соломы. Тотъ ничего неотвѣтилъ, и какъ-то быстро, взмахнувъ винтовкой, безпричинно, безъ всякого повода къ тому, сильно ударилъ полковника прикладомъ въ спину. Полковникъ потерялъ равновѣсіе. Несчастный, кубыремъ полетѣлъ въ подвалъ на землю. — „Вотъ тебѣ солома" — прорычалъ „чекистъ" и плотно закрылъ дверь подвала.

Къ счастью, Казбегоровъ успѣлъ до паденія, еще при свѣтѣ, однимъ взглядомъ осмотрѣть это злосчастное помѣщеніе; и теперь, съ чувствомъ сильной боли въспинѣ, онъ, кривясь и охая, съ трудомъ поднялся на ноги, нащупалъ руками ближайшую стѣну, и, согнувшись, нѣсколько разъ обошелъ подвалъ вдоль стѣнъ, успокаивая болѣвшую спину. Стѣны оказались каменными на ощупь, а потолокъ — вы-

сокъ. И онъ, не зная что дальше дѣлать, рѣшилъ присѣсть на корточки у стѣны въ ожиданіи: — „а ось Филиппъ догадается и начнетъ розыскивать и, быть можетъ, освободитъ его. — „Погибла Имперія отъ рукъ недальновидной интелигенціи, а теперь гибнетъ и вся Свободная Россія отъ варварства темныхъ чужихъ людей и массъ;" — и горячія слезы покатились у него по щекамъ, согрѣвая серце любящее народъ.

Въ это время Филиппъ все еше сидѣлъ въ гостиницѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ полковника домой. Уже начинало вечерѣть, какъ онъ началъ болѣе глубже разсматривать причину задержки въ городѣ своего начальника; а затѣмъ, подумалъ и о возможномъ какомъ-либо несчастіи, случившимся съ нимъ; и вдругъ, ему стало грустно, чего-то жаль, въ голову полѣзли всякія дурныя мысли. . . Неговоря никому ни слова, онъ быстро одѣлся и вышелъ въ городъ, направляясь въ почтово-телеграфную контору, гдѣ, по его расчету, полковникъ долженъ былъ быть еще днемъ, по дѣламъ службы. И онъ дѣйствительно не ошибся: дежурный чиновникъ въ конторѣ чистосердечно разсказалъ ему картину о задержкѣ полковника, котораго онъ знаетъ еще съ осени 1916 года, и нарисовалъ ему ужасную картину-сцену обращенія „чекистовъ", а въ заключеніе, указалъ и домъ „ихъ" и преподалъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, какъ можно выручить оттуда арестованнаго.

Доброе сердце молодого солдата защимѣло; на этотъ разъ Филиппъ не удержался, больно поморщился, прослѣзился и сильно выругался по адресу насильниковъ. Въ его душѣ была борьба: съ одной стороны — страхъ передъ неизвѣстностью „чеки", а съ другой — ненависть къ „нимъ", неизвѣстнымъ людямъ. Онъ поблагодарилъ чиновника и быстро ушелъ обратно къ себѣ въ гостиницу, гдѣ сразу приступилъ къ выполненію намѣченнаго плана, пригласивъ къ себѣ „на секретное совѣщаніе" и хозяина гостиницы, купца Патріотова.

— Д-а-а-а! Дѣло плохое! — съ грустью протянулъ Патріотовъ, выслушавъ подробный разсказъ Филиппа: — Разъ ужъ къ нимъ попадешься, то живымъ оттуда не вернешься. . . Тѣмъ болѣе, у него были уже стычки съ комиссарами. . .

— А, что-же мнѣ дѣлать, чтобы спасти его? — Я на все готовъ! — спросилъ Филиппъ со слезами на глазахъ.

— Нужно доказать имъ, что онъ не „Казбегоровъ", и не „генеральнаго штаба полковникъ", который набѣрное и нуженъ имъ. . . отвѣтилъ хозяинъ и задумался. Филиппъ также молчалъ, напряженно думая о чемъ-то, и вдругъ, лицо его повеселѣло:

— Хозяинъ! У меня „созрѣлъ" другой планъ! — Одобряете-ли вы его?. . .

— Говорите, говорите откровенно! — Для спасенія полковника, я также готовъ на все. . .

— Всѣ военные его документы и оружіе, — началъ поясненіе Филиппъ: — находятся здѣсь, дома, въ чемоданѣ, а документы, полученные изъ госпиталя и отъ коменданта, его и мои вмѣстѣ, вотъ у меня въ рукахъ, смотрите! — Я несу ему туда свой документъ, а его документъ будетъ временно моимъ! . . . — Чиновъ и званій не указано: я дѣлаю его Филиппомъ Кабурой, бывшимъ денщикомъ, а самъ становлюсь Давидомъ Казбегоровымъ, бывшимъ рядовымъ; и вся моя фигура, разговоръ и даже обувь, бѣлье и верхняя одѣжда будутъ свидѣтелями тому.

— Умно! — Идите, и скорѣй, только!; помогай вамъ Богъ на доброе дѣло! . . . — заторопилъ его купецъ Патріотовъ: — Будте съ ними осторожны! — добавилъ онъ.

Онъ зналъ условіе жизни денщиковъ у солидныхъ офицеровъ, по этому-то въ заявленіе Филиппа: „одѣжда, и бѣлье и обувь будутъ свидѣтелями тому" искренно повѣрилъ, а время ночи — не давало возможности „чекистамъ" провѣрить документы у коменданта.

Въ глухомъ и темномъ переулкѣ города, съ большимъ трудомъ Филиппъ все-же нашелъ „гнѣздо чеки": Большой, старый деревяный домъ, парадныя двери котораго открыты. При входѣ въ переднюю — полъ гнется и пищитъ. Во всѣхъ комнатахъ — темно и пусто, и только въ дальнѣй, маленькой конуркѣ, онъ замѣтилъ огонекъ. Тихо, осторожно направился туда. гдѣ и нашелъ „живыхъ людей", повидимому караулъ, въ составѣ трехъ челонѣкъ: одинъ изъ нихъ, въ статскомъ костюмѣ, на головѣ черная фуражка, а черезъ плечо на ремнѣ виситъ у него сбоку револьверъ въ деревяной кобурѣ, повидимому дежурный, сидитъ у стола зава-

леннаго бумагами; дальше — два одѣтые въ сѣрыя порванныя шинели, на головахъ „кэпэ“ сѣраго увѣта, безъ поясовъ, сидятъ у печки, а сбоку ихъ — пирамида съ винтовками неизвѣстнаго образуа, съ примкнутыми штыками, ввидѣ кинжаловъ.

— Я, бывшій рядовой Давидъ Казбегоровъ, — энергичнымъ тономъ, первый заговорилъ Филиппъ, войдя въ комнату къ чекистамъ: — ищу своего „товарища“ Филиппа Кабуру, котораго вы арестовали сегодня неизвѣстно даже за что?. . .

Дежурный чекистъ быстро поднялъ голову и молча бросилъ суровый взглядъ на вошедшаго. Филиппъ стойко выдержалъ его „презрѣніе“.

— Да, есть такой, — наконецъ протянулъ „чекистъ“ сердито: — только, какъ написано въ телеграммѣ „товарища Скуднаго“ изъ Пскова, его фамилія Казбера и онъ генералъ—штаба, бывшій палкавнекъ. . .

— Ха-ха-ха! — искуственно засмѣяся Филиппъ и пояснилъ чекисту: — да, онъ былъ только денщикамъ у генеральнаго штаба полковника; правда, незнаю его фамиліи, а фамилія Казбера или Казбегоровъ — это моя фамилія. — И мы, сегодня-же ночью, оба ѣдемъ дальше въ Петроградъ, поступать на службу въ красную гвардію. . . — Это „каша“ заварена у васъ, какая-то, неразбери — бери. . . — Чортъ знаетъ что такое?. . . энергично и самоувѣренно заключилъ Филиппъ Кабура.

И въ этомъ дѣлѣ, дѣйствительно сыграли главную роль спасенія: рѣшительный тонъ разговора и выдержка денщика Филиппа. Просто чудо, „чекисты“ поддаются его гипнозу и внушительной фигурѣ воспитаннаго солдата, дежурный бросается копаться въ своихъ бумагахъ, внимательно просматриваетъ документы показанные Филиппомъ, и сердито, но съ особымъ тактомъ, осматриваетъ самого Филиппа, его фигуру и одежду; и наконецъ, сдвигнувъ плечами, улыбнулся.

— Приведите сюда арестованнаго товарища Казберу, или, какъ по документамъ оказывается, Кабуру. . . — грозно крикнулъ „дежурный чекистъ“, обращаясь къ прочимъ чекистамъ — красногвардейцамъ.

И тѣ, медленно поднялись, неторопясь взяли винтовки, зарядили ихъ, провѣрили примкнутые штыки и вышли, за-

хвативъ съ собою и фонарь. Черезъ 5 минутъ, тѣ-же два чекиста ввели въ комнату къ дежурному полковника. Онъ шелъ медленно, немного согнувшись, придерживая рукой больную спину.

Правда, послѣдніе часы въ подвалѣ полковникъ Казбегоровъ не скучалъ. Тройка „чекистовъ", послѣ его ареста, продолжала въ городѣ работать „успѣшно", и подъ вечеръ у „чеки" оказалось арестованныхъ въ подвалѣ около 20-ти человѣкъ; главнымъ образомъ изъ людей мастеровыхъ, городскихъ, которые ради спасенія своихъ семействъ отъ голодной смерти, безъ разрѣшенія и вѣдома „чеки", въ тотъ-же день покупали у крестьянъ хлѣбъ и муку для ѣды. Многіе изъ нихъ были сильно избиты прикладами, у одного — другого кровь текла изъ ушей и носа, а у пятерыхъ оказались порѣзанными штыками руки и ноги до крови. Изъ такой-то народной измученной толпы и вырвала судьба Давида Ильича на свободу и,. . . для дальнѣйшаго испытанія въ твердости его духа.

— А—а—а! . . — вскрикнулъ денщикъ Филиппъ полковнику на встрѣчу, когда тотъ появился у дверей; при этомъ, противъ воли, дѣлая видъ радости и смѣха, онъ назвалъ его своей фамиліей и на „ты": — Товарищъ Кабура! какъ ты сюда попалъ?. . . — А я тебя то ищу цѣлый день. . . Ты и забылъ, что намъ нужно сегодня-же ѣхать въ Петроградъ.

Полковникъ правильно понялъ маневръ; моргнувъ ему въ отвѣтъ лишь лѣвымъ глазомъ, онъ продолжалъ медленно итти къ столу „дежурнаго чекиста". Послѣдній же, тѣмъ временемъ, быстро поднялся и грозно остановилъ восторгъ Филиппа, ударивъ кулакомъ по столу:

— Товарищъ Казбегоровъ! — Послѣ будете объясняться, а пока я буду исполнять свою службу; немѣшайтесь! — Смирно! . . . — и Филиппъ замолчалъ.

А чекистъ, досталъ изъ ящика стола листъ бумаги и что-то быстро написалъ на немъ; а затѣмъ, на мигъ задумался, поднялъ голову, и сталъ зло, сурово, въ упоръ смотрѣть полковнику въ глаза. Сила воли у полковника оказалось значительно сильнѣе и чекистъ не выдержалъ его стойкости, медленно перевелъ свой взглядъ обратно на бумагу и тихо протянуль:

— Ваша фамилія и имя?

— Тамъ-же есть въ удостовѣреніи..., — отвѣтилъ полковникъ, замѣтивъ передъ чекистомъ удостовѣреніе Филиппа и понявъ его маневръ привходѣ.

— Ага! — Кабура Филиппъ... — кривя лицо, поспѣшилъ поправиться „чекистъ".

— Ваша прежняя служба? — Ахъ, да! — денщикъ... — Такъ ли?...

— Документу нужно вѣрить... — отвѣтилъ полковникъ.

— У кого ты былъ денщикомъ? — неожиданно чекистъ перешелъ на „ты".

— Мы былъ?... да, генералъ--штаба полковникъ... — отвѣтилъ полковникъ Казбегоровъ, умышленно склонивъ отвѣтъ немного на Кавказское нарѣчіе.

— А какъ фамиліе бывшаго властителя?...

— Не..., Какъ его?... — Да, Цепа! — послѣдовалъ отвѣтъ съ замѣшательствомъ; при этомъ Давидъ Ильичъ вспомнилъ Людмилу Рихардовну, ея просьбу — „быть дипломатичнымъ" и, нащупавъ у себя на груди крестикъ, мысленно перекрестился и невольно улыбнулся.

При этомъ, дежурный чекистъ ядовито замѣтилъ сквозь зубы:

— Вѣроятно здорово прицѣпливался къ тебѣ тотъ генералъ—штаба съ серебрянными погонами, что ты удралъ отъ него въ его же шубѣ и теперь направляешься въ - „красную гвардію"?... — продолжая допытываться, чекистъ все время мѣнялъ слова обращенія то на „вы" то на „ты".

— Да, „товарищество", были дѣла! — лаконически отвѣтилъ полковникъ и, какъ-бы подавленно вздохнувъ, опустилъ немного голову на грудь.

— Ах, да! — еще одинъ вопросъ: — а это твое удостовѣреніе?... — при этомъ чекистъ показалъ удостовѣреніе доставленное Филиппомъ.

— Да, наше... — безразлично отвѣтилъ полковникъ и чуть-чуть улыбнулся.

Чекистъ немного приподнялся, небрежно сунулъ полковнику удостовѣреніе, носовой платокъ его и другія мелкія вещи, а кошелекъ съ мелкими деньгами отложилъ въ сторону и вновь сквозь зубы процѣдилъ:

— Можете итти, оба! ... — Досвиданія, товарищи, смѣло ѣдте въ Петроградъ. .; тамъ для васъ работы хватитъ. . .

Полковникъ Казбегоровъ и его денщикъ Филиппъ молча повернулись и, какъ пули, вылетѣли на улицу. Ночь наступала темная и крапалъ мелкій дождикъ; они съ большимъ трудомъ, почти ощупью, выбрались изъ темнаго переулка на большую улицу, гдѣ была недалеко и ихъ гостиница „Россія". Только у входа въ подъѣздъ ея, полковникъ первый заговорилъ, тихо сказавъ Филиппу на ухо:

— Спасибо вамъ за „знаніе службы" и за „опытность солдатскую"! . . . — Имѣйте только ввиду, что и стѣны имѣютъ уши! ! ! — Не вѣрьте вежливости его притворной: она нагла и фальшива! . . .

— Понимаю! — тихо отвѣтилъ Филиппъ, и они молча вошли въ свою комнату.

Хозяинъ гостиницы, купецъ Патріотовъ, съ большой радостью и восхищеніемъ бросился на встрѣчу полковнику Казбегорову, дружески обнялъ его и разцѣловалъ. Послѣ того, похлопавъ и Филиппа по плечу, Патріотовъ выказалъ и ему свое вниманіе, и всѣ трое, по „демократически", усѣлись за приготовленный имъ ужинъ. Семья Патріотова къ тому времени успѣла уже выѣхать заграницу, а онъ самъ лично, только лишь ожидалъ удобнаго момента, по этому-то, отъ разговоровъ на политическія темы, на сей разъ старался вообще воздерживаться. Но горячность была. иногда. и не удержима: — съ одной стороны разгонъ 5 января „Учредительнаго Собранія" въ Петроградѣ какой-то именно маленькой „кучкой" вооруженныхъ наемниковъ красныхъ — возмущалъ его до глубины души за слабость русскаго народа, въ лицѣ, хотя-бы, интелигенціи, многомилліоной, бездѣйствующей и, изъ-за эгоизма, прячущейся за спину другихъ, а съ другой — весьма рискованный поступокъ денщика Филиппа Кабуры приводилъ его въ восторгъ; и онъ на сей разъ сорвался, въ заключеніе своихъ словъ, громко произнесъ:

— Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! — Видно, что прошелъ школу — службу подъ рукой полковника генеральнаго штаба; а Имперія и временная свободная власть Россійская все-же сама себя погубила на „сѣверномъ фронтѣ"..,

— Цс-с-с-с! — прошипѣлъ полковникъ Казбегоровъ на ухо Патріотову: — „Добрая, открытая русская душа, по простотѣ своей, можетъ погубить все дѣло“...

— Извините! — Я понимаю! — Это такъ, отъ радости... отвѣтилъ тотъ наивно, какъ ребенокъ улыбаясь.

Не топорясь, за ужиномъ, они намѣтили и планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Рѣшено: послѣ ужина сію-же минуту итти на станцію и выѣхать изъ Руссы поѣздомъ на Петроградъ въ 10 час. ночи, а на первой-же глухой станціи, въ провинціи, пересѣсть въ поѣздъ идущій въ 11 час. ночи изъ Петрограда черезъ Старую Русси и Дно, на Витебскъ. Намѣчено — сдѣлано: полковникъ въ точности исполнялъ идею своего плана, и ихъ поѣздка въ поѣздѣ на Петроградъ была весьма удачна. На первой-же, глухой и темной остановкѣ, въ полѣ, гдѣ происходило скрещеніе поѣздовъ, они незамѣтно для другихъ, пересѣли въ поѣздъ идущій обратно черезъ Руссу-Дно на Витебскъ, и влились въ толпу вагона III класса, гдѣ было хотя и холодно, но все-же сносно. Въ немъ было много ѣдущихъ на югъ за продовольствіемъ бывшихъ солдатъ и частныхъ лицъ; и среди нихъ: крикъ, шумъ, хаосъ, и далъ возможность „нашимъ героямъ“ молча занять верхнія полки и улечься тамъ спокойно спать.

Старо-Русская „чека“ и въ поѣздѣ не давала нашимъ „гражданамъ“ покоя. Тройки ихъ и здѣсь, по вагонамъ, работали энергично, но уже съ меньшими успѣхами. Вообще имъ, контролирующимъ документы у пассажировъ и у ѣдущихъ на югъ за продовольствіемъ, отвѣчали сидящіе внизу уволенные изъ армій и ѣдущіе домой солдаты: „тамъ спятъ, молъ, мѣстные красногвардейцы, ѣдущіе на Витебскъ по дѣламъ службы“. И полковникъ спокойный, смѣясь послѣ того въ душѣ, угощалъ смѣльчаковъ папиросами, а Филиппу говорилъ всякія глупости, свойственныя для друга, равнаго себѣ. Одинъ только Филиппъ и понималъ его; отвѣчалъ ему тѣмъ-же, называлъ его на „ты“, и даже предлагалъ курить, сохраняя лишь тактику приличія, а имена и фамиліи другъ-друга условились мимикой не говорить. При такихъ условіяхъ для „свободныхъ“ пассажировъ, на слѣдующій день около 8 час. утра, ихъ поѣздъ прибылъ на ст. Витебскъ.

На перонѣ ст. Витебскъ нашимъ „новымъ гражданамъ" сразу-же представилась трогателная картина: — толпой стоитъ отрядъ оборванныхъ—красногвардейцевъ, но вооруженныхъ винтовками съ примкнутыми штыками; а, документы провѣрять приступили „солидныя лица" и, какъ видно, — изъ главныхъ руководителей мѣстной „чеки". Все вниманіе „контролеровъ", конечно, сосредоточено было на мѣшкахъ и узлахъ съ продовольствіемъ; и, горе собственникамъ такого цѣннаго „клада": мѣшки и узлы съ мукой и съ продовольствіемъ тутъ-же отбирались, а несчастныхъ „собственниковъ" ихъ арестовывали и подъ сильнымъ конвоемъ отправляли въ мѣстную Витебскую „чеку", судьба которымъ заранѣе была уже предрѣшена.

При провѣркѣ документовъ наши „герои" прошли благополучно. И тутъ же, на станціи Витебскъ, полковникъ Казбегоровъ осторожно, по — секрету, немедленно вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ знакомыхъ ему носильщиковъ № 930 и, черезъ него-то, досталъ нѣсколько фунтовы хлѣба и немного колбасы и снабдилъ ими Филиппа въ дальнѣйшую дорогу, давъ ему и 500 рублевый билетъ, какъ подарокъ.

— Вотъ вамъ, Филиппъ, и вашъ документъ, а мой давайте мнѣ; — тихо сказалъ полковникъ, передавая ему удостовѣреніе и усаживая его въ поѣздъ, отходящій въ 8,30 час. на Смоленскъ, Брянскъ и далѣе на югъ: — Вы выдержали экзаменъ на право жизни... — Богъ поможетъ вамъ пробраться и черезъ красный фронтъ, къ себѣ, домой... — Молитесь только Богу и держитесь дороги Брянскъ, Суджа Полтава, уклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, по надобности... — и, получивъ свое удостовѣреніе онъ, обнялъ Филиппа и разцѣловалъ.

У Филиппа на глазахъ появились слезы и, какъ видно, они его душили сильно: онъ не могъ даже проговорить въ отвѣтъ, ни слова. И толь съ трудомъ какъ—то протянулъ:

— Понимаю! — Все исполню въ точности! — и еще что—то шепталъ, но слезы у него лились ручьемъ и онъ только тяжело стоналъ.

— Ну, счастливой вамъ пути! . . . — въ послѣдній разъ сказалъ полковникъ, еще разъ поцѣловалъ его, но скоро поѣздъ тронулся, а Филиппъ все еще не могъ заговорить споковно. Онъ плакалъ, плакалъ такъ, какъ плачетъ ма

ленькій ребенокъ, оставленный отцомъ въ полѣ: безъ помощи, безъ надзора, безъ наставника - руководителя. Ему рисовалась страшная и голодная жизнь впереди. Онъ не вѣрилъ и въ тѣ блага блаженствъ и довольства, которыя эулятъ и обѣщаютъ подобные-же ему люди, имѣнующіе себя „товарищами“ и „комитетчиками - комиссарами“. И когда полковникъ, на ходу поѣзда, выскочилъ уже на перонъ, онъ сквозь слезы смутно замѣтилъ это, живо вытянулся въ стронку, какъ солдатъ въ строю, поднялъ руку подъ козырекъ и прошепталъ:

— Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. . . — до послѣдняго момента употребляя слова обращенія къ начальнику-офицеру, существовавшія въ Россійскихъ арміяхъ. Какъ только поѣздъ скрылся за поворотомъ, полковникъ Казбегоровъ круто повернулся и пошелъ на станцію, гдѣ, съ помощью носильщика, кое какъ досталъ извозчика: фаэтонъ, рессоры котораго укрѣплены веревками, а запряженная лошадь — худая кляча о трехъ ногахъ, а четвертая. задняя, висѣла въ воздухѣ, какъ-бы въ запасѣ, что-бы опереться на случай паденія.

За такое состояніе хозяйства въ городѣ, носильщикъ № 935 поспѣшилъ извиниться передъ полковникомъ; причемъ, откровенно добавилъ: „товарищи, молъ, за три мѣсяца своего хозяйничанья, довели жизнь до того, что нетолько животнымъ, но и людямъ нечего ѣсть въ городѣ; хотя до октября 1917 года этотъ извозчикъ и былъ первоклассныхъ лихачемъ“: Разруха, конечно, во всемъ была видна коментаріи излишни и поэтому то, полковникъ ничего не отвѣчая на затронутую тему, молча отпустилъ его, а извозчику сказавъ адресъ, куда слѣдуетъ ему ѣхать съ вещами, самъ - же пошелъ туда пѣшкомъ.

— Вотъ тебѣ и настало время, свобода, когда мѣста лакея и шофера нельзя достать, неговоря уже, конечно, о мѣстахъ кухарки и прачки для жены: варить нечего и стирать некому. . . — разсуждалъ самъ съ собою полковникъ, идя на квартиру къ родителямъ жены и разсматривая по сторонамъ городъ Витебскъ, который сильно опустился; а тротуары и мостовыя его представляли видъ сильно изрытаго кладбища. Стояла холодная и малоснѣжная зима 7 января 1918 года.

XI.

Родители Людмилы Рихардовны, старики Цепы, проживали въ городѣ Витебскѣ по Большой Горной улицѣ № 21, въ небольшомъ домикѣ, особнякѣ съ верандой въ большой красиво разбитый садъ. Въ этомъ-же домикѣ и Людмила Рихардовна заняла одну большую, роскошно обставленную комнату для себя и мужа. И вотъ, когда Давидъ Ильичъ вошелъ въ переднюю и сложилъ аккуратно свои вещи на скамьѣ, ему уже тогда почудилось, что онъ своей персоной только можетъ стѣснять жильцовъ этого тихого, уютнаго уголка — квартиры; тѣмъ болѣе, никого изъ людей не видно было, а въ комнатахъ и вокругъ всего стояла тишина. Онъ тихо, наноскахъ, поспѣшилъ выйти черезъ веранду въ садъ.

Тишина сада также не обрадовала его; все кругомъ по зимнему: снѣгъ, а мѣстами и черная земля на обнаженныхъ дорожкахъ, напоманали ему туже пустоту и мертвую жизнь, какъ и въ самомъ городѣ; и только пріятно было выдѣть, когда низко на гарнизонтѣ показалось солнышко, ярко свѣтящее и чуть ласкающее скользящими короткими лучами; но и оно стало быстро подыматься, бросивъ на вновь пріѣхавшаго сюда „южанина" тѣнь отъ деревьевъ и ближайшихъ къ нему построекъ. Давидъ Ильичъ въ раздумьѣ остановился. Ни высокое развитіе его чувствъ, какъ „lé docteur psychologue", ни стойкость военной тактики и хактера, какъ офицера генеральнаго штаба въ чинѣ полковника, на этотъ разъ не спасали его отъ общечеловѣческой слабости. Горькій выводъ его: „и такъ во всей Странѣ Великой" . . . открылъ дорогу двумъ крупнымъ слезинкамъ, покатившимся у него по щекамъ. Онъ быстро оглянулся назадъ и увидѣлъ у дверей веранды, внѣзапно появившуюся на высокихъ ступенькахъ, задумчивую Людмилу Рихардовну. Ея средняго роста красивая фигурка, обтянутая сѣрымъ теплымъ платьемъ, съ накинутой на плечи шалью, неопредѣленно мерещилась противъ солнца.

— Дэзи! Моя радость! — вскрикнула она: — Почему же ты не идешь въ комнату. . . — и бросилась ему на встрѣчу.

— А вотъ, рѣшилъ немного осмотрѣться вокругъ. . . — отвѣтилъ онъ, и обнялъ жену.

Они поздоровались и медлено направились обратно на веранду. Отъ ея неприкрытыхъ волосъ въ лицо Давиду Ильичу пахнуло свѣжимъ и теплымъ запахомъ знакомыхъ ему духовъ „сирени", и они вновь слилися въ горячемъ поцѣлуѣ, стоя на верандѣ.

— Хорошо-ли ты устроилъ свои дѣла? — тихо, ласково спросила она у мужа; а затѣмъ, немного подумавъ, дополнила: — Ты, теперь, свободный? . . . А гдѣ-же „нашъ" Филиппъ? . . . — Я видѣла подъ-рядъ двѣ ночи плохіе сны, и очень за тебя боялась. . .

— Ничего, пока идетъ все хорошо! . . . И я, и Филиппъ, медицинской комиссіей врачей, освобождены отъ службы по болѣзни. . . — дальше онъ вкратцѣ разсказалъ про „инциденты" въ „Старо-Русской чекѣ", про геройскій подвигъ Филиппа, про бѣгство ихъ на Петроградъ и наконецъ, про проводы Филиппа въ Витебскѣ на станціи, домой, въ Полтавскую губернію.

Людмила Рихардовна не огорчилась за то, что онъ не вошелъ сразу въ комнату. На верандѣ было теперь тепло и чисто. Низкое зимнее солнышко хотя и скользило своими короткими лучами, но достаточно пригрѣвало черезъ широкія окна веранды и радовало ее. Она быстро помогла мужу раздѣться, отнесла въ переднюю верхнюю одежду, а его крѣпко обняла и еще разъ поцѣловала, и увлекла присѣсть около нея на кушеткѣ, противъ селица, подѣлиться новостями и разсказать чувства, накопившіяся за двѣ недѣли ихъ разлуки.

— Мое чувство, — между прочимъ, ласково заговорила она: — такое . . . таинственное и важное чувство, неразрывно связанное съ тобою, наполняетъ мою душу. . . — Я много перестрадала за это время, думая о тебѣ. . . какъ ты отдѣлаешься отъ настоящаго „узурпаторства"?...

Дальше она не могла продолжать. Склонивъ головку ему на грудь, она слушала внимательно его сардце - біеніе и считала „пульсъ“. Но оттого, что онъ и самъ весь былъ наполненъ грустными, раздраженными чувствами о тяжелыхъ условіяхъ жизни, или отъ другихъ непонятныхъ ему причинъ, но всѣ эти признанія почему-то раздражали его, вызывали сомнѣнія во всемъ, и онъ только тихо спросилъ ее:

— Миля! — А любишь-ли ты, теперь, меня какъ мужа-друга. . . Вѣдь теперь такія времена? . : . — осторожно заключилъ онъ, какъ-бы боясь разбудить ее.

— Развѣ можно спрашивать объ этомъ? — не подумала, а скорѣе почувствовала она и крѣпче прежняго прижалась къ мужу, благодарно заглядывая ему въ глаза за то, что онъ заговорилъ съ нею не о чемъ иномъ: ненужномъ, мертвомъ, пошломъ, а именно — о взаимной любви и преданности одного къ другому въ такое время: братоубійства, насилія, грабежа и разоренія въ Россіи.

— Очень! — Ты вся жизнь моя. . . — отвѣтила она такъ тихо, что Давидъ Ильичъ скорѣе угадалъ, чѣмъ услыхалъ, и сдѣлала мужественное усиліе, что-бы улыбкой удержать счастливыя слезы, выступившія на глазахъ. Но въ тоже время, въ голосѣ ея послышалась и какая-то тоскливая нотка, которая вызвала еще больше жалости къ ней и ненависти къ окружающему; въ душѣ Давида Ильича больно защимѣло:

— За что же? — нехотя спросилъ онъ, самъ пугаясь своего вопроса: — теперь вѣдь такая мода — мужъ незнаетъ жены, а жена — мужа, всѣ возстали одинъ противъ другого. . ,

Она удивлено взглянула на него, но не увидѣла его лица и тихо, притворно, засмѣялась:

— Гражданинъ ты! — За что?!... — За все!... — Развѣ ты самъ уже разлюбилъ меня? . . . — Я вижу по твоимъ глазамъ и чувствую по біенію твоего сердца, что нѣтъ. . . И ты такой-же хорошій, добрый, честный, геній, рыцарь мой, какимъ былъ и раньше. . .

— . . . великій ученый, красивый, сильный, герой! — хотѣла добавить она, но до слезъ покраснѣла и обхватила его за шею. . .

— Да, еще одна новость; я, теперь, твоя законная жена — „Людмила Рихардовна Казбегоровъ, урожденная Цепа"... — вновь заговорила она улыбаясь. А затѣмъ, быстро поднялась и достала изъ ручной сумочки свой паспортъ, новенькій, недавно полученный изъ Управленія „настоящей красной" городской милиціи и передала мужу въ руки: — Здравый разсудокъ подсказалъ мнѣ, — пояснила она: Всѣмъ извѣстно, что я твоя жена. Какая? — это дѣло другое. . . . Я умру, но въ другихъ случаяхъ тебя не оставлю; а настоящее разложеніе страны, армій, власти, общества и семействъ, какъ долго оно будетъ продолжаться? — Да и вся жизнь, теперь, переведена на карточки: поятъ, кормятъ и одѣваютъ только по карточкамъ, „скоты"; а паспортъ и для этого-то нуженъ. . . Вотъ мнѣ и пришелъ на помощь пропускъ на проѣздъ, выданный корпуснымъ комиссаромъ Короваемъ.

— Не надо, не надо вспоминать всякихъ теперешнихъ комиссаровъ; они всѣ мнѣ кажутся противными и наглыми, до тошноты; вѣдъ съ сѣвернаго-же фронта, эта язва, гроза для всего міра. . . — и онъ немного примолчалъ, какъ-бы обдумывая случившееся и сказанное имъ: — Ну, чтоже, — снова началъ онъ: — это практично, теперь, и хорошо! . . — Ты такая славненькая и хорошенькая — моя „собственная" жена и мадамъ Казбегоровъ оффиціально! . . .

Людмила Рихардовна немного призадумалась. Она не могла понять его сразу: шутитъ-ли онъ или говоритъ серьезно и чистосердечно. Но вдруъ лицо ея прояснилось, на щекахъ улыбка пробѣжала, она подняла свою свѣтлую головку и бросила на него свой ласковый взглядъ.

— Ты, замѣчательна сегодня, мила и очаровательна, мадамъ Казбегоровъ. . . продолжалъ шутить Давидъ Ильичъ съ улыбкой, нѣжно посматривая на жену.

— . . . . . — Я сама хотѣла этого и почти два года добивалась чести, быть твоей женой на вѣки.

— . . . а ты. . . все-же мой, и мой и мой, — хотѣла добавить Людмила Рихардовна, но сильно покраснѣла и предпочла лишь схватить его за руки:

— Какъ-бы нибыло здѣсь тепло и мило, а все-же идемъ въ комнату свою. — Папа теперь на службѣ, и вернется домой только — лишь подъ вачеръ, а мама больна, въ кровати; она простила тебѣ все, и про жизнь въ Ригѣ больше

ие вспоминаетъ; будь только остороженъ съ нею въ разговорахъ. . . – Иди сначала къ ней, а я займусь приготовленіемъ завтрака и на кухнѣ по хозяйству. . . — и они, держа другъ-друга за руки, поднялись и перешли въ комнату свою.

Давидъ Ильичъ на скорую руку привелъ себя въ порядокъ, переодѣлся и поспѣшилъ навестить старушку — „тещу“, которая дѣйствительно была больна, въ постели. Сильно простудившись стоя въ очереди за хлѣбомъ, она тѣмъ не менѣе приняла его, какъ заботливая „матерь“, усадила на стулъ около кровати, все время интересуясь о жизни въ странѣ и о работѣ „красныхъ“:

— Трудно что нибудь опредѣленное, теперь, сказать, — заключилъ Давидъ Ильичъ: — каждый дѣлаетъ по своему и кто сильнѣе и ловчей, тотъ и властвуетъ надъ чужимъ добромъ. . . — Мало того, беретъ за горло, душитъ, рѣжетъ, убиваетъ. . .

— Ахъ, я совсѣмъ разочаровалась въ „товарищахъ:“ прошлое лѣто и осенью говорили одно, а когда власть взяли въ свои руки, то дѣлаютъ другое. . . Просто житья нѣтъ! Страшно становится за нихъ! . . . Они въ могилу меня гонятъ. — Но, съ надѣждою на Творца. . ., чувствую себя немного лучше со вчеращняго дня. . . — Да, и Авдушъ пишетъ, — ихъ дѣла въ военномъ училищѣ идутъ также плохо; товарищи-большевики хотятъ закрыть его. . . — но въ это время вошла Людмила Рихардовна и „мамаша-теща“ замолчала, немного улыбнувшись падчерицѣ на встрѣчу.

Людмила Рихардовна молча поцѣловала свою больную мачиху и демонстративно, на ея же глазахъ, обвила руками за шею мужа и просто проговорила:

— Дэзи! — Идемъ завтракать, а послѣ — тебѣ нужно будетъ также хорошенько отдохнуть и выспаться. . . Ты. . . совсѣмъ переутомился за двѣ недѣли скитанія по комиссіямъ и госпиталямъ.

— Идите, идите дѣтки, подкрѣпитесь! — простонала „мамаша“.

И они поднялись, по очереди поцѣловали больную мачиху свою и ушли, держа одинъ другого за руки. За завтракомъ Давидъ Ильичъ поинтересовался и про Авдуша, о которомъ впервые услыхалъ отъ мачихи ея.

— Кто нибудь изъ насъ да виноватъ, — улыбаясь объяснила Людмила Рихардовна: — Авдушъ — это мой младшій братъ; въ прошломъ году весною окончилъ высшее учебное заведеніе въ Казанѣ; былъ и у насъ въ Ригѣ, всего лишь полъ—дня, когда ты былъ на позиціяхъ съ ранняго утра до поздней ночи. Тогда я дала ему отъ твоего имени хорошій гостинецъ и онъ вечеромъ уѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ и принятъ былъ въ Военно-техническое училище, юнкеромъ старшаго курса. — А теперь, вотъ, видишъ, нехотятъ содержать такое училище и думаютъ его закрыть, какъ пишетъ объ этомъ и Авдушъ; онъ пріѣдетъ, конечно, къ старикамъ. Ему 25 лѣтъ отъ роду. . .

— Вотъ такъ новость! — Удивленно произнесъ Давидъ Ильичъ и посмотрѣлъ серьезно на жену.

— Ну, не сердись, что я до сихъ поръ не посвятила тебя въ это родственное дѣло, — улыбаясь сказала она: — Твоя жена искупитъ свои грѣхи передъ тобою. . .

— А какой-же у него характеръ? поинтересовался, между прочимъ, Давидъ Ильичъ и также улыбнулся.

Получивъ положительный отвѣтъ, онъ еще разъ взглянулъ на жену съ улыбкой, а затѣмъ поспѣшилъ перемѣнить и тему разговора. Въ этомъ случаѣ, Людмила Рихардовна правильно поняла его и, поокончаніи завтрака, предложила ему скорее итти и отдохнуть, послѣ двухнедѣлныхъ невзгодъ и бѣгства отъ „чеки".

Съ мнѣніемъ жены Давидъ Ильичъ на этотъ разъ согласился безъ — говорки: молча поднялся изъ — за стола, поблагодарилъ за завтракъ, и ушелъ въ свой уголъ.

— Теперь и у меня будетъ все въ порядкѣ: мужъ дома. — Ну, спи спокойно, и не бойся ничего; сюда никто другой не зайдетъ! — Людмила Рихардовна ласково шутя и тепло укрывая мужа, зыкрыла, послѣ того, и внутреннія ставни, а сама тихо вышла обратно въ столовую.

Усталый и измученный въ Старо-Русской „чекѣ", Давидъ Ильичъ скоро согрѣлся и, при уютной, тихой обстановкѣ, сладко заснулъ. На этотъ разъ, сонъ ему вернулся крѣпкій, моментальный, какимъ и ранше былъ счастливъ. Правда, въ послѣднее время его спокойствіе было нарушено усиленной работой въ штабѣ корпуса и безсонными ночами при тревожномъ бѣгствѣ отъ сильно покраснѣвшаго сѣвер-

наго фронта. Сновидѣнія ему также были чужды; да онъ по своему характеру, и не придавалъ имъ значенія, всегда старался лучше не вспоминать ихъ. Но на этотъ случай, какъ разъ и оказался онъ безсильнымъ.

Какъ долго спалъ, этого онъ не помнитъ, и въ дневникѣ его оставленъ большой пробѣлъ. Но не ожиданно какъ то, вдругъ слышитъ крикъ, шумъ и ругань; толпа какихъ-то вооруженныхъ винтовками людей врывается къ нему въ спальню и, схвативъ его за ноги, тащитъ прочь изъ кровати. Что-то кричатъ ему, бранятся пошлыми словами, и одинъ изъ толпы даже штыкъ къ груди ему приставилъ: защищаться — мелькнуло въ головѣ его, но нѣчемъ, да и руки и ноги не слушаются его какъ будто-бы онѣмѣли; кричать — языкъ также не слушается и ротъ чемъ-то набитъ гадкимъ, до тошноты отвратительнымъ; и вотъ, онъ чувствуетъ на груди что-то горячее, липкое; и, сильная жгучая боль и собственный его невольный крикъ — „ай!", заставили очнуться и открыть глаза; дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ немного приподнялся: Въ комнатѣ было темно и тихо. Онъ поспѣшилъ за спичками къ столу и освѣтилъ, заглянулъ подъ кровать, также никого нѣтъ; но на груди все еще чувствуется мѣсто жгучей боли; ощупалъ грудь и больное мѣсто: грудь цѣла. . .

— Фу, какой кошмаръ! — подумалъ онъ.

Но въ это время въ комнату влетѣла Людмила Рихардовна; съ испуганнымъ лицомъ и вся дрожа, она бросилась къ мужу:

— Дэзи! Что съ тобою? — До меня на кухню донеслись тревожные крики. . . . — и она зажгла лампу на столѣ.

Онъ вкратцѣ разсказалъ ей, смѣясь, свое сновидѣніе и, взявъ жену за руки, усадилъ ее на стулъ около кровати.

— Ты долго проспалъ на одномъ боку, около 7 часовъ, по этому-то и видѣлъ такой гадкій сонъ, — просто объяснила Людмила Рихардовна причину сна: — На дворѣ темно; скоро и папа прійдетъ домой. . .; подымайся, и будемъ ужинать вмѣстѣ. . — Вѣдь ты съ нимъ въ Ригѣ жилъ „душа въ душу" и кажется, были оба задушевными друзьями и убѣжденнѣйшими конституціоналистами. . . — Онъ часто тебя вспоминалъ и иначе и не называлъ, какъ „мой

„Дэзи“, и при этомъ, всегда смотрѣлъ на меня съ улыбкой, вспоминая 26 октября 1916 года*).

— Да, онъ меня понимаетъ, какъ понимаю и я его, по этому-то мы и друзьями стали, и надѣюсь — будемъ таковыми навсегда. . . — скороговоркой отвѣтилъ Давидъ Ильичъ, и началъ одѣваться.

Людмила Рихардовна улыбнулась и заговорила о первыхъ встрѣчахъ съ мужемъ въ поѣздѣ 10 мая и 4 ноярбя 1916 года; вспомнили и студенческіе годы его заграницей, а ея въ Петроградѣ, когда Давидъ Ильичъ былъ уже въ академіи генеральнаго штаба, и оба сильно разсмѣялись, прославляя доброе и счастливое „хорошее былое время“. Но въ это время въ передней раздался звонокъ, и онъ поднялся, взялъ лампу и вышелъ отворить дверь.

— А-а-а! — И Давидъ Ильичъ пріѣхалъ! — восхищенно протянулъ тесть, старикъ Цепа, входя въ переднюю — Ну какъ живете? — Какъ здоровье? . . — и оба другъ-друга крѣпко поцѣловали, изъ-за вежливости называя одинъ другого на „вы“, такъ какъ слово „ты“ въ то время всюду употреблялось сильно покраснѣвшими „товарищами“ и всѣми большевиками, и звучало какъ-то вульгарно, пошло.

— Ничего, папаша! — Слава Богу, живу вашими молитвами, и вотъ добрался все-же и до васъ живымъ . . — съ улыбкой отвѣтилъ Давидъ Ильичъ.

— Да, въ это время рѣдкость въ живыхъ остаться! . . Я каждый день вспоминалъ васъ и Бога молилъ, что-бы онъ оградилъ-бы васъ отъ этихъ „супостатовъ-красныхъ“... Да, впрочемъ, что тутъ и говарить объ этомъ, сами, вѣдь, знаете хорошо. . . — А какъ чувствуетъ себя жена? — Надо пойти провѣдать и ее — и онъ переодѣвшись, направился въ комнату больной жены.

Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ, накрыла столъ, подала ужинъ, и усадила мужа около себя, по разъ заведенному ею обычаю, а отцу приготовила приборъ и кушанье напротивъ.

— Я теперь, готовъ! — Жена, кажется, немного стала поправляться. . . — весело проговорилъ отецъ Цепа, выходя изъ комнаты больной: — Теперь можно и закусить. . .

---

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“.

Людмила Рихардовна улыбнулась отцу и, зная его отношенія къ ея мужу, заговорила съ тактомъ опытнаго семейнаго дипломата:

— Ты, папа, насъ прости! — Мы одна изъ многихъ жертвъ, какъ и большой численный офицерскій составъ разрушенныхъ армій, въ особенности сѣвернаго фронта; ихъ семьи и многая интелигенція сѣвернаго края, первые принявшіе на себя удары революцій и октябрьскаго братоубійственнаго гоненія, грабежа и разоренія. . ., и теперь. . .

— Довольно, дочурка, довольно! — перебилъ ее папаша Цепа: — Спасибо за память. . . — и онъ быстро поднялся и направился къ буфету, гдѣ, въ нижнемъ отдѣленіи, между вещами, досталъ какую-то бутылку съ бѣлой прозрачной жидкостью и запечатанную бѣлымъ сургучемъ: — У меня, для Давида Ильича, есть не коньякъ и не красное Кавказское вино, а настоящая „царская", съ бѣлой головкой... — и онъ, съ ловкостью опытнаго, гостепріимнаго хозяина — отца, украсилъ столъ рюмками и бутылкой очищенной, съ бѣлой головкой.

Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ успѣла поцѣловать мужа въ щеку и шепнуть ему на ухо нѣсколько словъ милаго комплимента. Отецъ, конечно, замѣтилъ это и улыбнулся, но примолчалъ. А за рюмкой водки, всѣ какъ-то скоро разговорились: вспомнили Ригу и о причинахъ сдачи ея почти безъ боя; коснулись и октябрьской революціи съ ея послѣдствіями и тяжелыхъ условій жизни въ будущемъ; и подъ конецъ всего, подымыясь изъ-за стола, отецъ Цепа высказалъ и свои чувства честнаго гражданина:

— Дѣти! Отдыхайте, присматривайтесь, наблюдайте настоящую жизнь, но не увлекайтесь ею, охраняйте другъ-друга отъ „красной заразы" и, повозможности, избѣгайте общенія съ ея руководителями, а я иду спать сію минуту; за день усталъ порядкомъ. — Завтра, рано утромъ, я самъ пойду въ очерь за хлѣбомъ. . ., да, и прочіе продукты принесу...

— Какой ты, папочка, хорошій! — вскрикнула Людмила Рихардовна: — Мою и Дэзи работу берешь и теперь ты на себя. . . — и она бросилась отцу на шею и горячо разцѣловала

Но отецъ Цепа былъ неумолимъ: пожавъ руку Давиду Ильичу, поцѣловавъ Людмилу Рихардовну въ лобикъ и,

пожелавъ имъ покойной ночи, онъ ушелъ въ свою комнату спать.

Жизнь Людмилы Рихардовны и Давида Ильича, въ разлагающей красной атмосферѣ Витебска, потекла тихо, мирно, безъ опредѣленныхъ занятій; гдѣ только можно, они старались, конечно, скрывать свое общественное и соціально-экономическое положеніе, выдавая себя за туристовъ—датчанъ. Всюду, провожая свободное время только въ двоемъ, они даже въ очереди за хлѣбомъ и то въ двоемъ стояли. Имъ, обоимъ вмѣстѣ, казалось какъ-то веселѣе и не страшно. Днемъ въ лавочку или на базаръ за овощами — тоже въ двоемъ; и корзиночку несутъ въ двоемъ, какъ дѣти.

— Такое время, Дэзи! — Я сама боюсь оставаться дома или итти куда-либо безъ тебя... — обыкновенно объясняла она причину сопровожденія мужа: — Тебя всюду могутъ схватить одного и сразу—къ стѣнкѣ, и я ничего не буду знать; и даже не смогу помочь тебѣ въ чемъ либо.

Вечера, въ такихъ случаяхъ, правда, они проводили дома за чтеніемъ, рукодѣліемъ и игрой; но дневное время, почти что каждый день, дѣлали большія прогулки; иногда навѣщали и своихъ старыхъ друзей и знакомыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, для проформы, подыскивали и мѣсто частной службы для Давида Ильича. Частному наблюдателю ихъ жизни, со стороны казалось, что дѣйствительно поведеніе супруговъ проходитъ всюду такъ, какъ-бы и молодыхъ друзей, учащихся студентовъ. Сами-же Казбегоровы также не отрицали своихъ чувствъ и привязаности одного къ другому, и открыто заявляли своимъ роднымъ и хорошимъ знакомымъ:

— „Мы проводимъ свободное время подъ ударами возставшаго народа одинъ противъ другого, невинно проливая человѣческую кровь! — За что? — А охраняя сами себя, мы тѣмъ показываемъ примѣръ другимъ, какъ нужно жить по братски... — Вѣдь жизнь дана одинъ разъ...

Всегда добрая, съ извѣстнымъ тактомъ и выдержкой, свойственными высоко-развитой натурѣ молодой дамы, Людмила Рихардовна какъ то разъ, въ холодный зимній вечеръ конца января 1918 г., сидѣла съ мужемъ дома за чтеніемъ книгъ. Неожиданно она прервала чтеніе, поблѣд-

нѣла и, откинувшись на спинку дивана, тихо проговорила:

— Дэзи!... вѣдь ты мой хранитель-ангелъ?... — Въ это тяжелое, смутное время, когда кровь человѣческая льется рѣкой, братъ возсталъ на брата, народы на народовъ, на мою долю выпадаетъ отвѣтственная обязанность „матери“... — и она горько заплакала.

Давидъ Ильичъ ничего не отвѣтилъ; онъ только быстро поднялся и, своимъ горячимъ поцѣлуемъ, прекратилъ ея рыданія. Она скоро успокоилась и ласково вновь заговорила:

— Ты хочешь знать теперь-же, какое будетъ имя le' nouveaunèi...? — и она улыбнулась мужу.

— Конечно, хочу! — какъ-бы въ шутку, отвѣтилъ онъ, стараясь успокоить и развлечь жену.

И она попросила два листа бумаги, карандашъ и блюдечко На одномъ листѣ начертила кругъ, равный окружности блюдечка, а затѣмъ начертила и второй кругъ, немного побольше перваго; и между линіями, на протяженіи всей окружности, написала всѣ буквы въ алфавитномъ порядкѣ; затѣмъ, въ одномъ мѣстѣ края блюдечка сдѣлала черту карандашемъ, и перевернула его на кругъ дномъ вверхъ такъ, что черта пришлась противъ буквы „а“. Другой листъ бумаги и карандашъ, отдала обратно мужу, пояснивъ:

— Записывай въ одну строчку тѣ буквы, которыя я буду диктовать... — и онъ тихо протянулъ слово согласія: — „хорошо“.

Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ, положила свободно пальцы лѣвой руки по дно блюдечка и задумалась. Условились не разговаривать. Настала жуткая тишина. Прошло съ полчаса времени, на блюдечко стоитъ, а Людмила Рихардовна, закрывъ глаза, продолжаетъ держать пальцы лѣвой руки на днѣ блюдечка, немного въ обхватъ его. Давидъ Ильичъ хотѣлъ было уже заговорить и выкинуть какую-то шутку, какъ вдругъ замѣтилъ сильное дрожаніе руки жены и круженіе подъ пальцами блюдечка, во всѣ стороны чертой, какъ будто бы оно что-то ищетъ. Она открыла глаза и наблюдаетъ за чертой. Блюдечко стало крутиться быстрѣе то въ одну, то въ другую сторону, нѣсколько разъ даже кругомъ обкрутилось; наконецъ стало крутиться мед-

леннѣе, и чертой остановилось на какой-то буквѣ: — Людмила Рихардовна проговорила „б“; дальше блюдечко также крутилось и чертой останавливалось на соотвѣтствующихъ буквахъ и она, монотонно, съ перерывами, диктовала: „р“, „и“, „о“, „н“...

— Я, устала и больше не могу! — тихо заявила она и убрала руку съ блюдечка; а затѣмъ, ласково взглянувъ на мужа, спросила: — прочти, что тамъ выходитъ?...

— „Б—р—і—о—н—ъ“! — протянулъ Давидъ Ильичъ.

— Вотъ, видишь! — По одному имени можно уже судить, le' fils!... имя которому „Бріонъ“... Это имѣй ввиду, Дэзи... — замѣтила серьезно Людмила Рихардовна, поднялась и поцѣловала мужа: — Идемъ лучше спать; уже вѣдь, часъ ночи... Теперь можемъ спать и до полудня: „мама“ поправилась и завтракъ намъ подастъ сюда, къ кроватямъ; я и записочку ей оставила въ столовой...

Давидъ Ильичъ молчалъ. Онъ думалъ не о шуткахъ и не о предсказаніяхъ жены, и о ея чувствахъ и предложеніи матери: — подать завтракъ къ кроватямъ, а думалъ о Неумолимыхъ и Всѣсильныхъ законахъ природы, творящихъ конечное въ міровой безконечности... Въ концѣ концовъ все-же рѣшилъ послѣдовать примѣру жены, и ушелъ къ себѣ за ширму, подумавъ: „Если „чужіе“ люди отняли у насъ родину, и очень многихъ начали мучить и уничтожать, то и заявленіе жены есть ничто иное, какъ воля „Природы“ стремящаяся переубѣдить отпрыски человѣчества въ безцѣльности его кровавыхъ дѣлъ.

Сонъ былъ милъ и сладокъ, въ особенности къ утру, но кто-то сталъ усиленно звонить въ передней, и Давидъ Ильичъ быстро поднялся, одѣлся и пошелъ отворить дверь. Вошли два незнакомыхъ ему солдата, безъ кокардъ и безъ погонъ. Правда, одного изъ нихъ онъ въ догадку признавалъ за брата жены, Авдуша, по сходству его лица съ лицомъ тестя. Было уже 8 час. утра. Свѣтло. Незнакомцы, тутъ-же въ передней, представились ему какъ юнкера Военно-Техническаго училища: „Авдушъ Цепа“ и „Касушъ Фруктъ“. Давидъ Ильичъ также назвалъ свое бывшее служебное положеніе, чинъ и фамилію.

— Я, васъ узнаю, господинъ полковникъ!.. — вежливо заговорилъ юнкеръ Цепа: — Въ прошломъ году, весною былъ у васъ на квартирѣ въ Ригѣ но, повидаться, не удалось. А затѣмъ, сестра и отецъ много разъ писали мнѣ о васъ; да и въ Петроградѣ, въ нашемъ училищѣ, многіе говорили о васъ съ восхищеніемъ и, съ благодарностію вспоминали за защиту чести армій и офицеровъ и за поднесенную „плевуху" комиссару Скудному... — и онъ весело разсмѣялся, назвавъ послѣдняго — „предателемъ — юдасомъ".

— Ого! Какъ далеко разлетѣлась моя новость... подумалъ полковникъ Казбегоровъ, но сразу опомнился и заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ, приглашая юнкеровъ раздѣваться и слѣдовать въ комнаты: — Надѣюсь, въ „товарищей" превратиться не успѣли...

— Будте спокойны, полковникъ! — И прошу положиться на меня... — весело и добродушно отвѣтилъ юнкеръ Цепа, тогда какъ юнкеръ Фруктъ стоялъ молча; съ сердитымъ и неудовлетвореннымъ выраженіемъ лица, онъ не принялъ предложенія полковника „раздѣваться" и „присѣсть", и чего-то ожидалъ.

Но скоро въ столовую вошли старики Цепы, и началась семейная и дружеская съ Фруктомъ встрѣча и обьясненія. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Давидъ Ильичъ поспѣшилъ оставить ихъ и ушелъ въ свою комнату, вынеся очень скверное впечатленіе о юнкерѣ Касушѣ Фруктѣ; отъ котораго, по его мнѣнію, въ Совѣтскомъ царствѣ можно ожидать всего.

Отъ шума и толкотни въ столовой Людмила Рихардовна также проснулась и, недовольная случившимся, рѣшила было подыматься, какъ вошелъ въ то время мужъ. Не удавшійся ея планъ — спать цѣлый день и завтракать въ кровати, страшно взволновалъ ее, но узнавъ отъ Давида Ильича о пріѣздѣ юнкеровъ, поспѣшила измѣнить тонъ и тему разговора, и упросила мужа продолжать „покойную ночь", а сама-же начала одѣваться.

— Дэзи, ты спи спокойно! а я пойду и поздороваюсь съ Авдушемъ и посмотрю на Фрукта; я невидѣла его болѣе двухъ лѣтъ, а вѣдь онъ былъ одинъ изъ близкихъ моихъ друзей въ дѣтскіе годы и доводится мачихѣ моей-роднымъ племянникомъ; ея родной сестры сынъ... — и она

быстро подошла къ кровати мужа, освѣжила его, и себя духами и поцѣловала въ лобъ: — Ну, спи спокойно... — заключила она и, потушивъ лампу на столѣ, съ достоинствомъ свѣтской дамы, въ роскошномъ утреннемъ туалетѣ и съ легкой шалью на плечахъ, вышла въ столовую.

Внутреннія ставни были еще прикрыты и въ комнатѣ стояла темнота. Давидъ Ильичъ использовалъ этотъ случей во всей его полнотѣ: выбросилъ изъ головы всѣ думки о пріѣзжихъ, хорошо согрѣлся и вновь заснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

Какъ долго онъ спалъ и что въ домѣ творилось съ пріѣздомъ „милыхъ гостей", въ дневникѣ своемъ онъ не упоминаетъ; но когда проснулся, въ комнатахъ квартиры стояла тишина, на столѣ горѣла лампа, а ставни все еще были прикрыты.

Было 7 часовъ вечера. Онъ на скорую руку одѣлся, умылся и, взявъ лампу, вышелъ въ столовую; посмотрѣлъ на кухню, въ комнаты стариковъ: всюду тишина, никого нѣтъ въ домѣ. Посмотрѣлъ и дверь наружную въ передней: закрыта на замокъ, съ снаружи...

— Что за сказочный замокъ въ „красномъ царствѣ" ? Даже выйти изъ него нельзя... — заработали его мозги, и онъ вернулся въ свою комнату, присѣлъ къ столу и началъ просматривать вновь появившійся на столѣ журналъ „Красная Звѣзда", съ отмѣткой карандашемъ, въ углѣ на обложкѣ, „Касушъ Ф—тъ"; — Ага! — Они всѣ пошли на станцію провожать „его", краснаго вельможу; а онъ, даже, и „красный" журналъ оставилъ на память со своей автографіей... — зашевелились ревнивыя мысли. Посмотрѣлъ журналъ; одинъ, два листика перелисталъ сюда — туда и, вдругъ, замѣтилъ какую-то статью; „возваніе къ товарищамъ" и подпись внизу ея „К. Фруктъ". — Посмотри-ка?... — Да „онъ" еще и писатель современный, идіотъ!..

Но мысль его перебили шумъ и лязгъ замка въ дверяхъ передней. Онъ быстро отложилъ въ сторону журналъ, взялъ лампу и пошелъ на встрѣчу. Домой вернулись всѣ домочадцы. Первой вошла въ переднюю Людмила Рихардовна: игрива и весела, а щеки красныя отъ мороза, она много говорила въ шутку брату о современной жизни комиссаровъ; Авдушъ, въ такомъ-же веселомъ настроеніи, и отецъ

Цепа — не оставались у нея въ долгу, отвѣчали прибаутками и дополняли ея критику — сюжетъ; а старушка мачиха, почему-то — сердитая и злая, лишь косо бросивъ свой злобный взглядъ на Давида Ильича, прошла молча мимо, первой направлясь въ комнаты квартиры.

— Вотъ современная „женщина"! — не подумалъ, а скорѣе почувствовалъ Давидъ Ильичъ впервые и своей „тещѣ". Но скоро всѣ какъ-то заговорили, привѣтствуя его съ „добрымъ вечеромъ", а Людмила Рихардовна бросилась мужу на шею, поцѣловала въ щеку и быстро увлекла подъ руку въ комнату свою: — „Мы сію минуту будемъ къ ужину"! — только и проговорила она въ отвѣтъ брату и отцу.

Авдушъ и отецъ Цепы улыбнулись. Внимательно-же посмотрѣвъ имъ вслѣдъ, Авдушъ нашелся все-же кое-что сказать отцу:

— Счастливая сестра! — но замѣтивъ грозный взглядъ все той-же мачихи своей, прикусилъ себѣ губу.

Людмила Рихардовна, какъ болѣе самостоятельная женщина, на „мачиху" мало обращала вниманія; особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сталкивались разныя возрѣнія на жизнь. И, по этому-то случаю, раздѣваясь въ своей комнатѣ, она на скорую руку разсказывала и мужу о проводахъ на станціи Касуша Фрукта и про идеи мачихи своей.

— Мама готова съѣсть меня, только что-бъ я была съ Касушемъ Фруктомъ дружески любезна, как-то было и въ юные годы. — Онъ такъ себѣ и, кажется, комиссаръ уже: много плохого говоритъ о прошломъ, а въ будущемъ-обѣщаетъ всѣмъ рай и счастье. — Мама очень любитъ его за это, ласкаетъ, и меня къ тому-же понуждаетъ. И я вынуждена была оставить тебя спящимъ и присоединиться къ нимъ, проводить его въ компаніи, какъ молодого комиссара. Ты меня прости . . . — почти уныло и съ грустью закончила она, вспоминая жизнь прошлую и рисуя себѣ жизнь въ будущемъ — голодную, холодную, со всѣми ея послѣдствіями.

— На комиссаровъ — слаба надѣжда, если сами не возьмемся за умъ. . . — заговорилъ и Давидъ Ильичъ улыбаясь.

— Оно-то такъ, а все-же! . . . — А мы все-таки пойднемъ ужинать въ компаніи? — серьезно предложила она, заканчивая свою работу съ туалетомъ.

— Нехочу я ужинать! .. — Чувствую себя, почему-то, нездоровымъ. .. — подавленнымъ тономъ отвѣтилъ онъ и, тяжело вздохнувъ, присѣлъ около стола.

Но, вѣдь, ты-же цѣлый день ничего не ѣлъ? ... Боже мой! я сію минуту принесу сюда и закусимъ вмѣстѣ... — и она, быстро подошла къ мужу, послушала его сердце и, схвативъ сердито журналъ „Красная Звѣзда": — Это „онъ" мачихѣ оставилъ на память, а она подложила „эту красную заразу" тебѣ на столъ ... и быстро вышла въ столовую.

Давидъ Ильичъ улыбнулся: — „Новые пріемы „тещи" переубѣдить, перевоспитать насъ", — подумалъ онъ.

Но скоро вернулась Людмила Рихардовна съ закусками и тарелками на подносѣ; и она, вновь, заговорила съ мужемъ:

— Хорошо мы дѣлаемъ, Дэзи, что ужинаемъ у себя: Авдушъ отказался отъ общаго ужина и ушелъ къ себѣ спать, заявивъ — сильно переутомился за трое сутокъ переѣзда, да и съ „мамой" что-то неполадилъ; его симпатія вѣдь на твоей сторонѣ, а она, опять начинаетъ свою „рижскую" пѣсню, вспоминая нехорошо время прежней жизни и ея условія. .. — Неродной матери, вѣдь, трудно угодить. ..

Давидъ Ильичъ одобрилъ мнѣніе жены и, оба. приступили немедленно къ ѣдѣ.

XII.

Юнкеръ Авдушъ Цепа проживалъ въ городѣ Витебскѣ, въ квартирѣ своего родного отца Рихарда Цепы, и почти, на полномъ его иждевеніи. Отсутствіе какой-бы то нибыло работы или занятія, ставили его въ зависимое положеніе отъ стариковъ. А при дороговизнѣ и, вообще, тяжелыхъ условіяхъ жизни, отецъ въ свою очередь страшно тяготился этимъ и, на помощъ дочери, Людмилы Рихардовны и зятя Давида Ильича, смотрѣлъ только какъ на временное отдаленіе голодной катастрофы. Обстоятельства эти, правда, иногда вынуждали его, при удобномъ и даже, при неудобномъ-случаяхъ, понуждать сына, Авдуша, поступить куда нибуть на службу къ краснымъ, ну хотя-бы даже и въ красную гвардію, черезъ бывшаго его друга по училищу, а те-

перь раіоннаго мѣстнаго комиссара Касуша Фрукта; который, вернувшись домой въ имѣніе „Бурый", подъ Витебскомъ, сразу сталъ играть видную роль въ этой области мѣстнаго управленія. Но Авдушъ готовъ былъ переносить все, терпѣть голодъ и лишенія, а все-же на службу къ краснымъ не итти. Его политическіе взгляды сходились вполнѣ со взглядами на жизнь сестры и ея мужа. На реформу же и работу „С.С.С.Р-овъ" и ихъ „товарищей" въ Россіи смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ и на идеи ихъ. Всѣ предложенія отца энергично отклонялъ, а на своего друга по училищу, на Фрукта, смотрѣлъ уже какъ на врага; и, при появленіи его въ городѣ или даже на квартирѣ у отца, избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ, и переселился на жительство въ просторную комнату сестры и ея мужа—Казбегоровыхъ. И такъ, создалась у нихъ крѣпкая и по-духу и по-идеямъ интелигентная семья, готовая бороться за родину свою, за народъ, за свободу, и защищать другъ друга, проводя въ жизнь здоровую, реальную національную идею.

Прогулки по городу, посѣщеніе знакомыхъ и даже гражданскихъ учрежденій, гдѣ Давидъ Ильичъ и Авдушъ все-же продолжали добиваться: получить хотя-бы ничтожныя мѣста службы, для проформы, для отвода глазъ „красныхъ правителей", дѣлали всѣ трое вмѣстѣ; шутя и весело проводя время въ своемъ кругу, они лелеяли себя и надеждой на скорое лучшее въ будущемъ, имѣя ввиду историческіе факты.

По общему въ то время мнѣнію, существовавшему въ широкихъ кругахъ просвѣщенной русской интелигенціи терроризованной „краснымъ игомъ", болѣе культурные народы окраинъ Россіи, какъ: Эстонцы, Латыши, Литовцы, територіи которыхъ были окупированы Германскими войсками, а на югѣ — свободное казачество и другіе, недопустятъ господства надъ собою этого „красного ига". И это, вполнѣ естественно было: народы болѣе энергичные, вѣками боровшіеся за свою независимость, конечно, поспѣшать возстановить свое историческое, именно, національное право. . . Не говоря уже о такихъ народахъ окраинъ, какъ Финляндіи, Польши, Украины и Кубанскаго Края, которые въ достаточной мѣрѣ силою использованы для расширенія и укрѣпленія обширной Имперской територіи, но которые, до того, сами вѣками су-

ществовали независимыми, самостоятельными, національными государствами; и только, въ недалекомъ прошломъ, въ началѣ 19 вѣка окончательно подчинены общему теченію Россійской Имперской организаціи. Въ общемъ-же, изъ среды этихъ народовъ, первый сдѣлалъ великую услугу русской государственности, или вѣрнѣе Россіи, литовскій народъ. Еще съ 1316—1377 г. этотъ народъ, въ лицѣ своихъ Великихъ князей Гедимина и Олгерта, первый началъ свою историческую добрую работу, освобождать Россію и ея народы изъ—подъ власти „чернаго татарскаго ига“, почти два вѣка, въ то историческое время, угнетавшаго сосѣднія русскія области. Освободивъ отъ татаръ почти половину настоящей Европейской Россіи и всю Украину, литовскій народъ, къ концу 14 столѣтія, самъ попалъ въ зависимость, въ подчиненіе сосѣднихъ народовъ: сначала Польши, а затѣмъ — и Россійской Имперіи. И только 18 марта 1917 г., предсѣдатель временнаго Правительства Свободной Великой Россіи съ 3 марта 1917 г., и глава перваго русскаго общественнаго кабинета, князь Львовъ, вѣроятно предвидѣлъ настоящіе „красные“ историческіе эксперименты, и 20 марта 1917 г. офиціально заявилъ представителямъ организованной въ то время литовской общественности, что „Организованное Самоуправленіе Литовскаго Народа должно теперь—же начаться въ составѣ населенныхъ губерній Ковенской, Виленской, Сувалкской и другихъ прилегающихъ къ нимъ округовъ (Р. О. 20 III. № 65)“, въ то время, конечно, оккупированныхъ германскими войсками по праву войны.

Эти, приведенные вкратцѣ, историческіе факты, взятые въ основу русской руководящей въ то время интелигенціей, и послужили тому, что вся интелигенція заняла въ массѣ выжидательное положеніе; надѣясь на „аось“ и, что кто-то вотъ, вотъ прійдетъ съ вооруженной силой и освободитъ ее и всю большую Россійскую Родину изъ-подъ нависшаго „красного ига“ и возстановитъ законность и порядокъ, она тѣмъ безцѣльно убивала лучшее время, незамѣтно, и по-тихонько подготовляя героямъ нашимъ и всему многомилліонному россійскому народу неожиданные сюрпризы и тяжелыя испытанія.

Утромъ, 23 февраля 1918 г., полковникъ Казбегоровъ, его супруга Людмила Рихардовна и ея братъ юнкеръ Ав-

душъ Цепа, какъ-то облегченно, оптимистически настроенные, сидѣли у себя въ комнатѣ за завтракомъ и перебрасывались между собою мнѣніями о мѣстныхъ новостяхъ газетныхъ. Сообщалось о возобновленіи наступленія Германскими войсками по всему длинному Россійскому фронту, и объ отступленіи безъ боевъ остатковъ Россійскихъ армій. По секретнымъ-же даннымъ, имѣвшимся и всегда пополнявшимся полковникомъ отъ „вѣрныхъ и преданныхъ ему и дѣлу" офицеровъ, выходило иначе: Россійскихъ армій къ тому времени на фронтахъ уже совсѣмъ не существовало. Они окончательно были разложеные агентами Императора Вильгельма II. И, въ этомъ дѣлѣ, усердно ему помогли выборные „товарищи—начальники", ставленники комиссаровъ, безотвѣтственные — „выборны предатели", или „товарищи — карьеристы", какъ ихъ тогда еще называли.

2 Сибирскій армейскій корпусъ-же со штабомъ, управленіями и учрежденіями, 4 и 5 Сиб. стр. дивизіями, въ составѣ остатковъ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20 Сиб. стр. полковъ, съ дивизіонной и корпусной артиллеріей, еще въ концѣ января большевики оттянули во внутрь страны, въ г. Ярославль и въ другія мѣста восточнѣе его, гдѣ и растаялъ; а нѣкоторые полки (наприм. 17 Сиб. стр. полкъ), успѣвшіе получить болѣе крѣпкую красную окраску, перебросили на восточный фронтъ, въ г. Новотроицкъ, противъ возставшихъ тогда Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ съ цѣлью изъгнать „красное иго" изъ своихъ свободныхъ земель. 1 и 2 Латышскія бригады, вырваны были изъ состава корпуса „С. С.С.Р.-овскими большевиками: въ концѣ ноября 1917 г. (2 бригаду) и въ началѣ января 1918 г. (1 бригаду). Бригады эти, въ то время, также управлялись такимъ-же большевистско-краснымъ аппаратомъ, какъ и всѣ многомилліонныя арміи Россіи. Правда, антибольшевистски настроенныя войсковыя части, вообще, быстро таяли какъ на внѣшнемъ фронтѣ, такъ и на внутреннемъ красномъ, въ особенности—при передвиженіяхъ. Но все-же, небольшія кучки ихъ, смѣльчаковъ, отдавшись всецѣло на служеніе „красному молоху", „шайками" летали и въ поѣздахъ и на—лошадяхъ по необъятной територіи Россіи: отъ Петрограда до Армавира и отъ Астрахани до Новотроицка, всюду помогая чекистамъ уничтожать русскую неорганизованную интелигенцію, купаясь въ

крови ея, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и наводя панику на многомилліонную „паническую публику“, неудачно бравшуюся за оружіе — спасать „Великую Свободную Россію“, родину свою, но, при первомъ выстрѣлѣ, прятавшуюся въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи и заграницей.

Больше всего, такой „публики“ изъ центральныхъ Московскихъ губерній, сбѣжалось въ Кубанскій Свободный Край, въ то время народно—демократической казачьей республики въ 1917—1920 г. г., предки которыхъ счастливо жили въ свое время съ 1482 г. въ составѣ Украины, а затѣмъ—самостоятельной, независимой, національной республикой съ 1647—1775 г. г., съ обширными и богатыми землями на Днѣпрѣ; а съ 1787—1792 г. г. между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ. Въ обоихъ, послѣднихъ, случаяхъ ихъ разорили, многихъ поработили, и захватили ихъ земли, имущество и все добро, накопившееся вѣками, также пришедшіе тогда, 25 мая 1775 г. и весною 1792 г., москвичи и вельможи Императрицы Екатерины II, съ вооруженной силой, (до 70.000 чел. армія при 58 орудіяхъ), подъ общей командой изъ Московской центральной Руси генерала Текелія.

И вотъ, это-то народно—демократическое республиканское казачество Кубанскаго Свободнаго Края, съ высокой исторической культурой, съ широкимъ экономическимъ развитіемъ въ Краѣ сельскаго хозяйства, фабрично—заводской, горной и другихъ промышленностей, и съ колосальными богатствами, накопившимися за сто съ лишнимъ лѣтъ жизни его въ новомъ мѣстѣ, окультивированномъ и удобренномъ кровью ихъ предковъ, теперь и выступило на защиту угнетенныхъ, гонимыхъ „краснымъ игомъ“ изъ центральной Московщины людей изъ „публики“, испугавшихся своихъ-же, плохо воспитанныхъ въ духѣ „разбоя и захвата“, сыновъ, ставшихъ неисправимыми подъ руководствомъ чужихъ людей изъ „С.С.С.Р.-овъ“.

Исполняя свои завѣтныя отъ предковъ историческія обязанности, всегда становиться на защиту гонимыхъ и угнетаемыхъ, на защиту человѣческой культуры и цивилизаціи, это, Кубанское республиканское казачество, впослѣдствіи на всѣхъ фронтахъ освободительнаго движенія въ Россіи въ 1918—1920 г. г., въ теченіи почти около 3 лѣтъ, составляло до 85% состава всѣхъ родовъ оружія добровольцевъ; а

остальной %% состава добровольцевъ, въ большинствѣ случаевъ, составляли граждане—добровольцы изъ Прибалтійскаго Края, Латышской, Литовской и Эстонской національностей; которые, какъ и республиканскіе народно—демократическіе казаки—граждане Кубанскаго Свободнаго Края, лелеяли себя надѣждой на укрѣпленіе за собой права на свободное управленіе своей родиной на полныхъ автономныхъ началахъ въ составѣ „Великой Россіи", съ законнымъ образомъ управленія ея народами.

Какъ извѣстно, надѣжды эти неоправдались: освободительныя арміи адмирала Колчака въ Сибири, лѣтомъ 1918 г. докатились было уже до самой р. Волги. Но тутъ-расколъ. Эсъ-Эр-овскій „товарищъ" В. Черновъ, другъ и сотрудникъ Керенскаго, поспѣшилъ со „своимъ" правительствомъ въ Симбирскѣ, организовался въ противовѣсъ праваго правительства Колчака. Добровольческое освободительное движеніе его остановилось; тренія, несговорчивость, помѣха одного—другому личнаго свойства, злыя интриги и, арміи Колчака распались; а затѣмъ, скоро, въ небольшомъ составѣ, покатились обратно, назадъ, на востокъ въ Сибирь, гдѣ и разстаяли на большомъ ея протяженіи, отдавъ своего „идейнаго вождя"на милость неизбѣжной, въ такихъ случаяхъ, роковой судьбы.

Чехскіе легіоны, идейно и честно сражавшіеся въ рядахъ армій адм. Колчака въ Сибири—за освобожденіе русскаго народа и Великой Россіи изъ-подъ „краснаго ига", и добравшіеся уже почти—что подъ Москву, всюду возстанавливая законный порядокъ и правовыя народныя самоуправленія намѣстахъ, не пожелали отступать обратно въ Сибирь, а силою своего-же оружія, грудью, проложили себѣ путь черезъ всю обширную територію „Красной Московской Россіи", а дальше — по теріторіи дружественной Польши, свободно достигли своей родной земли „Чехо-Словакія".

Аналогичный случай произошелъ и на югѣ; кровавая расправа съ Кубанскимъ правительствомъ и съ депутатами Краевой Рады, южно-Русское временное добровольческое Правительство генерала Деникина, осенью 1919 г., положило конецъ добрымъ начинаніямъ освободительнаго движенія всѣхъ благомыслящихъ народовъ и съ юга, искренно желавшихъ видѣть Великую Россію „Свободной Страной" брат-

скихъ народовъ, доведя, ее ну, хотя-бы до „Учредительнаго Собранія“. Подлая предательская работа этихъ „анархистовъ“ изъ Петрограда и Москвы, погубившихъ въ свое время (2 марта 1917 г.) Россійскую Имперію, а на югѣ, прикрывшіеся слегка правительственными идеями южно-русскаго добровольческаго движенія, для сверженія „краснаго большевистскаго ига“, какъ: Соколовскій, Романовскій, и другіе, съ помощью мѣстныхъ „прихвостней: “Семилетовыхъ, Филимоновыхъ, Буряковыхъ и изъ лицъ Управленія“ Начальника снабженія Добровольческихъ армій въ Ростовѣ на Дону, поистинѣ сыграли роль палачей, распявшихъ многомилліонный Россійскій народъ; выявивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и физіономіи не просто большевиковъ — комунистовъ, а „именно“, настоящихъ русскихъ большевиковъ, историческихъ, напротяженіи многихъ вѣковъ укрѣплявшихся въ своихъ идеяхъ.

Какъ видно, семя красно—черной идеи въ то время пустило глубоко свои корни въ широкихъ кругахъ населенія. Невидимая рука „великого масона“ еще съ 1917 г. „организаторски“ все разлагала и уничтожала въ чувствахъ человѣчества. Добрыя намѣренія временнаго Россійскаго Правительства, благодаря его космополитизму, уничтожались. Неожиданно уничтожилась и послѣдняя надѣжда на 5 января 1918 года.

Нѣкоторые полки и отряды матросовъ Балтійскаго флота, скорѣе небольшія кучки людей съ сѣвернаго фронта, дѣйствуютъ еще и въ Петроградѣ 5 января 1918 г.; большевики бросили ихъ противъ Учредительнаго Собранія, какъ вырванныхъ изъ состава 2 Сиб. арм. корпуса на Венденскихъ укрѣпленнхъ высотакъ въ концѣ ноября 1917 г. (6 Тукумскій полкъ); а нѣкоторые полки изъ 1 бригады: 1 Усть—Двинскій и 3 Курляндскій, также скорѣе маленькія кучки ихъ, остатки, вырванные большевиками тамъ-же на фронтѣ, тойже арміи и корпуса въ первыхъ числахъ января 1918 г., старательные „С.С.С.Р.-овскіе“ комиссары поспѣшили послать на югъ, въ Кубанскій Свободный Край, подъ командой выборнаго командира подпрапорщика Калнина.

Заразительный примѣръ, починъ анархической работы 2 марта 1917 г. Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генерала Рузскаго. Этотъ, съ „дальняго сѣвернаго фронта“ отрядъ, съ 20 января 1918 г. прошелъ, съ боемъ, съ мечемъ

и огнемъ, Таганрогъ, Новочеркаскъ, Ростовъ на Дону, Батайскъ, Азовъ, Кагальникъ и Донскія степи съ большими и богатыми хуторами, дальше — въ Кубанскомъ Краѣ Ейскъ, Старощербиновскую и, въ первыхъ числахъ февраля, осѣлъ въ станицѣ Староминской Ейскаго отдѣла, со штабомъ Сѣверо-Кавказскаго краснаго фронта воглавѣ — „главнокомандующаго подпрапорщика Ивана Калнина“, дѣйствуя противъ весьма малочисленнаго состава отряда войскъ — добровольцевъ генерала Корнилова въ Кубанскомъ Краѣ. Край былъ совершенно пустой отъ войскъ его. Всѣ его войска находились еще, въ то время, на разныхъ отдаленныхъ Россійскихъ фронтахъ. Міровая война, какъ и всѣ другія войны, отъ Кубанскаго Края потребовала наибольшаго состава при мобилизаціяхъ. Дома оставались лишь престарѣлые старики, женщины и дѣти, да многочисленный иногородній элементъ, преимущественно изъ центральныхъ губерній великороссіи, усиленно переселявшійся въ Край ежегодно, начиная еще съ Императора Александра II, въ 70 годахъ. Этотъ-то, послѣдній, элементъ и составилъ въ Краѣ ядро мѣстныхъ большевиковъ, которое дѣйствовало подъ командой „краснаго есаула“ Сорокина, по профессіи фельдшера, въ контактѣ съ красными отрядами явившимися съ „дальнаго сѣвернаго фронта“. Сорокинъ, со своими бандами, оперировалъ значительно южнѣе, главнымъ образомъ въ Кавказскомъ, Лабинскомъ, Баталпашинскомъ и Майкопскомъ отдѣлахъ, тѣсня малочисленный по составу отрядъ генерала Корнилова и съ сѣвера и съ юга. И вотъ, всюду явленія однѣ и тѣ-же: кучки „красныхъ наемниковъ“, людей потерявшихъ элементарныя понятія о человѣческой гуманности, творятъ „кровавыя чудеса“ для краснаго режима, силою вводимаго въ большой Россійской Странѣ.

Другіе-же полки Латышскихъ бригадъ, пессимистически настроенные и не-желавшіе служить „красному молоху“, при передвиженіяхъ и, вообще, во время гражданской войны въ началѣ 1918 года, утонули, распылились въ массахъ на обширной територіи Россіи, присоединившись къ общему русскому добровольческому освободительному движенію на всѣхъ фронтахъ. Въ составѣ добровольческихъ армій адмирала Колчака въ Сибирѣ составилась даже цѣлая Латышская отдѣльная бригада полковника Гоппера, въ составѣ

двухъ полковъ „Троицкій“ и „Иманта“, ушедшіе съ боемъ отъ „красныхъ москвичей еще въ началѣ 1918 года, весною, и принимавшіе участіе во всѣхъ бояхъ добровольческихъ армій, до послѣдняго момента существованія въ Сибирѣ и на Дальнемъ Востокѣ вр. правительствъ освободительнаго движенія.

Рис. 5. Граждане-добровольцы Кубанскаго Свободнаго Края, Кубанской казачьей народно-демократической республики: „31 марта (ст. ст.) 1918 г., короткимъ но энергичнымъ ударомъ во флангъ противнику, въ районѣ р. р. Сасыкъ-Челбасы, вытѣснили изъ предѣловъ своей родной земли весь „Красный штабъ фронта со всеми его красно-большевистскими отрядами— сначала на Царицынъ, а затѣмъ.... и на Москву...“

Наконецъ, вовремя одного изъ многихъ горячихъ боевъ добровольцевъ, съ красными шайками“ сѣвернѣе г. Екатери-

нодара, въ одинокомъ домикѣ, въ полѣ, рано утромъ 31 марта 1918 г., генералъ Корниловъ былъ убитъ. Красный артиллерійскій снарядъ, случайно задѣлъ уголъ домика, гдѣ находился Корниловъ и, разорвался. И того-же числа, доблестные Кубанскіе граждане, добровольцы — казаки отряда генерала Павлюченко, энергичнымъ, короткимъ ударомъ во флангъ противнику, вытѣснили изъ предѣловъ своей родной земли и Кубанскаго Свободнаго Края весь „сѣверо — Кавказскій красный Московскій фронтъ и его штабы съ отрядами большевиковъ“ на Царицынъ, а дальше — и на Москву.

Только весною 1918 года, „Красная Москва“ и ея „С. С. Р-овъ“ правители, — поспѣшили переименовать и переформироватъ всѣ полки 1 и 2 Латышскихъ стрѣлковыхъ бригадъ въ красноармейскіе полки, хотя и безъ людей; но такова ужъ была тогда ея мода: для устройства паники и демонстрацій по германскому образцу.

На самомъ-же внѣшнемъ фронтѣ, къ 23 февраля, положеніе было таково, что и самъ противникъ былъ небоеспособенъ, но все-же, съ конца января 1918 г., безпрепятственно продвигался во внутрь Россійской страны: на ногѣ захватилъ всю Украину, вплоть до Таганрога—Харкова—Чернигова, а на сѣверномъ фронтѣ — легко взялъ, безъ боя, „Венденскія укрѣпленныя высоты“, какъ и Ригу и Усть-Двинскую крѣпость 21 августа 1917 г., и свою боевую линію перенесъ, въ то время, далеко на востокъ, восточнѣе линіи Полоцъ—Островъ—Псковъ, ежеминутно угрожая занятіемъ територіи Витебскъ—Новосокольники—Дно—Петроградъ.

Вполнѣ понятенъ былъ такой маневръ германцевъ. Въ то время „Россійскіе большевики“, или „С. С. С. Р—ы“, вели мирные переговоры въ Брестъ-Литовскѣ съ представителями Императора Вильгельма II, и конечно, безъ анексій и контрибуцій?; тутъ-то и нуженъ былъ нажимъ, да и продовольствіе къ тому-же нужно было для центральныхъ державъ, истощенныхъ четырехлѣтней войной. . .

Какъ въ тылу, ближе къ фронтамъ, такъ и по всей странѣ, — усилились репрессіи властей — совѣтовъ. Газеты, мѣстныя конечно, полны сенсацій о какомъ-то „преда-

тельствѣ контръ-революціонеровъ", сваливая вину объ этомъ съ больной головы на здоровую. . .

— Не удивляйтесь, господа! . . — неожиданно прервалъ разсказъ и критику юнкера Авдуша Цепа генеральнего штаба полковникъ Казбегоровъ: — До 90%, изъ всего состава русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, вынуждены измѣнить свои убѣжденія, черезъ что потеряли и вѣру въ свой „истинный" народъ; но поспѣшили стать „спецами" у „С. С. Р—овъ", и, какъ видите, вѣрою и правдою служатъ „имъ" на пользу этому пагубному нововведенію . . . — Кто-же будетъ спасать Россію. . . и ея народы? . . . — Вѣдь живъ и будетъ жить лишь тотъ, кто борется, кто вѣритъ въ результатъ своей борьбы и смѣло поставилъ передъ собою цѣль святую, стремиться къ ней и мыслею и душою, творя инистинную черту Божсства. . . Суворовыхъ и Кутузовыхъ теперь, вѣдь, нѣтъ, воспѣтыхъ, даже, иностранцами: какъ они, полны любви, силы воли, и нестрашась трудовъ великихъ, взбирались упрямо на вершину и, только съ высоты, подобно исполинамъ, сурово и задумчиво глядѣли на „міръ"... — Теперь-же мы видимъ совершенно обратное — личные мелкіе расчеты и безхарактерность: Спасайся кто можетъ!... — Масонскій мистицизмъ, упорно насаждавшійся въ народѣ ввидѣ мистическо-художественной литературы и пропаганды, достигъ своей цѣли, — посѣявъ всюду пессимизмъ и обезличивъ гражданъ: Всѣ, молъ, виноваты, только не мы. . . — Къ тому-же, и вѣры нѣтъ у нихъ самихъ: не могутъ положиться ни на себя ни на свой „истинный" народъ. . !

Отецъ Цепа, въ то время, какъ старшій желѣзнодорожный агенъ, съ ранняго утра былъ на службѣ, а старушка мачиха — дома, у себя въ комнатѣ. Неожиданно къ дому ихъ подъѣхалъ открытый автомобиль и изъ него выскочилъ комиссаръ Касушъ Фруктъ; какъ-то сгорбившись, онъ поспѣшно вошелъ въ ихъ домъ, направляясь въ комнаты старушки Цепа. Минутъ черезъ двадцатъ, Фруктъ вновь появился около автомобиля, а за нимъ слѣдовала сзади и „тетинька" его, старушка Цепа, подорожному одѣтая; и оба, на томъ-же автомобилѣ поспѣшно уѣхали куда-то, направляясь въ городъ.

Былъ пріятный, солнечный, день конца февраля: тихо, тепло и снѣгъ начиналъ, было, уже быстро таять. Наши

герои также поспѣшили выйти въ городъ — насладиться первой солнечной теплотой, предвѣщавшей скорое наступленіе весны, а также и провѣтриться немного. Всѣ трое направились на бульваръ, гдѣ имъ и представилась первая картина: — Все тотъ-же автомобиль, но съ краснымъ флажкомъ впереди мотора, а въ немъ 4 человѣка красногвардейцевъ вооруженныхъ, одѣтыхъ въ новенькія сѣрыя шинели и такія-же фуражки; на груди у каждаго большіе красные банты, а на фуражкахъ, вмѣсто кокардъ, нѣчто вродѣ большой звѣзды. Автомобиль мчался по Бульварному проспеку, мимо парка, направляясь къ дому губернскаго комиссара „трварища“ Дожи. Было 11. час. дня.

— Члены чрезвычайной комиссіи поѣхали куда-то, на охоту; вѣроятно нащупали гдѣ-то „живой и мертвый товаръ“!.. — шутя, проговорилъ полковникъ Казбегоровъ, обращаясь къ женѣ идущей съ нимъ подъ руку; а толкнувъ локтемъ потихонько идущаго съ нимъ рядомъ, съ другой стороны, брата жены, юнкера Цепу, онъ добавилъ: — Мужайся Авдушъ! — Не теряй надежды. . .

— Безобразная жизнь настала, — уныло протянулъ въ отвѣтъ юнкеръ Цепа: — Сегодня ты живешь, а завтра? . . . будешь-ли ты жить? про то никто не смѣетъ даже и подумать. . . — На ближайшаго друга, товарища, отца и матерь, и то нельзя положиться, что они не выдадутъ тебя! . . . — Всѣ — одинъ другого предаютъ, одинъ на другого клевещутъ, и тѣмъ только и живутъ. . . — и онъ съ болью на сердцѣ опустилъ голову на грудь, какъ-бы разсматривая человѣческіе слѣды.

— Намъ слѣдовало бы пробираться дальше, на югъ!. . . — Здѣсь пропасть можно и съ голоду и отъ безработицы... вновь проговорилъ полковникъ Казбегоровъ неувѣреннымъ тономъ.

— Да, господа! — Какъ видно подошло „ихъ“ время, нужно быть очень осторожнымъ. . . — согласилась и Людмила Рихардовна: — Сегодня у меня хотя и пресквернѣйшія чувства, но все же съ идеей Дэзи я вполнѣ согласна.

— Ну, возьмемъ, хотя бы для примѣра, нашихъ стариковъ, въ особенности „матерь“, — какъ-бы продолжая свой предыдущій отвѣтъ, снова заговорилъ юнкеръ Цепа: — Они возятся съ этимъ „негодяемъ“ Фруктомъ, со своимъ племян-

никомъ; и вотъ, сегодня же „мама", опять уѣхала куда-то съ нимъ, вѣроятно „торгуется"?... А, впрочемъ, что тутъ и говорить! — Господа, поѣдемте-ка лучше за городъ, по шоссе, и немного освѣжимся...

Всѣ, безъ отговорки, скоро согласились; взяли ближайшаго, случайно попавшагося на улицѣ, извозщика съ санями, образца московскихъ троекъ и, удобно усѣвшись, приказали кучеру ѣхать шагомъ, а сами на французскомъ языкѣ стали выяснять причину усиленнаго разложенія общественности и самого города. Виновника между ними, какъ и слѣдовало ожидать, не оказалось. Всему виноваты были грабители—насильники „красные—товарищи" и имъ „сочувствующіе". И такъ, въ непренужденномъ и веселомъ разговорѣ, они и провели время въ поѣздкѣ по шоссе до 12 часовъ дня. А затѣмъ, заѣхали въ городскую управу, или какъ тогда ее называли, въ городской комитетъ, получили дополнительныя карточки на мануфактуру и галантерею, и тѣмъ-же извозщикомъ уѣхали домой, обѣдать.

Около часу дня, они были уже около дома своей кварриры. Полковникъ остался расплачиваться съ извозщикомъ, а Людмила Рихардовна съ братомъ поспѣшила войти въ домъ: какъ будто-бы какая-то невидимая сила тянула ее туда скорѣе. И вотъ, еще съ передней, черезъ стекляныя двери, она замѣтила, что дверь въ ихъ комнату открыта; и она, какъ пуля влетѣла въ столовую, гдѣ у стола сидѣла мачиха ея и какой-то полуинтелигентъ, молодой мужчина, въ статскомъ, но подпоясанъ солдатскимъ ремнемъ и сбоку, наремнѣ большой револьверъ въ деревяной кобурѣ, у него виситъ, а на столѣ — много пачекъ какихъ-то бумагъ, предметовъ и вещей принадлежащихъ мужу; дальше, на стульяхъ сидѣли три красногвардейца, вооруженыхъ винтовками, дверь въ ихъ комнату не открыта, а взломана, а въ самой комнатѣ — полный хаосъ и разрушеніе.

Людмила Рихардовна на мигъ остановилась, поблѣднѣла и закрыла глаза. Вдругъ, вспомнились ей слова сказанныя братомъ на бульварѣ; ей стало душно, голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и она только и успѣла вскрикнуть:

— О-о-о-й! — Воздуху нѣтъ. — и безъчувствъ упала на руки брата, поспѣшившему ей на помощь.

Юнкеръ Авдушъ Цепа осторожно отнесъ сестру въ комнату, раздѣлъ и уложилъ ее въ постель, предоставивъ дальнѣйшую заботу мачихѣ, а самъ вернулся обратно въ столовую.

Тѣмъ временемъ въ столовую медленно вошелъ и полковникъ Казбегоровъ. Вежливо привѣтствуя незнакомцевъ словомъ „здравствуйте", онъ, все-же, какъ частное гражданское лицо, выдавалъ себя во-всемъ: и выдержкой въ походкѣ и тактомъ обращенія съ людьми. Но на его привѣтствіе, никто изъ чекистовъ, конечно, ничего не отвѣтилъ; и только старшій изъ нихъ, быстро приподнялся изъ-за стола и. на плохомъ русскомъ языкѣ, съ древне—восточнымъ акцентомъ, строго обратился:

— Ты, будешь, товарищъ Давидъ Казбегоровъ?. . .

— Да, я Давидъ Казбегоровъ, но товарищами. . ., гм...' мы, кажется, никогда небыли знакомы. . ., первый разъ васъ вижу. . . — удивленно, но спокойно, отвѣтилъ полковникъ съ чуть-чуть замѣтной улыбкой на лицѣ.

Красногвардейцы, по русски, добродушно разсмѣялись, а старшій чекистъ- кривя лицо, зло улыбнулся.

— Черный черкесскій баранъ вамъ товарищъ! — сердито бросилъ юнкеръ Цепа.

Но вмѣшалась мачиха, поспѣшившая въ столовую, и, схвативъ юнкера за руку, стала сильно трепать, не давая ему возможности дальше что—либо говорить. На этотъ случай красногвардейцы буквально расхохотались, а старшій чекистъ покраснѣлъ какъ ракъ, но все-же продолжалъ важно допрашивать:

— Ты, „генералъ—штаба полковникъ"? . .

— Незнаю! — Я, частный человѣкъ. . . — послѣдовалъ отвѣтъ.

— А эти документы, твои? — сердито спросилъ чекистъ, указывая на большую пачку разныхъ документовъ, принадлежащихъ полковнику.

— Да, мои. . .

— А это оружіе: шашка, 2 револьвера, снаряженіе. . . — язвительно продолжалъ допытываться чекистъ.

— Тоже мое имущество. . .

— А эти предметы: мундиръ, брюки, сапоги, ботинки, шпоры, тужурки, рейтузы, фуражки, Георгіевскій крестъ,

шесть разныхъ орденовъ, университетскій значекъ, серебряный академическій знакъ, золотой портсигаръ, золотыя часы, эти брильянтовыя кольца, уйма денегъ, дорогое бѣлье... — сердито перечитывалъ чекистъ.

— Мое имущество, а цѣнности получилъ отъ настоящей жены, какъ подарки, когда она была еще нев...

Дальше, онъ не могъ говорить въ свое оправданіе, ему стало дурно, голова закружилась и онъ присѣлъ на ближайшій стулъ, а юнкеръ Цепа поспѣшилъ подать ему стаканъ воды

Чекистъ, тѣмъ временемъ, укладывалъ всѣ вещи въ свой мѣшокъ, а цѣнности, деньги, документы и револьверы — въ портфель; шашку-же съ портупеей и темлякомъ надѣлъ конвойному черезъ плечо, который, какъ-бы въ благодарность, улыбнулся и проговорилъ:

— Сматри! — равна ка гиниралъ...

Чекистъ досталъ изъ своего портфеля какую-то бумажку, поднялся и, пѣвучимъ, хриплымъ голосомъ, вновь заговорилъ:

— Къ такимъ большимъ „лицамъ", какъ товарищъ Казбегоровъ, мы сами неходимъ... — Вотъ ордеръ отъ высшихъ въ губерніи товарищей Бреги и Дожи... и показалъ ордеръ.

Юнкеръ Цепа неожиданно вспылилъ, сильно покраснѣлъ, и, крѣпко сжавъ въ кулакъ правую руку, коротко замахнулся ею, направляя ударъ въ лицо чекисту; но мачиха, стоявшая около него сбоку, быстро схватила его рукавъ; ударъ не удался; онъ рванулся, но было уже поздно, чекистъ успѣлъ отскочить нѣсколько шаговъ назадъ; юнкеръ Цепа поблѣднѣлъ и, обезсиленный совсѣмъ, присѣлъ на свободный стулъ около полковника, который и ему передалъ стаканъ съ водою. Красногвардейцы тѣмъ временемъ поспѣшили плотнѣе подступить къ чекисту, продолжавшему читать все тѣмъ же пѣвучимъ тономъ:

— „И вотъ, именемъ „нашего закона", всѣ перечисленныя вещи, оружіе, цѣнности и деньги — конфискуются въ „нашу казну", а товарищъ Казбегоровъ арестовывается..."

Старушка Цепа, „теща", быстро поднялась и ушла въ свою комнату, совершенно безразличная къ происходивше-

му. По своей простотѣ, и ненависти къ интелигентнымъ взрослымъ дѣтямъ мужа, она и неподозрѣвала раньше, что ея и племянника ея Фрукта предательская работа далеко такъ зайдетъ. Ей и Фрукту хотѣлось только лишь ограбить Казбегоровыхъ, поставить ихъ въ нищенское положеніе и, тѣмъ, заставить эту интелигентную семью, подчиниться нищетѣ и общей разрухѣ, вводимой силою ея товарищами изъ „Фруктовской компаніи“.

Но, послѣдствія были иныя. Какъ только чекистъ „пропѣлъ“ слово „арестовывается“, два вооруженныхъ красногвардейца быстро подошли къ полковнику и стали около него, по—бокамъ, а третій — сталъ сзади старшаго чекиста.

Юнкеръ Цепа вновь быстро приподнялся и поспѣшно схватилъ рукой винтовку у сбоку стоявшаго красногвардейца, съ цѣлью, конечно, вырвать ее и броситься съ нею въ атаку на чекистовъ, какъ неожиданно передъ нимъ показался штыкъ третьяго красногвардейца и остріе его вонзилось въ грудь молодого юнкера. Онъ почувствовалъ снача какую-то теплоту, а затѣмъ и жгучую боль, поблѣднѣлъ и опустился на тотъ-же стулъ, схвативъ руками рану.

— Не вздумай, товарищъ, устроить здѣсь какую нибудь „шутку“! . . . — процѣдилъ чекистъ сквозь зубы, посмотрѣлъ на часы, и приказалъ красногвардейцамъ выводить арестованнаго на улицу, предварительно обыскавъ его, нѣтъ-ли еще оружія при немъ?. . .

Полковникъ Казбегоровъ не сопротивлялся. Онъ, какъ-то машинально, перекрестился и, доставъ на груди крестикъ, поцѣловалъ его, а затѣмъ, поцѣловалъ по-братски и юнкера Авдуша Цепу, шепнувъ ему на ухо: „присмотри за Людмилой“. Нетоpопясь, онъ акуратно застегнулъ полушубокъ, поднялъ вверхъ мѣховой воротникъ, натянулъ на голову черную кавказскую папаху и, въ сопровожденіи вооруженныхъ, спокойно вышелъ, бросивъ при этомъ влажный взглядъ на разрушенную обстановку своей комнаты и на лежавшую въ кровати въ обморокѣ жену.

— Ахъ, какой „воинъ“, бишь, бажествянный! . . . — пробормоталъ одинъ изъ красногвардейцевъ.

Вслѣдъ за ними, на улицу, послѣдовалъ машинально, со слезами на глазахъ, и раненый юнкеръ Авдушъ Цепа.

Неожиданно къ дому подъѣхалъ все тотъ-же открытый

автомобилъ, съ краснымъ флажкомъ впереди мотора и, первымъ сѣлъ въ него чекистъ съ портфелемъ въ одной рукѣ и со своимъ револьверомъ въ другой, третій-же красногвардеецъ съ вещами усѣлся около него, сбоку, дальше — арестованный полковникъ Казбегоровъ на колѣняхъ, по срединѣ автомобиля, а остальные два красногвардейцы — побокамъ его.

— Въ чрезвычайную комиссію! — съ восточнымъ акцентомъ прошипѣлъ чекистъ сердито, и автомобиль тронулся.

— Разбойники съ большой дороги въ Россійской Странѣ Великой, и какъ широко поставлены у нихъ шпіонажъ и наблюденіе. . . — подумалъ юнкеръ Цепа, круто повернулся и пошелъ въ домъ, въ комнату сестры, гдѣ нашелъ Людмилу Рихардовну все еще въ обморокѣ, въ кровати. Онъ быстро осмотрѣлъ сестру, кое что привелъ въ порядокъ, а затѣмъ, о мотрѣлъ и свою рану, которая, къ счастію, оказалась безъ поврежденія грудной кости, почему—ограничился лишь наложеніемъ пластыря, одѣлся и вышелъ въ городъ.

Тѣмъ временемъ, чекисты распоряжались полковникомъ такъ, какъ сами того хотѣли. Остановивъ автомобиль у подъѣзда дома „чрезвычайки", старшій чекистъ приказалъ красногвардейцамъ вести арестованнаго въ подвалъ, а самъ, съ третьимъ, быстро направился въ канцелярію для сдачи „награбленныхъ" вещей, документовъ, цѣнностей и денегъ. Подвалъ находился подъ тѣмъ-же домомъ; входъ съ улицы. И при входѣ въ него, арестованному представилась картина, отъ которой, у человѣка даже съ крѣпкими нервами, и то можетъ порябѣть въ глазахъ: у входныхъ дверей, внутри самого подвала, стоятъ два вооруженныхъ до зубовъ чекиста; дальше — нѣчто большой комнаты, безъ оконъ, но по срединѣ, небольшой столикъ, а около него, повидимому для сидѣнья, три отрубка толстаго дерева, какіе обыкновенно имѣются въ мясныхъ лавкахъ; плохо освѣщающая помѣщеніе керосиновая лампа—стоитъ на столѣ. Еще дальше, — по сторонамъ много отдѣльныхъ номерныхъ „клѣтушекъ" съ дверями, и многія изъ нихъ закрыты и заперты висячими замками. Полъ подвала — цементированъ и много на немъ слѣдовъ крови. Кровяныя пятна видны и на многихъ дверяхъ клѣтушекъ. Въ дальнемъ углѣ подвала лежатъ на полу два—три какихъ-то человѣка, полунагіе, одѣжда — одно

тряпье, и не то спятъ, не то лежатъ. . .—„вѣроятно, впредь до похороновъ", — не подумалъ, а скорѣе почувствовалъ полковникъ. Въ другомъ-же углѣ — замѣтилъ много мѣшковъ и узловъ съ мукою, и онъ вспомнилъ случаи ареста и задержанія мѣшечниковъ чекистами, и замѣчательной эпизодъ на ст. Витебскъ, который пришлось ему наблюдать еще 7 января. Онъ вздрогнулъ; но, въ этотъ-же моментъ, одинъ изъ конвоировъ, молча на ходу, толкнулъ его прикладомъ въ спину такъ сильно, что онъ, бѣдняга, кубаремъ полетѣлъ въ ближайшую клѣтушку № 3, въ темнотѣ споткнулся на какой-то большой камень и упалъ черезъ него на полъ, крѣпко ушибивъ себѣ колѣно лѣвой ноги; но одинъ мигъ, и онъ получаетъ еще и отъ конвоира ударъ прикладомъ по ступнѣ правой ноги; послѣдняго-то онъ уже и не выдержалъ, и сильно крикнулъ: „А-а-а-й!"...

— Вотъ тебѣ, что-бы ты не убѣжалъ!... — прошипѣлъ конвоиръ-чекистъ сердито и быстро закрылъ дверь клѣтушки.

Скоро послышалось запираніе замка, а затѣмъ и лязгъ ключа, и вновь все стихло. Полковникъ Казбегоровъ прослезился; онъ не зналъ за собой вины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ безпомощенъ — дать чекистамъ какое-либо сопротивленіе. Не тѣряя все-же надѣжды на помощь со стороны брата — жены и, перенося страшныя боли ногъ, онъ опустился на колѣни и началъ горячо молиться Богу. Какъ долго продолжалась его молитва и отдавалъ-ли онъ о томъ отчетъ, пожалуй на вопросъ и теперь-бы онъ не отвѣтилъ. Очевидно, горячая молитва перенесла его совершенно въ другой, далекій, невѣдомый ему міръ. Вдругъ, ясно онъ слышитъ, недалеко отъ его клѣтушки, какой-то выстрѣлъ — одинъ, другой, быстро поднялся и присѣлъ на камень: что-то глухо упало на цементированный полъ, послышались тихіе, неразборчивые, голоса человѣческіе... и, суета... „Ликвидація" — подумалъ онъ: — „Пусть будетъ, что будетъ, лишь-бы долго не мучили меня!..." но въ тотъ-же моментъ послышался шорохъ и у дверей его клѣтушки, шумъ замка и, дверь открылась.

— Казбегоровъ на допросъ! — тихо прошипѣлъ какой-то новый стражъ-чекистъ.

Сидя на камнѣ, полковникъ не могъ подняться: ноги

его опухли, а нестерпимая ихъ боль, положительно недавала ему возможности двигаться, въ сапогахъ чувствовалась какая-то липкая мокрота; но скоро „влетѣли“ два другихъ чекиста, схватили его подъ руки и поволокли къ столу. Начался допросъ: слѣдователь-чекистъ — въ темныхъ очкахъ, на головѣ сѣрая кэпка, рыжая бородка клиномъ, солдатская шинель, а изъ-подъ шинели виденъ воротникъ темно-синей косоворотки. Сначала официальная часть, а затѣмъ по сути дѣла? — чѣмъ занимался раньше и откуда получалъ доходы и прочее. Полковникъ Казбегоровъ, страдая отъ боли ногъ, отвѣчалъ неохотно; — слѣдователь-же чекистъ былъ неумолимъ: допытывается настойчиво, угрожаетъ, наконецъ, револьверомъ и, о ужасъ! — дѣлаетъ нѣсколько демонстративныхъ выстрѣловъ мимо головы своей жертвы, бросивъ при этомъ и суровый взглядъ на допрашиваемаго. Ихъ взгляды встрѣтились; но чекистъ не выдержалъ серьезнаго взгляда энергичнаго молодого полковника генеральнаго штаба, быстро опустилъ голову и снова началъ что-то писать.

Неожиданно въ подвалъ не вошелъ, а скорѣе — влетѣлъ, неизвѣстный молодой полуинтелигентъ, быстро подошелъ къ слѣдователю-чекисту, что-то шепнулъ ему на ухо, и также быстро вышелъ вонъ. Слѣдователь-чекистъ немного призадумался; что-то еще приписалъ, а затѣмъ, неохотно, тихо прочиталъ и подсунулъ полковнику: — „подпиши свое показаніе“..., и два невооруженные чекисты вновь поволокли его обратно въ ту-же клѣтушку...

Настали томительныя минуты неизвѣстности. Давидъ Ильичъ искренно, чистосердечно желалъ въ то время скорее смерти, чѣмъ переносить боли, мученія и издѣвательства отъ людей потѣрявшихъ всякія элементарныя понятія о гуманности къ „ближнему“ своему, такому-же человѣку.

Но судьбѣ его не пришелъ еще конецъ: братъ его жены, юнкеръ Авдушъ Цепа, не шелъ, а „летѣлъ“ въ то время по безлюднымъ улицамъ города въ „Чеку“, на выручку его:

— Положу все, но Давида Ильича выручу, вырву изъ когтей „чеки“..., — думалъ юнкеръ Цепа: — нужно быть только лишь дипломатичнымъ и узнать, прежде всего, причины его ареста, а для этого, нужно будетъ войти въ кон-

тактъ и съ завѣдывающимъ канцеляріей „чеки", а послѣ уже, посѣтить и Брегу и Дожу; обоихъ, разбойниковъ, знаю хорошо. . . — Съ ними, вѣдь, можно сговориться, хотя и за дорогую цѣну. . . — Поспѣть, бы завязать скорее переговоры, а то могутъ ночью и „ликвидировать" его. . . — Гдѣ онъ, теперь, бѣдняга? — Если въ тюрьмѣ?, то еще есть надѣжда на освобожденіе, а если въ арестномъ помѣщеніи, въ подвалахъ „чеки"?, значитъ первый кандидатъ въ „мѣстную ликвидацію". . . — Нужно добиться, во что-бы то ни стало, сію-же минуту перевести его въ тюрьму. . . — заключилъ юнкеръ Цепа и ускорилъ шагъ.

Въ чрезвычайной комиссіи послѣобѣденныя занятія уже начались, и юнкеръ Цепа безпрепятственно прошелъ къ завѣдывающему канцеляріей. Къ удивленію его, главнымъ канцлярскимъ чекистомъ оказался, бывшій другъ его въ дѣтскіе годы и по сельской школѣ, Донъ Опалъ. Друзья дѣтства встрѣтились по старой памяти восторженно, и, для интимной бесѣды, перешли въ отдѣльную, пустую комнату, прикрывъ за собой и дверь на ключъ.

— Донъ! — скажи пожалуйста, какъ ты попалъ сюда? и что это за выстрѣлы у васъ въ подвалѣ? . . . — поторопился юнкеръ Цепа спросить тревожно.

— Желудокъ, братище, заставилъ! — Полная безработица, хаосъ, продуктовъ нѣтъ, вотъ и записался въ партію „товарищей" и мнѣ дали, пока, мѣсто завѣдывающаго канцеляріей. . . — отвѣтилъ Донъ Опалъ, умолчавъ о причинахъ стрѣльбы.

— Ну, а какъ твои дѣла, Авдушъ? . . .

— И не спрашивай, прескзернѣйшія! . . . — съ больной, гримассой отвѣтилъ Авдушъ, и немного подумавъ, быстро заговорилъ: — ты меня прости, я буду съ тобою откровененъ, какъ-то было между нами и въ дѣтскіе годы. . . — О себѣ разсказывать, пока, нѣтъ времени. . .

— Говори, говори, Авдушъ! — Я къ твоимъ услугамъ весь. . .

— Сегодня арестовали Давида Казбегорова, — началъ Авдушъ: и конфисковали у него много собственнаго его цѣннаго имущества, денегъ и драгоцѣнностей . . ., скажи пожалуйста: гдѣ онъ и могу надѣяться хотя-бы на личное его освобожденіе и за что его лиши свободы? . . .

— Знаю, знаю Казбегорова. . . — Онъ, теперь, у насъ въ подвалахъ, а его цѣнности, деньги и вещи также доставлены, и часть изъ нихъ — будетъ выдана въ „награду“ лицамъ указавшимъ его, а часть — зачислена въ революціонный фондъ. . .

Дальше онъ не могъ говорить, такъ какъ юнкеръ Цепа сильно задрожалъ, поблѣднѣлъ и тихо протянулъ:

— Несчастная Мачиха съ Фруктомъ! . . . — проклятіе ея еще и до сихъ поръ виситъ надъ нами, сиротами. . .

— Почему ты такъ сильно поблѣднѣлъ? — участливо спросилъ Донъ Опалъ

— Ничего, ничего! — говори дальше. . . — опомнился юнкеръ Цепа.

— А, какъ тебѣ доводится онъ, этотъ Казбегоровъ? — бывшій-ли начальникъ въ училищѣ? или просто знакомый по хорошимъ „комерческимъ“ дѣламъ? — Вѣдь онъ генеральнаго штаба полковникъ, да къ тому-же и богатый аристократъ кажется? — А тутъ германцы начали наступать по всему фронту; не обращаютъ даже вниманія на начатые мирные переговоры въ Брестъ—Литовскѣ: заняли уже всю Украину, до Ростова на Дону, Таганрогъ, Харьковъ, Полтаву, Черниговъ, Минскъ, Полоцкъ и, кажется, сегодня Псковъ. Формированіе красной арміи только начинается, по почину „Исколострѣла“, который хочетъ въ ближайшемъ будущемъ переименовать для этого и всѣ остатки восьми Латышскихъ стрѣлковыхъ полковъ прежней организаціи съ „выборнымъ командныхъ составомъ“ въ красно армейскіе полки и свести ихъ въ отдѣльный корпусъ;*) а красногвардейцы безсильны остановить натискъ германцевъ; они заняты внутренними дѣлами . . . — пояснилъ вопросъ обстановки канцелярскій чекистъ Опалъ.

— Онъ, нашъ. зять! — тихо отвѣтилъ юнкеръ Цепа.

— Какъ!? — Твоей сестры, Мили, мужъ? — вскрикнулъ Опалъ, какъ-бы волнуясь.

— Да! . .

— Такъ ты, такъ и говори! — твердо протянулъ Опалъ: — Его нужно скорѣе спасти: перевести въ тюрьму, до выясненія дѣла; въ противномъ случаѣ могутъ и „ликвидиро-

*) Перечисленіе и сведеніе въ красный корпусъ, распоряженіе выпущ. офиц. 2/III-1918 г

вать“ по „ошибкѣ“, сегодня-же ночью. Грѣховъ за нимъ у насъ никакихъ не значится, а арестовали только по телеграммѣ изъ Пскова, за покушеніе убить какого-то комиссара „Скуднаго“. А это обвиненіе растяжимое..., можно и вывернуться. Значитъ, нуженъ только хорошій „куш“...
Иди, и какъ можно скорѣе, къ товарищу Брегу, ты его знаешь, а послѣ — посѣти и товарища Дожу... — Какъ только получу отъ нихъ распоряженіе, хотя-бы и по телефону, ту-же минуту дамъ распоряженіе по канцеляріи о переводѣ его въ тюрьму; гдѣ съ нимъ можно и видѣться въ назначенные для того часы... — Ну, иди! и скорѣй!.. — Только говори съ ними твердо и настойчиво... — Послѣ того, заходи ко мнѣ, сюда...

Юнкеръ Цепа вышелъ не прощаясь, и быстро направился въ призидіумъ комитета; а Донъ Опалъ, тѣмъ временемъ, черезъ задній ходъ бросился по темной лѣстницѣ въ подвалъ предупредить инквизиторовъ-чекистовъ, стрѣлявшихъ и допрашивавшихъ въ то время измученнаго полковника Казбегорова.

Пріемъ у Бреги былъ въ разгарѣ, но очередь просителей до того велика, что юнкеръ Цепа предпочелъ искать другой выходъ и обратился къ секретарю съ просьбой — принять его внѣ очереди, по дѣламъ, молъ, службы.

— А вы знакомы съ товарищемъ Брегой? — поинтересовался секретарь.

— Да...

— Ваша фамилія? — и получивъ утвердительный отвѣтъ, секретарь что-то записалъ и ушелъ, но черезъ минуту —другую вернулся и съ улыбкой протянулъ, усаживаясь около стола: — Товарищъ Цепа! ваша первая очередь...

Брегъ принялъ юнкера Цепу какъ старый знакомый ихъ дома; дружески пожавъ руку и усадивъ на стулъ около стола, онъ началъ было разспрашивать про старыя дѣла дѣла молодости и про Людмилу Рихардовну. Цепа отвѣчалъ не охотно и, при первомъ удобномъ случаѣ, заговорилъ о своей просьбѣ.

— Ваша сестра гордячка и великая аристократка теперь... — въ отвѣтъ, сквозь зубы, протянулъ Брегъ: — Я все-же сдѣлаю удовольствіе для васъ и для нея... — Дѣло не такъ ужъ страшное, какъ казалось сначала: — нуженъ

только лишь хорошій „кушъ“! . . . — Вотъ вамъ пропускъ къ Губернскому Комисару: Онъ кавказецъ-осетинъ и, быть можетъ, тоже войдетъ въ положеніе арестованнаго. . . — и онъ приподнялся, подалъ руку и пропускъ и, съ маслянной улыбкой, снова заговорилъ фамильярнымъ тономъ . . — Людмилѣ Рихардовнѣ передайте привѣтъ и наилучшія пожеланія. — На сей разъ она еще не можетъ расчитывать овдовѣтъ. . . — Нужно только лишь терпѣніе. . .

— Вотъ хамъ! — Въ такую тяжелую минуту и онъ вспоминаетъ прошлое, молодыхъ — дѣтскихъ лѣтъ игру. . и награждаетъ еще злой шуткой. . . — подумалъ юнкеръ Цепа и молча вышелъ, быстро направляясь въ губернскій комитетъ.

— Въ губернскомъ комитетѣ „товарищъ“ Дожа принялъ юнкера Цепу также внѣ очереди, черезъ своего секретаря, на основаніи пропуска Бреги. При чемъ, еще при входѣ въ его кабинетъ, онъ бросилъ на вошедшаго суровый взглядъ и почти что крикнулъ ему навстрѣчу:

— Знаю, знаю твое дѣло! Мнѣ уже сообщили по телефону. — Я далъ свое согласіе. . . — Больше ничего! — Можешь итти обратно. . .

Цепа вежливо откланялся и также молча вышелъ въ коридоръ; незная — что-же дальше предпринять, онъ остановился въ раздумьѣ? О темныхъ дѣлахъ Дожи въ прошломъ юнкеръ Цепа слыхалъ и отъ сестры и отъ Давида Ильича, почему въ заявленіе его, что онъ, молъ, далъ свое согласіе, не-вѣрилось теперь. Вообще, Дожа невнушалъ довѣрія и, на сей разъ, казалось невѣроятнымъ его джентльменство и высокій жестъ великодушія. Тѣмъ не менее, юнкеръ Цепа все же рѣшилъ итти обратно въ чрезвычайную комиссію, къ Опалу.

Опалъ, вѣроятно, ожидалъ его, — такъ какъ неуспѣлъ юнкеръ Цепа войти въ канцелярію, какъ у дверей онъ уже схватилъ его подъ руку и молча увлекъ къ окну.

— Видишь! — протянулъ Опалъ: — его увели въ тюрьму. . .; но знай, дружище, рука руку моетъ; а дальнѣйшая его судьба-завистъ также отъ того. . .

Юнкеръ Цепа поблѣднѣлъ; ему не вѣрилось что бы это вели подъ руки его сестры мужа, Давида Ильича, еще молодого — цвѣтущаго человѣка. Картина-же была такова:

полковника Казбегорова, помятого и сильно потрепаннаго, съ болѣзненнымъ на видъ лицомъ, ведутъ подъ руки два служителя въ сѣрыхъ халатахъ, а по-бокамъ — два вооруженныхъ красногвардейца. Направились они въ тюремныя ворота, что на другой сторонѣ площади. Дальше, онъ не могъ уже наблюдать: горячія слезы залили его глаза, сердце какъ-бы остановилось, а ноги атказывались стоять. Вдругъ, какой-то рѣзкій гулъ, гулъ нохожій на выстрѣлъ, вновь ободрилъ его, и онъ испуганно спросилъ.

— Что это? . . . — а будетъ-ли „онъ" живъ? . . .

— Это, выстрѣлъ у насъ въ подвалѣ, — тихо отвѣтилъ Опалъ. И, немного подумавъ, ехидно, зло добавилъ: — Вѣроятно чрезвычайные слѣдователи „ликвидировали" какого-то „субъекта". Но, за Казбегорова, ты будь спокоенъ; также передай объ этомъ и сестрѣ своей и старикамъ: — Разъ я взялся за это дѣло, то доведу его до конца, съ помощью „товарища" Бреги, а тотъ Кавказскій „донъ-Жуанъ" пусть себѣ. . . — Правда, Казбегорова сегодня немного потрепали въ подвалѣ, за то теперь онъ будетъ находиться въ тюрьмѣ офиціально, а фактически — въ больницѣ на излѣченіи. . . — Завтра приходи, я дамъ тебѣ и пропускъ, и ты можешь навѣстить его. . . — Незабывай только, нужна мазь, что-бы колеса не скрипѣли, и какъ можно скорѣе снять его съ учета. . .

— Вотъ, гдѣ гнѣздо заразы, „чумы красной". . . — подумалъ юнкеръ Цепа и незамѣтно досталъ изъ кармана 100 рублевый билѣтъ царскаго времени и передалъ Опалу, добавивъ: — Послѣдніе мои гроши, а Казбегорова ценности и деньги у васъ . . — Но я, постараюсь, съ сестрой. . .

Опалъ принялъ деньги неохотно, сдѣлавъ кислое лицо, но когда Цепа добавилъ, что „онъ постарается съ сестрой", немного повеселѣлъ и произнесъ: — „ну, хорошо, хорошо" ..

Въ этотъ-то моментъ, у подъѣзда дома „чрезвычайки", остановился извозщикъ, и изъ саней вышла какая-то молодая, солидная дама, богато одѣтая по зимнему, и быстро вошла въ переднюю, оставивъ извозщика у подъѣзда.

— Кажется, твоя сестра пріѣхала. . ., ну и будетъ же намъ, теперь! — тихо проговорилъ Опалъ, съ улыбкой заглядывая на улицу въ окно.

— Пусть входитъ! — равнодушно отвѣтилъ Цепа.

Въ дверяхъ большой комнаты, служащей для канцеляріи показалась Людмила Рихардовна: заплаканная и блѣдная, скорѣе похожая на тѣнь. Замѣтивъ у окна брата и Опала, она быстро направилась къ нимъ и, подойдя въ плотную и не здороваясь, тихо, но энергично, спросила у Опала:

— Гдѣ мой мужъ? — Куда запрятали его? — головорѣзы! мясники, проклятые! . . .

— Людмила Рихардовна! — Не волнуйтесь! — Вѣдь дѣло уже выяснено; я и вашъ братъ приняли всѣ предосторожности, что-бы спасти его. . . — отвѣтилъ Опалъ пѣвучимъ тономъ.

— Я хочу видѣть его живымъ или мертвымъ, но сію же минуту! — почти крича, со слезами на глазахъ, настаивала на своемъ Людмила Рихардовна.

— Сію минуту нельзя! - язвительно отвѣтилъ Опалъ.

— А я говорю что можно! — вновь нервно вскрикнула Людмила Рихардовна.

Вся толпа людей, посѣтителей и большой штатъ служащихъ, обратили свое вниманіе на нее, и у каждаго изъ нихъ на лицахъ появились одобрительныя улыбки.

— Гдѣ онъ? — сквозь плачъ, нервно продолжала она настаивать на своемъ.

— Въ тюремной больницѣ. . . — тихо отвѣтилъ Опалъ.

— И вы, дикіе звѣри двуногіе, выпущенные изъ Московскаго и Петроградскаго звѣринцевъ, вполнѣ здороваго человѣка успѣли съѣсть за какихъ-нибудь 3—4 часа. . . — грозно проговорила Людмила Рихардовна: — А живъ-ли онъ, еще! — обратилась она къ брату.

— Да! — отвѣтилъ Авдушъ и началъ разсказывать ей, тихо, на ухо, все-то что онъ видѣлъ и что сдѣлано уже — съ самого начала ареста на квартирѣ до послѣдняго момента, когда онъ видѣлъ его на улицѣ идущимъ, съ помощью двухъ служителей, въ тюрьму подъ конвоемъ.

Разсказъ занялъ довольно много времени и Опалъ, не дождавшись его конца, присѣлъ къ своему столу и принялся подписывать какія то бумаги, принесенныя ему съ разныхъ столовъ, но въ первую очередь куда-то позвонилъ по телефону, кому-то что-то говорилъ: „уходъ самый лучшій, дать ванну, хорошую кровать, бѣлье. . .“

Людмила Рихардовна какъ будто-бы немного успокоилась; но когда Авдушъ договорился до „выстрѣловъ въ подвалѣ“, и до „куша — рука руку моетъ“, она шопотомъ остановила его, а сама блѣдная какъ тѣнь, перенося душевныя потрясенія, неожиданно упала на полъ безчувствъ. Самъ же Авдушъ, блѣдный, безпомощный, опустился на ближайшій стулъ. Въ канцеляріи чеки поднялась суматоха: забѣгали служителя и канцелярскіе писцы, двѣ женщины занялись Людмилой Рихардовной, а молодые мужчины принесли воды; Опалъ досталъ откуда-то „нашатырнаго спирта“ и началъ натирать ей виски и давать его нюхать. Скоро Люомила Рихардовна очнулась и также присѣла на стулъ около брата. Ея настойчивая натура вновь заговорила о мужѣ. Отдохнувъ немного и собравшись съ силами, она пригласила къ себѣ Опала и тихо, чуть дыша, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Господинъ Опалъ! — Сколько будетъ стоить мнѣ все это „удовольствіе“?... и рѣшительно взглянула на него.

— Видите-ли, вы мой другъ дѣтства, Авдушъ тоже... — замялся Опалъ, и послѣ длинныхъ и подробныхъ вычисленій, предательски выговорилъ общую сумму 40 тысячъ рублей, или бумажными деньгами царскаго времени или по курсу — золотыми вещами и бриліантами, а уплату произвести ему лично, въ отдѣльной комнатѣ канцеляріи „чеки“.

— Хорошо, я согласна! — Завтра къ 10 час. вы получите. — Передайте объ этомъ и своимъ-же „ГеБеДе“. — Мое же условіе: завтра я получаю отъ васъ живымъ и невредимымъ своего мужа Давида Ильича Казбегорова. Согласны-ли вы?... — энергично утвердила сдѣлку Людмила Рихардовна.

— Согласенъ!... — протянулъ Опалъ.

И она, все еще несовсѣмъ хорошо чувствовавшая себя, дрожащей рукой, незаметно, достала изъ ручной сумочки двѣ пятисотки и, также незамѣтно для другихъ, передала ихъ въ руки Опалу. Онъ улыбнулся и поспѣшилъ заговорить другимъ тономъ:

— Это будетъ авансъ... — Завтра утромъ у насъ засѣданіе призидіума и дѣло Казбегорова разберемъ въ первую очередь и, конечно, въ желательномъ для васъ смыслѣ... — Пусть хоть Авдушъ прійдетъ къ засѣданію!, если вы бу-

дете заняты... — и Опалъ низко поклонился, молча проводилъ ихъ до дверей, услужливо открылъ и еще разъ поклонился.

Братъ и сестра вышли на улицу молча, не прощаясь съ услужливымъ чекистомъ, хотя онъ и принадлежалъ раньше къ кругамъ интелигентной и образованной молодежи.

Психологія Дона Опала была для всѣхъ понятна; онъ сынъ 1-й гильдіи купца города Варшавы, но остался круглымъ сиротой 10-ти лѣтъ отъ роду и былъ взятъ на воспитаніе дальнѣй родственницей, полькой, проживавшей въ городѣ Ригѣ, которая и дала ему возможность окончить университетъ въ Варшавѣ. Міровая война его не коснулась; будучи негоднымъ къ военной службѣ, онъ оставался гражданиномъ свободной профессіи, юристомъ, поддавшись и общему революціонному движенію; а, при эвакуаціи Западныхъ губерній, переселился на жительство въ городъ Витебскъ. Россійскія революціи увлекли Опала, какъ и многихъ другихъ, такъ далеко въ лѣво, что сдѣлали его расчетливымъ чекистомъ — комерсантомъ.

Людмила Рихардовна приказаза своему извозщику ѣхать къ тюремной больницѣ; гдѣ, у воротъ ея, надзирателю также сунула въ руку хорошія чаевыя, и свободно прошла съ братомъ во дворъ больницы, получивъ даже и указаніе — какой дорожкой нужно итти въ пріемную. Дальнѣйшее движеніе ихъ пріостановилъ дежурный фельдшеръ у рѣшотки, заявивъ въ формѣ „вежливаго — чекиста“:

— Товарищъ Опалъ меня предупредилъ — о возможномъ появленіи васъ въ больницѣ, почему дальше пропустить никакъ нельзя: больные могутъ донести... и я, тогда, пропалъ...

— А гдѣ же больной Казбегоровъ — сквозь слезы ласково спросила Людмила Рихардовна. Но не успѣла она получить отвѣтъ, какъ Авдушъ радостно, но тихо, проговорилъ:

— Вонъ и Давидъ Ильичъ лежитъ на кровати, въ томъ концѣ палаты, и читаетъ какую-то газету!... Да у него и нога, почему-то, забинтована!?...

— А что у него съ ногой?... — спросила и Людмила Рихардовна у фельдшера, внимательно разсматривая мужа на далекомъ разстояніи, черезъ рѣшотку и длинный рядъ кроватей.

— Какой-то ушибъ, съ глубокимъ поврежденіемъ кожи... — лаконически отвѣтилъ фельдшеръ.

— Разбойники! — тихо шепнула она и, доставъ 10-ти рублевый билетъ, сунула фельдшеру въ руку, добавивъ: — Вамъ на „чай“. . . — И будте любезны, хоть записочку передайте Казбегорову отъ меня. . . — Я его жена. . .

— То, можно. . . — согласился фельдшеръ.

И она, тутъ-же на подоконникѣ, на листочкѣ блокъ-нота, по—французски написала: „Дэзи! — Я около тебя, но говорить съ тобою неимѣю права. . . — Уѣзжаю домой, но завтра утромъ, надѣюсь, вырвать тебя изъ рукъ тирановъ. . . Горячо цѣлую. Твоя Миля. 23 II. 1918. 8 ч. веч.“ и передала фельдшеру, а сама и Авдушъ, поднявшись на цыпочки, черезъ рѣшотку и всю длинную палату наблюдали за нимъ. Казбегоровъ прочемъ записку, повернулся лицомъ ъъ сторону рѣшотки, но никакъ не могъ разсмотрѣть ея фигурку въ плохо освѣщенномъ проходѣ и изъ-за густой рѣшотки. Наконецъ, увидѣлъ колеблющійся носовой платочекъ, улыбнулся и послалъ „преданнымъ защитникамъ его и ходатаямъ“ свой чистосердечный воздушный поцѣлуй. У Людмилы Рихардовны показались на глазахъ слезы, приступъ истерики душилъ ее, дыханіе захватывало но она не могла долго бороться, дала знакъ платочкомъ о своемъ уходѣ, повернулась къ брату и вышли, поддерживаясь подъ руку.

Пріѣхали домой только около 9 час. вечера; на скорую руку немного закусили, и оба, немедленно, приступили къ сбору цѣнностей своихъ и ихъ оцѣнку.

Цѣнности и предметы, относящіеся къ элегантному туалету и имѣющіе характеръ важныхъ воспоминаній въ жизни, главнымъ образомъ: подаренныя мужемъ, когда была еще невѣстой, и крестнымъ отцомъ, Людмила Рихардовна въ расчетъ не принимала. На свое секретное совѣщаніе съ братомъ пригласила и отца: отобрали цѣнныхъ вещей, менѣе важныхъ и относящихся къ ея дѣтскимъ годамъ, на 20 тысячъ рублей, отложила и 5 тысячъ рублей изъ оставшихся въ ея распоряженіи 10 тысячъ; отецъ также далъ ей половину изъ своихъ сбереженій, около 6 тысячъ рублей, съ условіемъ — не говорить матери о томъ ни слова и, даже, намека не давать ей объ этомъ. Остальную сумму, 9 тысячъ, рѣшили достать у извѣстныхъ въ городѣ „ростовщиковъ“ и

„поставщиковъ“ цѣнностей для новой „красно-черной“ аристократіи. Она достала нѣкоторые отдѣльные цѣнные камушки и ожерелье, доставшіеся ей по наслѣдству отъ бабушки по матери, извѣстной рижской 1 й гильдіи купчихи Куртенкалнъ и передала брату Авдушу. И онъ, немедленно ушелъ, ушелъ молча, скрегя сердце, страдая и за то, что такъ легко и офиціально наживаются другіе, грабя сестру подъ угрозой лишить жизни ея мужа. Было уже около 10 часовъ ночи.

Потрясенный несчастіемъ, случившимся съ зятемъ, отецъ Цепа теперь сидѣлъ въ комнатѣ дочери и плакалъ въ ея присутствіи такъ, какъ плачутъ обыкновенно маленькія дѣти около матери своей, жалуясь ей на взрослыхъ, оскорбляющихъ ихъ дѣтскія чувства и принуждающіе ихъ дѣлать то, что нравиться только имъ, именно, „большимъ“. Людмила Рихардовна молчала. Она вся была мысленно около мужа. Она хорошо знала тактику „товарищей изъ Москвы“ и еще небыла окончательно увѣрена въ успѣхѣ начатаго ею „освободительнаго дѣла“. Она боялась также и за него, за мужа, который съ твердымъ и открытымъ характеромъ, вообще неустрашимо смотритъ въ глаза смерти. И при этой-то душевной борьбѣ, глядя на плачущаго отца, она вспомнила свою бывшую прислугу*), хитрую, но иногда и добрую, Машу и злого и суроваго на видъ ея мужа, бывшаго полицейскаго Дожу, а теперь Губернскаго Комиссара, какъ передалъ ей объ этомъ и Авдушъ; и вдругъ ей стало страшно. Она схватила руками голову и, въ отчаяніи, со слезами на глазахъ, произнесла:

— Папа! — Иди спать, а я переодѣнусь въ „нищую“, надѣну старое рабочее мамы платье, фартухъ, теплый ея платокъ и старое пальто, и въ такомъ-же видѣ, теперь-же, посѣщу еще одну особу, мою бывшую прислугу... — Пусть радуется „дѣвка“ объ униженіи и бѣдности народныхъ патріотовъ своей-же „великой и богатой страны родной“...

И она, быстро переодѣвшись, какъ сказала отцу, вышла на улицу. Было темно и шелъ маленькій дождикъ. Улицы города не освѣщены.

---

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“

— Какъ страшно, въ такую темную и глухую ночь, ходить одной по неосвѣщенымъ улицамъ. . . — подумала она, но твердо перекрестилась и, прочитавъ молитву къ „Спасителю“, она увѣреннымъ шагомъ пошла, придерживаясь все время средины улицы.

Въ темнотѣ показался силуетъ большого господскаго дома. Въ этомъ красивомъ особнякѣ, на главной улицѣ губернскаго города, жила только одна Маша съ Дожей, занимая 13 комнатъ, роскошно обставленныхъ и оставленныхъ въ такомъ видѣ какимъ-то богатымъ „патріотомъ“, бѣжавшимъ съ семьей заграницу. У подъѣзда ее остановилъ вооруженный „товарищъ“. Но Людмила Рихардовна поспѣшила сунуть и ему въ руку „хорошія чаевыя“, спросила „товарища Машу“ и свободно прошла черезъ калитку на кухню.

Въ квартирѣ губернскаго комиссара Дожи, очевидно, въ то время былъ большой балъ, такъ-какъ у подъѣзда стоялъ рядъ автомобилей съ красными флажками, а изъ комнатъ на кухню доносились звуки музыки духового и струннаго оркестра и шумъ танцующихъ „красныхъ паръ“, а изъ столовой — веселый, непринужденный разговоръ „вельможъ“ и звонъ посуды.

— Боже мой! — подумала Людмила Рихардовна: — и это пиръ и веселье въ голодное время, когда люди умираютъ и отъ голода и отъ холода; „чекисты“ арестовываютъ и разстрѣливаютъ гражданъ только за то, что тотъ или другой гражданинъ имѣетъ при себѣ дома, своего-же урожая, муку, или-же гдѣ либо купилъ ее за дорогую цѣну, лишь-бы только спасти семью отъ голодной смерти. . ., а „они“ грабятъ имущую интелигенцію и состоятельныхъ крестьянъ — земледѣльцевъ, арестовываютъ и уничтожаютъ ихъ въ подвалахъ „чеки“, а сами по ночамъ кутятъ и веселятся, устраивая дикія оргіи. . .

На кухню скоро пришла и сама хозяйка, „товарищъ Маша“; изгибаясь и шурша своимъ шелковымъ платьемъ, она куда-то посылала свою кухарку — старушку; но, какъ-бы случайно, замѣтивъ Людмилу Рихардовну, . . . остановилась, свысока бросивъ презрѣнный взглядъ на вошедшую.

— Что вамъ нужно отъ „мине“; дорогая? — первая спросила Маша, съ ироніей подчеркивая слово „дорогая“

и стоя передъ Людмилой Рихардовной широко разставивъ ноги и взявъ руки на бедра, какъ-бы для „ухарской пляски“.

Людмила Рихардовна разсказала ей подробно о случившемся и о разговорѣ съ Опаломъ; между прочимъ, высказала и свое опасеніе на возможный неуспѣхъ освобожденія мужа, и вдругъ. . . крупныя слезы покатились у нея по щекамъ.

— Не плачте, дорогая! — Я магу пагаварить съ товарищамъ Дожай, и даже упрасить яво — освободить вашего мужа. — Я помню, какъ вы яво сильно любили и много, даже, страдали. . . — сказавъ послѣднюю фразу, Маша ехидно улыбнулась.

Рис. 6. „Боже мой“!... убитая горемъ, въ отчаяніи Людмила Рихардовна: - „.... чекисты“ арестовываютъ и разстрѣливаютъ гражданъ только за то, что тотъ или другой гражданинъ имѣетъ при себѣ дома своего-же урожая муку, или-же гдѣ либо купилъ за дорогую цѣну, лишь-бы только спасти семью отъ голодной смерти. . .; а „сами“ грабятъ имущую интелигенцію и состоятельныхъ крстьянъ-земледельцевъ, арестовываютъ и уничтожаетъ ихъ...

Но, въ это-же время, Людмила Рихардовна сунула ей въ руки 500 рублевый билетъ и сквозь слезы шепнула:

— Это, вамъ, на „благотворительность“! . . .

Та неопредѣленно поклонилась, какъ дѣлала это и раньше, будучи у нея прислугой, въ знакъ благодарности, а

деньги спрятала себѣ подъ лифчикъ и задумалась, прислушиваясь къ чему-то.

— Кажатся, товарищъ Дожа уже освободился. У насъ тяперь много гостей и онъ оченно занятъ. . . — Абаждите! я перегавару съ нимъ, тяперь-же. . . — и она, шурша платьемъ, быстро ушла въ комнаты, откуда все еще неслись говоръ и крикъ веселящейся публики. Но скоро заиграла музыка и послышались шумъ и стуки пляшущихъ, въ которыхъ утонуло все остальное; и только изрѣдка визгъ женскихъ голосовъ, рѣзко прорѣзывалъ общую „окрашенную" симфонію.

Черезъ нѣкоторое время, Маша вновь появилась на кухнѣ; улыбаясь и держа руки сзади, она тихо сообщила:

— Ну, дарагая, все будетъ зависѣть отъ доклада „товарища" Опалы и заключенія „товарища" Бреги, а Дожа утвердитъ безъ препятствій. Онъ знаетъ Казбегорова по какому-то корпусу въ старой арміи на фронтѣ и его виллу на Кавказѣ, отъ которой у Дожи *) остались хорошія воспоминанія еще съ октября 1915 года. . . — Ну, идите, тяперь, домой и спите спокойно, а мнѣ нѣтъ времени! . . . — Досвиданія, дарагая! . . — и она, круто повернувщись, ушла обратно, въ комнаты, къ своимъ „гостямъ".

Людмила Рихардовна вернулась домой только около 12 часовъ ночи. Усталая и разбитая, она и однимъ словомъ не обвинила „тѣхъ людей", которые пируютъ и веселятся въ такое для нея и для многихъ, многихъ другихъ тяжелое время; а молча взяла библію, присѣла къ столу н случайно открыла ее:

— „Раздѣлили ризы Мои между собою, и объ одеждѣ Моей бросали жребій. . . " — прочла она и остановилась. Въ это время въ передней послышался шорохъ и скоро въ комнату вошелъ братъ ея, Авдушъ.

— Все въ порядкѣ! — Устало протянулъ онъ, досталъ изъ кармана нужную сумму денегъ и передалъ сестрѣ.

— Авдушъ! — завтра рано утромъ идемъ въ Чрезвычайку, что-бы до засѣданія еще переговорить съ Опаломъ!.. — тихо и съ печальной ноткой въ голосѣ, какъ-бы въ от-

---

*) См. т. I „Во власти женщинъ".

вѣтъ, проговорила Людмила Рихардовна и разсказала брату о своемъ посѣщеніи Маши, на квартирѣ Дожи.

— Хорошо! . . . — монотонно отвѣтилъ Авдушъ; но, быстро подойдя къ сестрѣ, онъ все-же горячо поцѣловалъ ее въ головку и, вновь, тихо проговорилъ: — Мужайся, сестрица! . . . такое время. . ., только наша сила воли и „Провидѣніе" могутъ спасти Давида Ильича и, насъ. :.

Людмила Рихардовна на этотъ разъ неудержалась, нервно прослезилась и, быстро поднявшись на ноги, тяжело вздохнула и схватила брата за руки: — Помоги мнѣ, Авдушъ! я безсильна. . . — Спаси его и меня! . . . тихо вскрикнула она и вся задрожала.

Авдушъ поспѣшилъ успокоить ее; и приласкавъ сестру, они въ концѣ-концовъ рѣшили: немного заснуть, гдѣ и какъ нибудь, одѣтыми, уменьшивъ лишь свѣтъ лампы. Было уже около двухъ часовъ ночи.

Чуть стало на дворѣ свѣтать, Людмила Рихардовна и Авдушъ уже сидѣли у себя въ комнатѣ за столомъ и завтракали, готовясь къ выходу въ городъ, въ „чеку", освобождать Давида Ильича, а до того — пройтись пѣшкомъ и освѣжиться.

Въ канцеляріи „Чеки", въ 9 часовъ утра, они застали много уже собравшихся посѣтителей: изнуренныхъ, измученныхъ и голодомъ и холодомъ, а быть можетъ и безсонными ночами, „свободныхъ гражданъ" — изъ мѣстныхъ горожанъ и, пріѣхавшихъ изъ провинціи, крестьянъ, вѣроятно, по своей душевной простотѣ, искать правды у чекистовъ? . . . И, черезъ головы — толпы, въ другой залѣ, Авдушъ замѣтилъ также и собравшихся на засѣданіе „Главныхъ вершителей судебъ губерніи" и, стоявшаго тамъ-же полковника Казбегорова, подъ охраной двухъ вооруженныхъ красногвардейцевъ.

— Началось! — прошепталъ онъ сестрѣ на ухо. Она горячо перекрестилось и, незамѣтно для другихъ, поцѣловала свой крестикъ на груди, держа крѣпко въ лѣвой рукѣ и свертокъ съ драгоцѣнностями и деньгами, выкупную плату за мужа.

Черезъ нѣкоторое, короткое время, неожиданно въ дверяхъ, ведущихъ въ канцелярію, показался „товарищъ" Опалъ, а за нимъ сзади и полковникъ Казбегоровъ — изму-

ченный, усталый и хромой на правую ногу, но свободный, безъ конвойныхъ. Донъ Опалъ усадилъ его тутъ-же у дверей, около своего стола, а самъ, быстро подошолъ къ Людмилѣ Рихардовнѣ и Авдушу и, нездороваясь, пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ, въ отдѣльную, пустую комнату.

— Дѣло въ шляпѣ! — Казбегоровъ свободенъ! — сказавъ увѣренно, „чекистъ Опалъ“ замолчалъ, какъ-бы ожидая чего-то. Людмила Рихардовна также молчала; не торопясь, она передала ему свертокъ, предварительно вынувъ изъ него двѣ пятисотки, полученныя имъ еще вчера вечеромъ, какъ задатокъ. Опалъ внимательно провѣрилъ содержимое свертка, вздрогнулъ плечами, улыбнулся, а затѣмъ вновь пересмотрѣлъ цѣнности, пощупалъ камушки, повертѣлъ ихъ на солнечномъ свѣтѣ, все-какъ истый спеціалистъ-ювелиръ, еше разъ улыбнулся и свертокъ цѣликомъ спряталъ себѣ въ карманъ.

— Немного маловато, ну ничего! — протянулъ Опалъ: — Сію минуту будетъ свободенъ... — и игриво вышелъ первымъ

За нимъ медленно послѣдовала Людмила Рихардовна и Авдушъ и оба остановились у выходныхъ дверей. Давидъ Ильичъ въ то время подписывалъ какую то бумагу, подсунутую ему Опаломъ: „О неимѣніи къ намъ никакихъ претензій“ — шепнулъ ему услужливый чекистъ; но Давидъ Ильичъ больше не слушалъ его, повернулся и медленно направился также къ выходнымъ дверямъ, сильно хромая больными ногами.

Опалъ и въ послѣдній разъ не упустилъ случая доказать свою „воспитанность-чекиста“: быстро подбѣжалъ къ уходившимъ, крѣпко пожалъ всѣмъ руки, открылъ дверь и низко поклонился.

Только въ передней Людмила Рихардовна и Авдушъ поцѣловались съ Давидомъ Ильичемъ, который тихо, по — французски, и сказалъ имъ:

— Подробности послѣ... — Онѣ всѣмъ извѣстны..., но никто нехочетъ взяться за лѣченіе и уничтожеиіе этой „красной болѣзни“, погубной для всего міра... — Красные народы превратились въ эгоистовъ, грабятъ и разоряютъ чужое, мечтая построить свое „царство“ на фундаментѣ изъ песка...

— Сегодня-же вечеромъ, господа, намъ нужно ѣхать дальше, ближе къ югу. . . — какъ-бы въ отвѣтъ проговорилъ и Авдушъ по — нѣмецки.

— Да, да! — Вполнѣ правильно, Авдушъ! — Матери родной у насъ, вѣдь нѣтъ теперь, а мачиха можетъ и погубить. . . — Ѣдемте-жъ скорѣй домой, обѣдъ и укладка. . . — по — англійски сказала рѣшительно Людмила Рихардовна, и они вышли на улицу поддерживая подъ руки больного Давида Ильича и, по тактическимъ соображеніямъ, разговаривая на разныхъ европейскихъ языкахъ, которыми владѣли всѣ трое въ совершенствѣ.

XIII.

24 февраля, вечеромъ, отецъ Цепа былъ на дежурствѣ; онъ еще днемъ, такъ сказать заранѣе, намѣтилъ вагонъ-теплушку стоявшую на запасныхъ путяхъ станціи Витебскъ, вполнѣ пригодную и весьма удобную для передвиженія его „дѣтей“, рѣшившихся броситься въ путь — искать сносной и терпимой жизни. Начинало уже темнѣть. Солнечный день конца зимы, подъ вечеръ замѣнила внѣзапно наступившая холодная погода, съ снѣжной метелью вь ночь. Наши герои, незамѣтно для сосѣдей, оставили свою квартиру и быстро переѣхали на станцію, занявъ намѣченый вагонъ. Въ вагонѣ было тепло и уютно, а до отхода поѣзда оставалось еще довольно много времены; и они рѣшили — отдохнуть и заснуть послѣ пережитыхъ предательскихъ невзгодъ, предупредивъ отца: „не — забыть-же прицѣпить и ихъ вагонъ къ первому отходящему поѣзду на Орелъ“.

Но вотъ и полуночь. Стукъ и лязгъ вагоновъ и шумъ маневрировавшаго по путямъ паровоза прервалъ ихъ сладній сонъ. Вагонъ былъ прицѣпленъ, и къ нимъ вошелъ горячо любимый ихъ „папаша“ Цепа. Людмила Рихардовна бросилась отцу на шею, горячо его разцѣловала и, сквозь слезы, тыхо заявила;

— Папочка! — Жаль, что въ это время „мамы“ дома нѣтъ. . . — Передай ей нашъ привѣтъ. . . — Пусть не засиживается долго у своей сестры Фруктъ, а больше заботи-

ся о тебѣ, пока силы есть. . . — Нашъ-же поспѣшный отъѣздъ пусть не считаетъ за побѣгъ: ея характеръ и настоящія условія жизни — являются всему виною; но мы, какъ дѣти, хотя и неродныя, всегда къ ея услугамъ и на старость никогда неоставимъ безъ помощи: Я и Дэзи клянемся тебѣ. . . — О своемъ новомъ мѣстѣ жительства также сообщимъ своевременно. . . —До свиданія, до свиданія, до свиданія! . . . — Пиши и намъ, а при удобномъ случаѣ, и самъ почаще пріѣзжай. . .

Отецъ Цепа все время слушалъ дочь внимательно, и вотъ — вотъ собирался уже было со своей стороны что-нибудь сказать, какъ неожиданно заговорилъ Давидъ Ильичъ и Авдушъ. Оба подтвердили слова Людмилы Рихардовны, а затѣмъ перевели разговоръ совершенно на частную тему. Въ заключеніе, Авдушъ добавилъ:

— Папа! — А все-же всему виновата „мама“: благодаря ея стараніямъ, Давида Ильича сдѣлали временно калѣкой; мнѣ же на грудь нанесли штыкомъ рану, изъ которой и теперь еще сочится кровь; а Милю ограбили на большую сумму и деньгами и драгоцѣнностями. Ну, да проститъ же ей Богъ за предательство и ненавистъ ко всему культурному и просвѣщенному. Ты-же всегда былъ молодцомъ, такъ и оставайся-же такимъ навсегда. . . — и онъ горячо поцѣловалъ отца. Его примѣру послѣдовалъ и Давидъ Ильичъ.

Послышался третій звонокъ. Отецъ Цепа поспѣшилъ перекрестить своихъ „дѣтей“ и зятя, еще разъ попрощались и разцѣловались и, въ 12 час. ночи, наши любители твердой законной власти и порядка, оставили злопамятный имъ городъ Витебскъ навсегда.

На желѣзнодорожной линіи Витебскъ-Орелъ всюду на станціяхъ море головъ людей въ сѣрыхъ папахахъ и шинеляхъ, куда-то спѣшащихъ и что-то ищущихъ вокругъ. Такъже, какъ и два мѣсяца тому назадъ въ прифронтовой полосѣ, эти люди штурмуютъ вагоны отходящихъ поѣздовъ, безразлично — въ какую-бы то нибыло сторону, лѣзутъ на крыши, цѣпляются на площадкахъ тормозныхъ вагоновъ и, даже, на паравозахъ.

— Вѣдь армій нѣтъ, откуда-же эти люди ? . . — спросилъ полковникъ Казбегоровъ у старшаго кондуктора, по-

жилого старика, вошедшаго къ нимъ въ вагонъ погрѣться, подъ вечеръ второго дня ихъ ѣзды.

— Изъ такихъ людей состоитъ теперь, вся „наша великая страна". — Въ прошломъ году, съ февраля мѣсяца, никто ничего не дѣлалъ; думали-во всемъ свобода; а теперь ѣсть нечего; и вотъ, эти-то свободомыслящіе „товарищи" теперь и рыщутъ по всей странѣ, ища продовольствія. . . — Къ тому-же, среди нихъ есть много и интелигенціи, бѣгущей на югъ. . . отвѣтилъ старикъ-кондукторъ и зло улыбнулся.

— А скоро-ли будетъ Орелъ? — вмѣшался въ разговоръ и юнкеръ Авдушъ Цепа: — И нельзя-ли устроить такъ, что-бы нашъ вагонъ прицѣпили-бы къ поѣзду идущему на югъ? . . . и онъ улыбнулся, бросивъ нѣсколько словъ „колкой" шутки по адресу желѣжнодорожниковъ.

— Нельзя, господинъ! — Въ Орлѣ мы будемъ только около полуночи. . . — и старикъ кондукторъ призадумался, а затѣмъ, поднялся и вышелъ, не желая, по видимому, отвѣчать на шутки.

Около полуночи, тотъ-же старшій кондукторъ, въ сопровожденіи уже и молодого младшаго кондуктора, вновь появился въ вагонѣ нашихъ героевъ, и оба усѣлись мирно около печки. Юнкеръ Цепа и на сей разъ недавалъ имъ покоя, задавая такіе вопросы о современной жизни, что они оба, предпочитали скорѣе отнѣкиваться или совсѣмъ молчать, выказавъ свою полную безразличность къ окружающему ихъ. Авдушъ разсмѣялся; а остря про красный бантикъ на груди у молодого кондуктора, онъ даже сплюнулъ на полъ, Старикъ-кондукторъ, по видимому, вспылилъ; быстро поднялся и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— Черезъ 15 минутъ будемъ въ Орлѣ. . . — Собирайтесь! . . и оба „желѣзнодорожники" ушли въ другой вагонъ.

Супруги Казбегоровы въ разговоръ не вмѣшивались. Слушая чисто-дѣтскіе, наивные, отвѣты кондукторовъ, они только жалѣли многомилліонный „великороссійскій" народъ, путемъ обмана попавшійся въ полосу неосвѣщенной пути жизни, вмѣстѣ со своимъ „просвѣщеннымъ краснымъ Московскимъ центромъ". Дальнѣйшую поѣздку, они намѣтили лишь только, пока, до Курска; гдѣ временно и остановиться у знакомой помѣщицы-старушки, впредь до подысканія квартиры.

Но, вотъ и станція Орелъ. Въ темную и холодную полуночь ихъ поѣздъ, почему-то, остановили въ тупикѣ. Обширная площадь запасныхъ путей неосвѣщена; и наши „герои“, съ большимъ трудомъ, по путямъ въ темнотѣ, кое какъ перебрались съ вещами сами на станціонный перонъ. Желѣзнодорожный персоналъ мстилъ имъ „зломъ“ до очевидности.

Толпа людей, море головъ въ сѣрыхъ папахъ и шиняхъ, также и здѣсь волнуется, бурлитъ, выбрасывая неспокойный народъ, какъ и всюду, на арену красной борьбы, грабежа и разоренія. Они остались на перонѣ, ожидая обѣщаннаго поѣзда на Курскъ. Больныя ноги Давида Ильича недавали ему покоя. Ему необходимо было хотя короткое движеніе, но негдѣ. Всюду заполнено толпой. Чаша терпѣнія переполнялась; память отъ Витебской „чеки“ усугублялась. Наконецъ, и Людмила Рихардовна невыдержала: глядя на страдающаго мужа, она, бѣдняжка, въ двойнѣ страдала за него; къ тому-же, отъ переутомленія, стоя у вещей въ холодную морозную ночь, нервы ея начинали свою разлагающую организмъ работу.

Вдругъ, подбѣжалъ Авдушъ съ вѣстями: среди многихъ поѣздовъ, стоящихъ на станціи, одинъ изъ нихъ товарный на пятомъ пути, собирается уже къ отходу. Забѣгала бригада кондукторовъ. Авдушъ спѣшно переноситъ вещи на тормозную площадку вагона отходящаго поѣзда. Супруги-же Казбегоровы могутъ лишь помогать или мѣшать ему, но не работать. Скоро послышались и свистки, а затѣмъ — гудки, и поѣздъ тронулся. Поспѣваетъ вскочить послѣднимъ на площадку и Авдушъ: усаживаетъ сестру на чемоданы и обвертываетъ ее одѣяломъ, а Давиду Ильичу и себѣ набрасываетъ на головы брезентовое пальто, что-бы хоть не много защититься отъ холоднаго вѣтра въ гибнущей пустынѣ „С. С. С. Р-овской“ страны. И поѣхали наши „отважные-бѣглецы“, утѣшая себя надѣждой на лучшее въ будущемъ и, черезъ 2—3 часа, быть въ теплой квартирѣ „патріархальнаго Курска“, доброї помѣщицы-старушки“.

Скоро показалась на востокѣ заря. Людмила Рихардовна умиленно перекрестилась и проговорила:

— Вѣра и надѣжда спасаютъ человѣка, а любовь его

сближаетъ съ другими и заставляетъ творить только добро... и, чудо. . .

Авдушъ засмѣялся и, весело, непринужденно, отвѣтилъ сестрѣ въ шутку, на основаніи наблюденій:

— Люби этихъ „сѣрыхъ волковъ“, такъ тебѣ и площадки вагона невидать. . . — Нѣтъ, сестрица! — теперь эта проповѣдь негодится. . . — Въ границахъ нашей площадки только моя диктатура. — Вѣдь „шайки“ конныхъ „бандитовъ вахмистра Буденнаго, по указанію „С.С.С.Р-овъ“, бродятъ и теперь по всемъ необъятнымъ степямъ Россіи; въ особенности, рано утромъ, на зарѣ, самый удобный моментъ для нападеній. . .

Всѣ разсмѣялись, конечно, этой дикой, исторической, правдѣ въ двадцатомъ вѣкѣ, хотя и промерзли „докостей“. Но въ это время поѣздъ поднялся на вершину плоскогорья и, городъ Курскъ, показался имъ какъ-бы въ долинѣ, съ множествомъ церквей и колоколень, окутанныхъ прозрачной дымкой. Во всѣхъ домахъ города, казалось, — какъ-бы по заказу, дымились трубы. Стало совершенно свѣтло.

Поѣздъ ихъ остановился на запасномъ пути у семафора. Отцѣпили паровозъ; и онъ, свободно и легко, медленно ушелъ къ себѣ въ депо. Наши-же „путешественники“ также послѣдовали его примѣру: нагрузивъ себѣ на плечи свои вещи — медленно поплелись на станцію Курскъ I, гдѣ и заняли мѣста въ вагонѣ поѣзда на станцію Курскъ—городъ.

Въ Курскѣ представилась имъ совсѣмъ другая картина: меньше толкотни на станціяхъ, въ городѣ тишина и сравнительный порядокъ, мирная жизнь, замѣтно, мало нарушена движеніемъ народнымъ и безпорядками „красныхъ С.С.С.Р-ровъ“, а людей въ сѣрыхъ папахахъ и порванныхъ шинеляхъ — почти что невидно. Городъ находился въ тылу южнаго фронта; который менѣе другихъ страдалъ и переносилъ операцію красной экспериментаціи перерожденія и перевоспитанія народовъ.

Наши „путешественники“ легко вздохули. И когда спокойно раздѣлись и привели себя въ порядокъ, въ предоставленной имъ большой и хорошо обставленной комнатѣ квартиры гостепріимной и набожной помѣщицы старушки, по Б. Садовой ул. № 132, то юнкеръ Авдушъ Цепа отъ радости заговорилъ почти диктаторскимъ тономъ:

— Теперь — трехдневный отдыхъ, а затѣмъ и устройство на своей квартирѣ, осмотръ города и подысканіе занятій и работы... — и весело разсмѣялся.

— Я, объявляю диктатуру „красныхъ—товарищей“ — свергнутою, и провозглашаю военную диктатуру Авдуша, впредь до окончательнаго устройства нашей мирной—гражданской жизни въ этомъ миломъ и славномъ русскомъ городкѣ, съ украинской культурой и памятниками старины... — смѣясь и шутя отвѣтила Людмила Рихардовна.

— Просимъ, просимъ! — поддержалъ шутку жены и Давидъ Ильичъ.

— Хорошо, господа! — Я беру на себя эту отвѣтственную миссію и завтра-же съ утра иду одинъ въ городъ...

И, онъ, дѣйствительно, на другой день рано утромъ, ушелъ въ городъ не для прогулки, не ради развлеченія, а серьезно переговорить со своими знакомыми по училищу — о создавшемся безвыходномъ положеніи его и сестры съ мужемъ. На помощь отца у него небыло теперь надѣжды: тотъ всѣ свои сбереженія отдалъ для выкупа зятя, а самъ зять, теперь-голъ, какъ соколъ. Сестра-же его, Людмила Рихардовна, хотя и располагала еще въ то время небольшими средствами, но она, по его добродушному заключенію, вѣдь — женщина, и при томъ, въ положеніи, и имъ, мужчинамъ, было-бы подло и не тактично эксплоатировать ее.

Давидъ Ильичъ также началъ собираться въ городъ, къ врачу, на перевязку больной ноги Выходя изъ комнаты, онъ поцѣловалъ жену и ласково, между прочемъ, проговорилъ:

— Я знаю, Мили! — Ты думаешъ теперь хуже обо мнѣ, чѣмъ я въ дѣйствительности есть .. — и слезы печальной грусти пробѣжали у него по лицу; онъ поблѣднѣлъ, но быстро отвернулся и только у порога выходныхъ дверей добавилъ: — Адресъ врача, куда я иду, тутъ-же недалеко, Садовая ул. № 122... — Будь „паинькой“, не грусти!... — Дастъ Богъ устроимся!... — и онъ вышелъ на улицу.

Людмила Рихардовна въ то время дѣйствителъно переживала трагедію въ душѣ; улыбнувшись мужу, она продолжала молча наблюдать въ окно за жизнью города на улицѣ, и только, какъ-бы ему въ отвѣтъ, нѣжно протянула: — ну хорошо, хорошо...

На Садовой улицѣ было большое движеніе людей: то кучки рабочихъ спѣшащихъ на работу, то чиновники разныхъ вѣдомствъ съ портфелями важно направляющіеся въ свои канцеляріи, то мѣстный людъ горожанъ спѣшащій на базаръ и обратно. Въ этой-то пестрой толпѣ скоро затерся и нашъ генеральнаго штаба полковникъ Давидъ Ильичъ Казбегоровъ. Но вотъ, неожиданно, въ одной толпѣ рабочихъ онъ замѣтилъ давно знакомое ему лицо; вспомнилъ также, что еще въ аулѣ Каловскомъ, у себя на дачѣ „Казбегоръ“ въ 1916 году, знакомился съ участковымъ ветеринарнымъ врачемъ Шарко*). Шарко также обратилъ вниманіе на большую черную кавказскую папаху полковника Казбегорова, замедлилъ шагъ, круто повернулся и подошелъ къ нему.

— Давида Ильича Казбегорова-ли вижу я? — серьезно спросилъ Шарко и остановился.

— Вы, докторъ, неошибаетесь! онъ дѣйствительно и есть. . . — Здравствуйте! — отвѣтилъ полковникъ.

— Будемъ политичны, о прошломъ ни—ни—ни; говорите только хорошее о настоящемъ, — предупредительно заговорилъ Шарко: — Ну, здравствуйте. . . — и они пожали другъ-другу руки.

Старые знакомые разговорились о времени пріѣзда и о дальнѣйшихъ шагахъ въ области устройства жизни въ Курскѣ. Шарко напомнилъ Казбегорову и о его новостяхъ, появившихся въ газетахъ Курска, какъ онъ дрался съ комиссарами еще въ арміи, на фронтѣ, и о его арестѣ Витебской „чекой“. Между прочимъ, предупредилъ, что и въ Курскѣ „доить“ умѣютъ ловко.

— Что-жъ, комиссары сами виноваты, а теперь они только лишь мстятъ, защищая свою подлую—низкую работу — тихо пояснилъ полковникъ: — Ну, а здѣсь можно-ли что нибудь дѣлать?, вѣдь я остался совершенно нищимъ: все забрали. . .

— Съ вашимъ широкимъ оброзованіемъ, здѣсь пропасть нельзя. . . — Нужно, только, поискать „невинное мѣстечко“ и жизнь потечетъ какъ помаслу. . . — А пока что, поступайте ко мнѣ въ артель: на станціи „городъ“ вагоны

---

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“.

выгружать съ дровами и другимъ товаромъ... предложилъ Шарко: — Устраивайтесь, и заходите ко мнѣ! — Вотъ вамъ мой адресъ... — Додосвиданія! — Положительно нѣтъ времени... — и Шарко, передавъ свою визитную карточку съ адресомъ, быстро зашагалъ дальше, свернувъ съ Садовой на Вокзальную улицу.

Во-время короткаго ихъ разговора, на тротуарѣ собралась толпа мѣстныхъ зѣваковъ, очевионо, любуясь большой кавказской папахой. Мѣжду ними замѣтны были и подозрительные субъекты, таинственно шептавшіеся между собою; но, физіономіи и намѣренія которыхъ все-же не ускользнули отъ зоркаго глаза полковника; и онъ, какъ только Шарко зашагалъ дальше, также круто повернулся и быстро вошелъ въ передную дома врача. На этотъ разъ положеніе его было спасено.

У врача пріемъ затянулся до часу дня. Очередь полковника была двадцатая; и за это время, онъ много передумалъ о возможномъ его арестѣ; но выхода другого не было; бѣгство изъ пріемной отрѣзано. Самъ врачъ, по лицу, также не внушалъ довѣрія: онъ во время пріема много разъ заглядывалъ въ пріемную, справлялся объ очереди у каждаго изъ посѣтителей, и каждый разъ куда-то звонилъ по телефону изъ кабинета своего, но разговора понять нельзя было. Наконецъ, подошла и очередь полковника: все какъ-то быстро-скоро, присыпка, новый бинтъ... и все готово. Давидъ Ильичъ рѣшилъ итти „всему" на встрѣчу и только силой воли, съ вѣрой въ свою правоту, пробить себѣ дорогу. Распрощавшись съ врачемъ, онъ смѣло вышелъ на улицу.

Около самого дома врача, на улицѣ, его встрѣтили съ лакейской вежливостью два какихъ-то статскихъ господина; полконившись ему навстрѣчу, незнакомцы попросили документы о личности. Полковникъ Казбегоровъ незамедлилъ показать удостовѣреніе о личности, взятое имъ изъ Витебской городской милиціи, и свидѣтельство объ освобожденіи отъ службы по болѣзни.

— Все это хорошо и правильно, — протянулъ одинъ изъ нихъ: — ты и есь тотъ самый, который намъ нуженъ... — и выхвативъ изъ кармана револьверъ, грубо прикрикнулъ на полковника — „слѣдовать за мной". Другой-же

статскій, также съ револьверомъ въ рукѣ, слѣдовалъ за нимъ сзади. И печальный кортежъ направился въ центръ города, придерживаясь средины улицы.

— Отъ волка ушелъ, а на медвѣдя нарвался... — подумалъ полковникъ Казбегоровъ, и горько скривилъ лицо отъ боли ноги: — Милые граждане! – У меня, вѣдь, нога болитъ и мнѣ итти очень трудно... — Далеко-ли еще?...

— Нѣтъ, нѣтъ! — Вотъ, всего лишь сто шаговъ и Губернское правленіе комиссіи... — отвѣтилъ первый статскій.

Въ канцляріи комиссіи, какъ и въ Витебскѣ, предъявлено было старое обвиненіе, по дѣлу съ „товарищемъ Скудным“, а дополненіемъ служило и: „нежеланіе полковника Казбегорова служить въ красной арміи „товарищей-москвичей“, а, какъ генеральнаго штаба Штабъ-офицеръ, пробирается, молъ секретно на Кавказъ, къ казакамъ своимь“, гдѣ, въ то время усиленно росло и расширялосъ добровольческое освободительное движеніе въ Кубанскомъ Краѣ.

— Все это ложь и клечета... — отвѣтилъ имъ полковникъ энергичнымъ тономъ, указавъ на свидѣтелъство о болѣзни, на больную ногу, и на свидѣтелей: Командира Корпуса и новаго корпуснаго комиссара фельдшера-артиллериста Коровая.

— Хорошо! — Мы провѣримъ а, пока ты будеть считаться на положеніи „плѣннаго“, отдохнешь у насъ хорошо въ общей гражданской тюрьмѣ, и тамъ-же, въ лазаретѣ, полѣчишь свою ногу... — Уходъ будетъ хорошъ и чистъ... — возвазилъ первый статскій незнакомецъ, повидимому, завѣдывающій красной губернской развѣдкой; и неожиданно, повидимому, что-то сообразивъ, сразу перешелъ на „вы“: — Вашъ адресъ?... Мы сообщимъ и вашей супругѣ Людмилѣ Рихардовнѣ о мѣстѣ вашемъ нахожденіи... — Она, вѣдь, была когда-то моимъ начальникомъ въ счетномъ отдѣлѣ Управленія дороги... — Вы не удивляйтесь!... — Вы, меня незнаете, а я васъ знаю теперь, хорошо, и много разъ видѣлъ въ Витебскѣ въ концѣ 1916 г. и въ первый день Новаго 1917 года въ Соборѣ, около товарищей Губенатора и Начальника военнаго Округа генерала Строя*)...

*) См. кн. т. I „Во власти женщинъ“

Я откровенно вамъ говорю: у меня ничего нѣтъ худого за вами: — вы извѣстны какъ хорошій солдатъ и генеральнаго штаба штабъ-офицеръ, который съ подчиненными былъ очень строгъ, но . . . . . . — Политическія убѣжденія ваши и гражданская ученая степень, также мнѣ извѣстны, а потому — особенно бояться вамъ за свою „шкуку“ нестоитъ. . . — съ грубой ироніей и насмѣшкой закончилъ предательскую исповѣдь свою чекистъ-завѣдывающій резвѣдной; хорошенько обыскалъ полковника, записалъ адресъ въ Курскѣ, и одному изъ красногвардейцевъ, приказалъ отвести его въ больницу при тюрьмѣ, а пакетъ передать въ канцелярію тюрьмы,

— При такой информаціи обо мнѣ, — строго заговорилъ и полковникъ Казбегоровъ: — мнѣ не остатся ничего другого сказать вамъ, какъ только — „съ вашей стороны въ то время дѣла велись нехорошо, — подло, низко! . . . — Мерзавцы!. . .“ — и онъ вспомнивъ профессора Крукса, кивнулъ головой въ сторону „красновѣдчиковъ“ какъ-бы прощаясь съ ними, и вышелъ съ конвойнымъ на улицу, медленно направляясь въ городскую тюрьму.

— Богатый аристократъ, этотъ Казбегоровъ, — между прочимъ замѣтилъ завѣдывающій „красновѣдкой“, обращаясь къ своему помощнику: — Жена его, Людмила Рихардовна, была моимъ Начальникомъ въ счетномъ отдѣлѣ; властная женщина, строгая, аккуратная, но и справедливая; лично-очень богатая дама, въ особенности драгоцѣнностями. . . Дешево не отдадимъ ей мужа. . . — смѣясь и угрожая кому-то кулакомъ, заключилъ онъ, когда полковникъ Казбегоровъ съ конвойнымъ былъ уже на улицѣ.

XIV.

Вечеръ дня, конца февраля. Въ комнатѣ становилось уже темно, но Людмила Рихардовна все еще сидѣла у окна и ожидала мужа. Она передумала всѣ возможныя причины, которыя могли-бы задержать его такъ долго у врача. По ея мнѣнію, конечно, ихъ небыло, а невозвращеніе его до поздняго вечера, она начала связывать съ предположеніемъ: аось онъ оставилъ ее, сбѣжалъ куда-либо, скрылся отъ

краснаго терора"... Но логически обдумавъ ту или другую предпосылку, ей ясно становилось и это невозможнымъ:

— Онъ, теперь, бѣденъ, нищій! — Почетъ и честь его, интелигента, пропали. . . — А кто-же я, теперь, такая? . . . простая мѣщанка, жена безрабстнаго, безпріютнаго... — вдругъ мелькнуло въ головѣ ея. Но, она, быстро отогнала грязныя, навязчивыя мысли, поднялась, перекрестилась и начала ходить по комнатѣ.

Вспомнила она и свои страданія и муки, которыя переносила два года тому назадъ, пока достала себѣ такого друга — мужа: безкорыстнаго джентльмена и по уму — великаго человѣка, и ей стало ясно — жить безъ него счастливо она несможетъ. —

— Пусть будетъ статскимъ, — продолжала мечтать Людмила Рихардовна: — пусть не будетъ у него блестящаго мундира, орденовъ, чиновъ и титуловъ, но его джентльмена „я", душа и сердце остаются все въ той-же тѣлесной оболочкѣ. А значитъ, и „Дэзи мой" останется все тѣмъ-же. . . — Богатство и цѣнности наши. . ., все это вещи наживныя... — Онъ самъ въ себѣ заключаетъ все богатство: здоровъ, красивъ, развитъ, уменъ, окончилъ университетъ и академію. . . — Что ему еше нужно?. . и она радостно улыбнулась и посмотрѣла вновь въ окно, какъ-бы ему навстрѣчу; но невидя мужа, она съ горя чуть не вскрикнула и быстро направилась къ кровати; а затѣмъ, схвативъ себя обѣими руками за голову, молча повалилась на кровать и закрыла лицо подушкой. Двѣ длинныя свѣтлыя косы ея, красиво размѣтались по новому, темно-коричневому шелковому одѣялу. Въ этотъ моментъ, она была такъ мила, такъ гибка и красива, что несмотря даже на ея сильное отчаяніе и слезы, все-же выглядывала очень живой и прелестной моloденькой дамой.

Но, вотъ, въ дверь комнаты ея постучали, и она также живо поднялсь, стараяь скрыть свое горе. Въ комнату вошелъ братъ ея, Авдушъ.

— Что съ тобой, сестрица? — волнуясь и подходя къ сестрѣ, спросилъ онъ: — А гдѣ-же нашъ, дорогой, Давидъ Ильичъ? . . .

Людмила Рихардовна поспѣшила вытереть себѣ глаза и все подробно разсказала брату: какъ онъ ушелъ къ вра-

чу и какъ она цѣлый день страдала, ожидая его домой, но безрезультатно.

— Обожди, сестрица! — Успокойся! — приласкавъ сестру, заговорилъ Авдушъ: — Я, хотя, въ кратцѣ разскажу тебѣ итоги своихъ дневныхъ хлопотъ: Квартира есть въ двѣ большія комнаты и отдѣльно при ней кухня; всѣ окна комнатъ — въ роскошный садъ выходятъ; завтра можемъ занимать; это будетъ Вокзальная улица № 15. — Относительно-же службы — я получаю черезъ мѣсяцъ мѣсто техника въ Губернскомъ Правленіи, а теперь зачисленъ кандидатомъ и начинаю работать съ завтрашняго дня. — Что-же касается Давида Ильича, то ему, какъ ученому человѣку, подходящее мѣсто въ ученомъ комитетѣ. Я и тамъ уже переговорилъ: слѣдуетъ только подать прошеніе теперь же, и немного обождать. — Теперь, послѣднее и самое главное: съ какой стороны начнемъ его розыскивать? — Я несомнѣваюсь, онъ схваченъ и сидитъ въ „паутинѣ красной“. . .

Неожиданно раздался рѣзкій звонокъ въ передней, и Авдушъ замолчалъ, быстро поднялся и пошелъ отворить дверь. Звонилъ въ передней какой-то молодой человѣкъ, прилично одѣтый въ „статское“; спросилъ Людмилу Казбегорову и просилъ передать ей о мѣстѣ нахожденія ея мужа Давида Казбегорова. Дальше, ничего больше не говоря, этотъ молодой человѣкъ какъ-то скоро повернулся и молча ушелъ обратно въ городъ напрвляясь по Садовой улицѣ.

— Сыщикъ! — Красный паукъ! — подумалъ Авдушъ и скорымъ шагомъ направился въ комнату съ улыбкой. Онъ еще съ передней началъ свое радостное повѣствованіе: — Сестрица! — Идемъ къ Давиду Ильичу! — Онъ находится въ тюремномъ лазаретѣ. . . — Я такъ и думалъ, что ему и здѣсь не дадутъ покоя. — Сегодня знакомые разсказывали мнѣ про здѣшніе порядки. „товарищи и въ Курскѣ умѣютъ хорошо доить. . .

— А далеко-ли это? — неожиданно Людмила Рихардовна прервала разсказъ брата.

— Нѣтъ! — Вотъ тамъ, за тѣмъ базаромъ, всего лишь полъ киллометра. . .

— Я согласна! и какъ можно скорѣй идемъ. . . — и она неестественно улыбнулась, подавивъ въ себѣ все накипѣвшее за день горе; быстро-же поднявшись съ кровати,

она умиленно перекрестилась, одѣлась и, предусмотрительно захвативъ съ собой нѣкоторыя свои цѣнныя вещи, весело обратилась къ брату:

— Ну, какъ ты, Авдушъ? — Я уже готова!...

— Идемъ, идемъ!... — и они вышли.

По дорогѣ въ тюремный лазаретъ, братъ и сестра весело разговорились; по ихъ мнѣнію выходило такъ, что въ Курскѣ все-же лучше, чѣмъ въ другихъ городахъ Великой Россіи: Здѣсь сбрасываетъ чуть-чуть и на народно-демократическій порядокъ — образъ правленія. Много интелигенціи собралось россійской, и „красные правители" не такъ легко-ужъ могутъ обманывать ее. Правда, замѣтно что „мѣстная С. С. С. Р—овская власть" изъ чужихъ людей слишкомъ ревниво и акуратно исполняетъ распоряженія краснаго совѣта" съ центра, и отъ этого-то „зла" всеже невольно страдаютъ многіе и многіе невинные граждане...

Въ лазаретъ тюрьмы ихъ пропустили свободно; дежурный фельдшеръ, какъ будто-бы съ особеннымъ рвеніемъ старался доказать свою любезность и отблагодарить за хорошія „чаевыя", сунутыя ему въ руку Людмилой Рихардовной; и онъ тихо подвелъ посѣтителей къ кровати Давида Ильича. Больной, въ то время, спалъ лицомъ къ стѣнѣ; разбитый и измученный отъ дневныхъ невзгодъ, онъ бѣдняга и неслыхалъ шаговъ подошедшихъ. Людмила Рихардовна, конечно, поспѣшила наклониться къ мужу, и жаркій токъ ея дыханія сразу-же пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ вздрогнулъ, повернулся на другой бокъ и открылъ глаза.

— Какая радость! — Не пришелъ домой, а прямо въ тюрьму... —улыбаясь и шутя, и тѣмъ скрывая свои душевныя страданія, тихо проговорила она по — французскй и поцѣловала его въ щеку.

Вытянувъ руку изъ-подъ одѣяла, Давидъ Ильичъ молча взялъ жену за руку и усадилъ къ себѣ на кровать. Посмотрѣлъ на нее хорошенько, взглянулъ и на Авдуша, и только послѣ нѣкотораго замѣшательства, отвѣтилъ ей также по — французски:

— Только теперь я убѣдился, что ко мнѣ пришла „настоящая" моя жена, а сначала думалъ что имѣю дѣло съ твоимъ духомъ... — Ты такъ сильно измѣнилась на лицѣ..,

что съ тобой?... -— Страданія и тоска?... Ненадо! зачѣмъ мучить себя?...

Она, ему, улыбнулась, подтверждая тѣмъ — справедливость его мнѣній. Но, Давидъ Ильичъ, поспѣшилъ вновь заговорить по — англійски, разсказывая о своемъ арестѣ и о разговорахъ съ „статскимъ незнакомцемъ“, который яко бы ихъ обоихъ знаетъ еще съ 1916 года по Витебску и который, по видимому, въ его судьбѣ играетъ большую роль въ Губернской комиссіи. Въ заключеніе, добавилъ по — французки:

— „Lui administratione secrètemente recherche...

— „Bien! — Celui —ci counu typigue èclaireur... — отвѣтила Людмила Рихардовна, и обратилась къ фельдшеру съ просьбой, разрѣшить ей переговорить по телефону съ канцеляріей комиссіи Губернскаго Правленія.

Тотъ, конечно, ничею не имѣлъ противъ переговоровъ по телефону съ высокимъ, по его понятію, губернскимъ учрежденіемъ и пригласилъ Людмилу Рихардовну слѣдовать за нимъ въ кабинетъ врача, въ другомъ концѣ палаты.

Авдушъ, тѣмъ временемъ, разсказалъ Давиду Ильичу о результатахъ своихъ дневныхъ хлопотъ, и выказалъ пожеланіе — занять и ему какое-нибудь подходящее мѣсто службы, дабы не давать повода „таварищамъ“ къ подозрѣнію, посягать на ихъ свободу и выдаивать послѣднее въ подарки. По его заключенію, этотъ шагъ будетъ самымъ подходящимъ — оградить себя неприкосновенностію.

— А, по моему-же мнѣнію, — возразилъ Давидъ Ильичъ: — единственное средство избѣжать этихъ идіотскихъ придирокъ, это: всему благомыслящему населенію Россіи бѣжать куда нибудь въ глушь, въ лѣсъ, въ степь, и скраться; жить тамъ нелегально, превратиться въ первобытныхъ дикарей, отшельниковъ, ничего не потреблять культурнаго...; что тогда скажутъ господа „красные рабочіе—товарищи“? вѣдь они-же перестанутъ быть рабочими? и надъ кѣмъ-же они тогда господствовать будутъ, если и массы народа послѣдуютъ такому-же примѣру... — До чего низко опустились эти люди, стоя у власти: грабятъ, разоряютъ, убиваютъ, издѣваются, выжимаютъ подарки, часвыя, и этимъ-то только временно и живутъ...

— Что-же, — въ подтвержденіе своихъ предыдущихъ доводовъ, заговорилъ Авдушъ: — это результатъ долговременнаго воспитанія народа въ этомъ духѣ, — и показной примѣръ, исторически складывавшійся подъ ложнымъ видомъ. . . — И они, настолько теперь бдительны, что и мѣстные, въ провинціи, „товарищи" строги за всякимъ вновь появившимся незнакомцемъ, и, конечно, донесутъ, схватятъ, а то, быть-можетъ, скорѣе и убьютъ гдѣ нибудь въ глуши: бѣжать, молъ, собирался. . ., и все ихъ оправданье. . . — Нѣтъ, есть такія мѣста службы, гдѣ можно работать самостоятельно, на пользу науки и ея развитія, руководствуясь лишь теоріей и опытомъ; а этого-то у васъ больше чѣмъ въ избыткѣ. . .; это — „ученый комитетъ", гдѣ я уже и переговорилъ за васъ, простите; нужно только вамъ прошеніе подать. . . — и онъ улыбнулся: — Что-же, будемъ плѣнниками, пока. Вѣчно-же небудетъ господствовать „красное иго"...

— Ну, хорошо, хорошо! — вновь возразилъ Давидъ Ильичъ: — посмотримъ, что они сдѣлаютъ теперь со мною... Но въ это время съ потолка надъ ихъ головами по паутинѣ спускался внизъ большой красный паукъ; они обратили вниманіе на его работу, улыбнулись и сразу измѣнили тему своего разговора.

Ихъ разговоръ прервала только Людмила Рихардовна, вернувшаяся отъ телефона въ хорошемъ настроеніи духа. Она, еще на ходу, съ улыбкой и доброй лаской, поспѣшила сообщить по-французски мужу хорошія вѣсти:

— Нужнаго человѣка нашла! — Сію минуту будетъ здѣсь: бывшій мой подчиненный, въ 1915 и 1916 годахъ въ моемъ отдѣлѣ управленія дороги завѣдывалъ столомъ претензій, панъ Мучинскій.

— Сестрица! — Прояви и здѣсь свою неограниченную власть начальника. . ., нажми его хорошенько. . . и сегодня-же вырви Давида Ильича изъ „паутины краснаго лазарета"... — нервничая и кривясь отъ злости, тихо сказалъ Авдушъ: — Если нужно, обѣщай ему, панскому щенку, „повышеніе по службѣ" или какой-нибудь подарокъ изъ цѣнностей твоихъ. . . — зло добавилъ онъ въ шутку и покраснѣлъ отъ волненія.

Давидъ Ильичъ разсмѣялся; но, почувствовавъ сильную боль ноги, громко застоналъ. Оказалось, виною была по-

вязка: слишкомъ туго было затянуто больнсе мѣсто; и онъ, открывъ одѣяло, съ помощью жены началъ самъ ослаблять немного бинтъ. Но въ это время въ дверяхъ палаты показался статскій интелигентъ, „красновѣдчикъ", и онъ, поднявъ голову, тихо прошепталъ по—французски:

— Вотъ идетъ и тотъ человѣкъ, который арестовалъ и посадилъ меня въ эту несчастную тюрьму...

— Это и есть „панъ Мучинскій"... — также тихо отвѣтила Людмила Рихардовна, поднялась и пошла ему навстѣчу. За ней, медленно, послѣдовалъ и братъ Авдушъ, серьезно посмотрѣвъ въ сторону Давида Ильича.

Разговоръ сразу завязался оживленный, но тихо, безъ особеннаго спора; и только, нѣкоторыя слова и энергичные доводы Людмилы Рихардовны въ оправданіе мужа, ясно доносились до больного: „Какіе пустяки"! — „Вѣдь, для васъ, я также много дѣлала хорсшаго на службѣ"! — „Онъ ученый и будетъ работать въ „ученомъ комитетѣ", за это я ручаюсь вамъ"! — „Благодарю"! и прочее... Послѣ, онъ видѣлъ какъ его жена передала пану Мучинскому какой-то маленькій пакетикъ. Мучинскій развернулъ его, хорошенько осмотрѣлъ, почему-то улыбнулся, какъ улыбаются маленькія дѣти, получившія хорошій подарокъ отъ взрослыхъ за то, что-бы они впредь не шалили и въ опасныя игры не играли; а затѣмъ, присѣлъ къ маленькому столику у кровати „неизвѣстнаго" больного, и что-то подписалъ. Одну бумажку передалъ Людмилѣ Рихардовнѣ и та, молча, наклоненіемъ головы, поблагодарила его, а другую — фельдшеру надзирателю—для передачи въ канцелярію тюрьмы, и громко добавилъ:

— Теперь-же освободить его! — и, пожавъ руку Авдушу, поцѣловавъ руку Людмилѣ Рихардовнѣ и кивнувъ головой въ сторону полковника, онъ поспѣшно вышелъ.

Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ, быстро направилась къ кровати больного мужа и, присѣвъ на край ея, начала разсказывать Давиду Ильичу подробности переговоровъ и достигнутыхъ условій освобожденія его:

— Ты-свободенъ и, сію минуту, идемъ домой всѣ вмѣстѣ... — Проклятый „панъ—товарищъ" далъ и гарантію, что въ Курскѣ тревожить тебя небудутъ больше, если, ты, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, все-же приступишь къ занятіямъ

у „нихъ“ научными работами, ну, хотя-бы въ „ученомъ комитетѣ“. . .

— Быть по сему! — тихо протянулъ Давидъ Ильичъ: — Вся моя научная работа будетъ только для тебя; согласенъ! . . — Плѣнникъ у „С.С.С.Р-овъ“ — безправное существо и, отказываться отъ какой-бы то нибыло работы, законовъ для него несуществуетъ. . . Въ этомъ случаѣ, смертная казнь вполнѣ обезпечена „ихъ“ декретами. . . и болѣзненная улыбка скользнула по лицу его.

Онъ страдалъ душой и сердцемъ: нужно было сразу ему переродиться, примѣнить свою натуру къ условіямъ поднадзорнаго, безправнаго. . .

Давъ-же согласіе женѣ, Давидъ Ильичъ имѣлъ ввиду, между прочимъ, и использовать свой „плѣнъ“ для другихъ, больѣе полезныхъ цѣлей, при общемъ, активномъ, освободительномъ движеніи народовъ. По его здравому заключенію, только „вѣра и надѣжда“ и могутъ спасти, при твердомъ убѣжденіи и искренномъ стремленіи къ тому. А служба у „С.С.С.Р-овъ“, дастъ ему, молъ, возможность подготовиться и создать „особо—спеціальный“ планъ работы. . .

Но, неуспѣлъ полковникъ Казбегоровъ и объясниться какъ слѣдуетъ съ женою, къ нимъ сзади неожиданно, тихо, подошелъ преданный слуга чекистовъ фельдшеръ—надзиратель и, грубымъ голосомъ, прошипѣлъ за спиной:

— Вы свободны и можете уходить домой! — Пропускъ у вашего брата. . .

Людмила Рихардовна вздрогнула и быстро поднялась на ноги, бросивъ, при этомъ, испуганный взглядъ на надзирателя, который, повидимому довольный своей неумѣстной выходкой, поспѣшно отвернулся и ушелъ къ себѣ въ канцелярію. Сзади-же, недалеко, дѣйствительно стоялъ и братъ ея, Авдушъ, съ пропускомъ въ рукахъ; и, какъ только надзиратель удалился, онъ началъ быстро помогать Давиду Ильичу одѣваться, сообщивъ при этомъ: — „Онъ“ шпіонъ, подслушивалъ вашъ разговоръ. . .

Черезъ пять минутъ они всѣ трое молча вышли на улицу, съ презрѣніемъ и ненавистью оставляя „цитадель краснаго паука“.

На дворѣ было темно и крапалъ мелкій дождикъ. Кругомъ—тихо, пусто, извозщиковъ нигдѣ невидно. И они,

поддерживая больного Давида Ильича подъ руки и, прячась подъ единственный зонтикъ Людмилы Рихардовны, медленно пошли домой пѣшкомъ. Было 10 час. ночи.

Традиція доброй русской гостепріимности вообще, въ Курскѣ въ то время была еще въ силѣ. Милая старушка, хозяйка квартиры, встрѣтила ихъ любезно у дверей, провела въ свою столовую и угостила горячимъ ужиномъ; между прочимъ, по—охала немного и о случившемся несчастіи съ Давидомъ Ильичемъ; и, въ заключеніе, отпустила своихъ гостей съ „миромъ“ спать, въ предоставленную имъ комнату.

XV.

Юнкеръ Авдушъ Цепа не ослаблялъ своей энергіи и на слѣдующій день; помогая сестрѣ и больному зятю полковнику Казбегорову устроиться на новомъ мѣстѣ жительства въ Курскѣ, всѣ пробѣлы старался заполнить собственной персоной: Рано утромъ, проснувшись въ хорошемъ настроеніи духа, онъ поторопился на городской базаръ, который въ то время въ Курскѣ еще существовалъ, кое-что купилъ изъ продуктовъ, досталъ крестьянина съ санями и, быстро сложивъ всѣ своей семьи, „монатки“, весело и мирно переѣхали въ „собственную“ квартиру, гдѣ и устроились съ мебелью хозяина. Разложили постели, бѣлье, одежду, а въ 8 час. утра уже сидѣли у стола и завтракали, непринуждено болтая о дальнѣйшемъ устройствѣ жизни въ необъятной странѣ родной“, неожиданно ставшей для нихъ чужой, холодной, дикой, съ законами и порядками временъ полнаго обсолютизма. Пригласили, конечно, и хозяина дома Любеку, познакомились, заплатилъ ему Казбегоровъ и квартирную плату впередъ за мѣсяцъ, и всѣ передали свои документы для приписки въ городской милиціи: все, какъ и полагается добрымъ гражданамъ въ странѣ „великой“.

— Вотъ, сестрица, теперь ты и хозяйка въ своей квартирѣ. . . — смѣясь сказалъ Авдушъ, собираясь уходить на службу.

— Такъ легко сказать „хозяйка“! — отвѣтила она, и серьезно пояснила; — Вѣдь мы, всѣ трое, снова начинаемъ теперь только учиться жить въ этой „смѣшной“ странѣ „С. С. С. Р—овъ“ и, возможные грѣхи у того или у другого, должны снисходительно прощаться. . . — А продукты, и

прочее, какъ тяжело доставать и здѣсь, вѣдь крестьяне привозятъ на базаръ очень мало; все эти „несчастныя карточки“, творенье рукъ діавола черезъ „товарищеи“, замѣтно приближающія человѣчество къ положенію скотовъ двуногихъ, а дальше — и звѣрей опасныхъ. . .; но вы, господа, оба должны прійти мнѣ на помщь . . .

— Будь спокойна ! . . — Мы остаемся твоими покорными и вѣрными защитниками — слугами, — успокоилъ ее Давидъ Ильичъ; сидя у стола и улыбаясь женѣ, онъ писалъ прошеніе „Правленію Ученаго Комитета“.

— О! . . . — Въ этомъ-то я и не сомнѣваюсь, мой вѣрный рыцарь. . . — весело отвѣтила она и, подойдя къ мужу, начала было просматривать написанное прошеніе; но Авдушъ, уходя на службу, помѣшалъ ея намѣреніямъ, просилъ купить ему въ городѣ, если и она пойдетъ съ Давидомъ Ильичемъ, кое-что необходимое изъ бѣлья и постели, на случай, если прійдется ему неожиданно выѣхать въ деревню для производства техническихъ работъ: — Да ! твою просьбу мы исполнимъ. . . — и она пошла проводить брата и закрыть за нимъ дверь.

— Дэзи ! — Мы, теперь, одни остались, — первой заговорила Людмила Рихардовна присаживаясь къ столу: — будемъ говорить откровенно—: у насъ нѣтъ дровъ, керосину, нѣкоторой столовой и кухонной посуды. . ., надо-же все это пріобрѣсти теперь-же. . .

— Я никогда не занимался подобными дѣлами, — запротестовалъ было Давидъ Ильичъ, но взглянувъ на серьезно задумчивое лицо жены и, замѣтивъ ея душевное страданіе, онъ поспѣшилъ добавить: — сегодня я первый попробую эту новую работу; большому кораблю — большое и плаваніе; нога моя немного успокоилась, а для облеченія ея, надѣну ботинки. . . — И онъ молча переобулся, одѣлся и вышелъ на улицу: машинально зашелъ въ первую попавшуюся лавчонку, которыя въ то время въ Курскѣ еще кое-какъ содержалисъ, и спросилъ керосину. Ему отвѣтили „есть“, подали и новую банку, налили 10 фунт. керосину и сказали цѣну. Онъ, все какъ-то машинально, уплатилъ деньги, взялъ банку съ керосиномъ и ушелъ домой. У себя же на кухнѣ, налилъ керосину въ „примусъ“, въ лампы, купленныя еще Филиппомъ въ Старой-Руссѣ въ 1916 году; одну изъ

нихъ, маленькуы, оставилъ на кухнѣ, а другую, побольше и покрасивѣе, внесъ въ комнату и акуратно поставилъ на комодѣ. Людмила Рихардовна также молча копалась въ чемоданѣ и доставала какія-то кружевныя дорожки, вышитыя занавѣсочки, примѣряла къ окнамъ, къ комоду. Онъ опять молча вышелъ на улицу и, машинально, направился на ближайшій рынокъ, за уголъ: крестьяне съ возами дровъ стоятъ отдѣльной группой: поговорилъ съ однимъ, съ другимъ, съ третьимъ, и двумъ, изъ нихъ, указалъ дорогу — ѣхать къ нему на квартиру, а тамъ, молъ, хозяйка укажетъ гдѣ нужно складывать дрова; а самъ — пошелъ по — рынку, дальше: купилъ топоръ, одну — двѣ кострюли, еще коечто изъ мелочи, нѣсколько пожей и вилокъ разныхъ, тарелокъ. . . и быстро опять пошелъ къ себѣ домой. Людмила Рихардовна была уже на дворѣ, около возовъ, помогаетъ крестьянамъ носить дрова въ сарай и складывать ихъ тамъ. Давидъ Ильичъ молча передалъ ей всѣ свои покупки, и она ушла также молча къ себѣ въ комнату, а самъ онъ принялся за дрова, живѣе помогая крестьянамъ носить въ сарай. Наконецъ, кончили и эту первую тяжелую работу. Онъ уплатилъ и деньги крестьянамъ молча, сколько просили съ него на базарѣ, закрылъ ворота за уѣхавшими возами; вернулся въ сарай, нарубилъ дровъ такъ же, какъ видѣлъ онъ когда-то у себя въ имѣніи, на дачѣ „Казбегоръ“, рубилъ дрова его садовникъ — сторожъ; два большихъ охапка дровъ отнесъ на кухню и уложилъ около плиты, а затѣмъ: вернулся опять къ сараю, заперь двери на замокъ и, войдя въ комнату, клочь передалъ женѣ, а самъ — молча раздѣлся, присѣлъ къ столу и, только тогда, тяжело вздохнувъ нѣсколько разъ, положилъ голову на руки и задумался.

Людмила Рихардовна все время молча наблюдала за мужемъ, за его работой; въ концѣ-концовъ неудержалась, разразилась громкимъ, веселымъ, смѣхомъ, подошла къ нему и ласково заговорила:

— Дэзи! — Ты переутомился! — напервое время такъ быстро и такъ слишкомъ много работать непужно. . . и она, поцѣловавъ его въ голову, добавила: — Я приготовлю сію минуту кофе, попьемъ, закусимъ, отдохнемъ и пойдемъ въ городъ по своимъ, другимъ, дѣлямъ. . .

— Хорошо! — Я, согласенъ. . . — отвѣтилъ онъ улы-

баясь: — Предполагалъ-ли я работать въ своей жизни такую ничтожную работу, когда учился въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ, защищая степень званія „докторъ психологіи", дальше — военное училище, военная академія и наконецъ — служба офицеромъ, въ генеральномъ штабѣ, и научныя занятія. . . все это съѣли чужіе люди, откуда-то пришедшіе, безъ боя покорившіе, поработившіе большую нашу родину, и создавшіе „С. С. С. Р—ъ". . . — Въ этомъ случаѣ сбывается пословица, передать которую въ словахъ, право, даже затрудняюсь, ибо она слишкомъ некультурна и вульгарна, пригодна для употребленія только лишь именно въ этомъ несчастномъ „С. С. С. Р—ъ". . .

— Правда, правда! — Я, знаю ее, не трудись повторять. . . — поспѣшила подтвердить и Людмила Рихардовна, съ доброй улыбкой накрывая столъ салфеткой и приготовляя два прибора для кофе.

Около полудня супруги Казбегоровы вышли въ городъ, и медленно направились въ „Ученый комитетъ", на Большой Красной улицѣ въ домѣ № 13; гдѣ, записавшись въ очередь къ пріему предсѣдателемъ, присѣли въ комнатѣ для посѣтителей. Неожиданно, мимо нихъ прошелъ какой-то сгорбившійся старикъ, съ длинной бѣлой бородой; обратно вернулся въ сосѣднюю комнату, а потомъ, вновь быстро куда-то прошелъ по коридору, скоро опять вернулся, — все время внимательно прислушиваясь къ французской рѣчи Давида Ильича и Людмилы Рихардовны, которые свободно на-французкомъ языкѣ, критиковали „дикіе" обычаи и порядки силою, въ то время, вводимые въ „С. С. С. Р—ъ". Вдругъ, старикъ остановился и, также на — французскомъ языкѣ, обратился къ нимъ:

— Людмила Рихардовна и Давидъ Ильичъ! — Здѣсь и стѣны имѣютъ уши: въ ученомъ комитетѣ и ученые люди разныхъ политическихъ убѣжденій! . . . — Здравствуйте! . .

Супруги Казбегоровы быстро поднялись и, въ сильномъ смущеніи, оба опустили головы.

— Неузнаете? — профессоръ Круксъ! . . . — тихо пояснилъ старикъ, ласково улыбаясь.

— А-а-а! — только и успѣли произнести супруги. Профессоръ Круксъ, знакомъ руки быстро остановилъ ихъ восторгъ и вновь тихо заговорилъ:

-- Никто и ничего недолженъ знать о нашей прошлой совмѣстной службѣ и о служебномъ положеніи; а о подробностяхъ — поговоримъ послѣ. . . — Оказывается, когда многомилліонныя арміи Россійской Имперіи были еще на фронтахъ, а мы были въ штабѣ своего корпуса на Сѣверномъ фронтѣ, всю великую Имперію и Россійскую територію дѣйствительно легко, безъ единаго выстрѣла, завоевали откуда-то пришедшіе совершенно чужіе люди, съ чужими фамиліями, какъ и историческіе „Чинъ-Гизъ ханъ, Батый и другіе дикіе герои. . .;“ а теперь, провозгласивъ „чудодѣйствующее“ на двухсотъ милліонныя народныя массы Россіи „С. С. С. Р—ъ“, всю эту массу народа поработили, закрѣпостили и, управляютъ диктаторски; а имъ, за это, народы Россіи платятъ дань отъ урожая своего и налоги, и приносятъ личную повинность; что, конечно, акуратно все регистрируется по карточкамъ и въ рабочихъ книжкахъ. Вообще, дѣла 13 столѣтія пришли! . . . — Ну, а вы?, хотите къ намъ на службу? Что-ли? . . .

— Да! — также тихо отвѣтилъ Давидъ Ильичъ.

— Это можно! — Но только вамъ пріидется съ мѣсяцъ обождать; вакансій нѣтъ, теперь. . . — Идите за мной, я введу васъ къ предсѣдателю черезъ канцелярію, внѣ очереди. . . — Онъ милый и добрый старикъ, ученый академикъ и профессоръ, но весь находится въ рукахъ „товарищей“, а нашего комиссара, на ваше счастье, какъ разъ и нѣтъ; его вызвали на какое-то засѣданіе. . . — пояснилъ профессоръ Круксъ на ходу, и ввелъ супруговъ въ кабинетъ предсѣдателя.

Предсѣдатель, академикъ Ноша, по рекомендаціи профессора Крукса, любезно принялъ просителей, внимательно выслушалъ ихъ просьбу и откровенное признаніе — въ наступленіи тяжелой и почти „голодной“ жизни; не упустилъ момента убѣдиться по документамъ и объ образовательномъ цензѣ; и, въ заключеніе, все-же обѣщалъ принять хотя и на низкую, быть можетъ, должность, предварительно переговоривъ со своимъ комиссаромъ Бекомъ.

До выходныхъ дверей Казбегоровыхъ проводилъ все тотъ-же услужливый профессоръ Круксъ и, на прощанье, сморщившись и ероша рукой на головѣ сѣрые, густые и упрямые волосы свои, тихо проговорилъ:

— Я объѣздилъ всю обширную территорію Великой Риссіи и окончательно убѣдился: „Гибель Имперіи“ все-же произошла на „Сѣверномъ фронтѣ“. — Что-же касается настоящаго „С. С. С. Р—овскаго“ царства, такъ въ немъ, комунистическіе вожди, и тѣнь Императора постарались убрать, уничтожили ее. — Но, имѣйте ввиду, жизнь народовъ — полна эволюцій, неожиданностей... — Я уже старикъ, преклонныхъ лѣтъ, а все-же день и ночь, безъ отдыха, искалъ теперь руководящій свѣтъ и, подъ конецъ моей ѣзды, направляясь на югъ и приближаясь къ Курску, неожиданно услыхалъ голосъ, который и открылъ мнѣ путь. Голосъ этотъ былъ изъ моей души, во мнѣ, а свѣтъ, который я искалъ, оказывается цѣлая вселенная — это я, человѣкъ. А теперь, какъ видите, оклиматизировался за три съ половиною мѣсяца: истощалъ, отпустилъ длинную бороду, запустилъ волосы на головѣ, а на спинѣ выросъ горбъ отъ холода и голода... — Судьба! — Надѣюсь, и вы, мой милый „психологъ“, также скоро догоните меня хотя еще и въ молодыхъ лѣтахъ. — Здѣшніе „мерзавцы“ куда лучше тѣхъ „мерзавцевъ“, которыхъ мы встрѣчали въ корпусѣ, на фронтѣ... и старые сослуживцы, друзья и ученые весело разсмѣялись, пожавъ другъ-другу руки навсегда.

Супруги Казбегоровы поспѣшили выити на улицу; и только тамъ, Людмила Рихардовна тревожно, но тихо, первая заговорила:

— Онъ, кажется, начинаетъ сума сходить? — А еще профессоръ, теперь-то и забываетъ элементарныя понятія, что „въ судьбѣ нѣтъ случайностей“: люди, народы, сами создаютъ ее, а не встрѣчаютъ свою судьбу... Безъ оплошности человѣчества, судьбѣ нѣтъ мѣста среди людей, народовъ... Человѣчество отъ Природы одарено умомъ; значитъ, нужна только лишь крѣпкая вѣра, сила воли, надѣжда.., и, ... реальная, здравая работа...

— Да-а-а! — протянулъ и Давидъ Ильичъ задумчиво: — жаль такого „великаго ученаго“ старика, какъ профессоръ Круксъ. — И, какъ онъ скоро измѣнилъ свои правыя убѣжденія?... пропалъ человѣкъ навсегда! ни—зачто!... По даннымъ нашей добровольческой развѣдки съ юга. съ Кубанскаго Края, профессоръ Круксъ уже числится въ партіи сочувствующихъ большевикамъ и считается первымъ

кандидатомъ въ партію „комунистовъ“. — Его увлекла „въ лѣво“ и теперь еще ему помогаетъ въ этомъ дѣлѣ какая-то молодая дама, вдова фабриканта изъ Москвы, состоящая уже въ партіи послѣднихъ. — Какой ужасъ! Какой ужасъ! — Люди науки, и тѣ немогутъ удержаться, защитить себя, отъ зла „удушливой красной пропаганды“, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оно исходитъ изъ устъ такихъ „московокъ“, какъ молодыя, красивыя. . . Исторія развитія семьи, общества, государства, націй, въ которой сыграла большую роль женщина, теперь-же, таже женщина—низводитъ эти историческія достиженія — обратно, къ нулю. И, первый, пробный, экспериментъ массоны, повидимому, рѣшили произвести надъ большимъ россійскимъ народомъ, превративъ большую страну въ пустыню, степи, съ обширными лѣсами и болотами, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣми послѣдствіями. . .

И они, медленно пошли дальше, по улицамъ города разсматривая древнѣ — историческія достопримѣчательности его и кое гдѣ еще сохранившіеся слѣды, прогрессировавшихъ въ свое время, культурно-національнмхъ „памятниковъ“ старины.

XVI.

Побродивъ по городу еще немного и, осмотрѣвъ поверхностно характеръ жизни горожанъ, супруги Казбегоровы заглянули въ одну — другую лавчонку, въ полу — пустой, полу — разрушенной магазинъ, когда-то претендовавшій на первоклассную степень, кое-что купили изъ остатковъ прежней роскоши, продающихся еще безъ карточекъ, но по — баснословно — высокимъ цѣнамъ; а затѣмъ, направились въ Губернское Правленіе за Авдушемъ, что-бы домой итти всѣмъ вмѣстѣ.

Уже вечерѣло, когда они всѣ трое усѣлись у себя на квартирѣ за обѣдъ, приготовленный на скорую руку. Каждый изъ нихъ, въ то время, переживалъ своеобразную по содержанію драму, почему и разговоры ихъ почти-что не клеились, ни къ чѣму. Давиду Ильичу первому уже казалось страшнымъ: оставаться долго безъ работы, безъ служ-

бы и, разходовать на жизнь послѣдніе гроши, уцѣлевшіеся въ небольшомъ количествѣ на рукахъ жены Пролетаріатомъ же, нищимъ — ему не свойственно было; онъ рѣшилъ: что нибудь да дѣлать, что-бы хоть на мелкіе расходы зарабатывать немного, и тѣмъ покрывать недостатки и нищету, нанесенныя ему и его женѣ Витебской „чекой" и Курской „красновѣдкой".

— Положеніе мое критическое, нужно искать выходъ... — заключилъ полковникъ, сидя около стола и схвативъ руками голову, въ то время какъ Людмила Рихардовна и братъ ея, Авдушъ, усталые отъ дневныхъ невзгодъ и хотьбы по-городу, послѣ—обѣда улеглись отдохнуть, и скоро оба крѣпко заснули. И, не теряя, дальше, ни одной минуты, онъ тихо поднялся, одѣлся и вышелъ на улицу. Въ первую очередь рѣшилъ познакомиться съ владѣльцемъ ближайшей хлѣбопекарни, что—бы хотя соевременно и безъ очереди получать хлѣбъ по — карточкамъ. Напервый случай это ему легко удалось: владѣльцемъ хлѣбопекарни оказался—бѣжеенцъ изъ Риги и, при разговорѣ съ нимъ, онъ, какъ-то случайно, произнесъ два—три латышскихъ слова; Тотъ такъ-же отвѣтилъ ему по—латышски: и судьба ихъ сразу-же открылась, строго по-секрету, между ними: — онъ капитанъ одного изъ Латышскихъ стрѣлковыхъ полковъ, входившихъ въ составъ 2 Сиб. арм. корпуса; былъ начальникомъ по хозяйственой части въ полку, но скрылся отъ красного преслѣдованія еще въ концѣ ноября 1917 г., какъ и многая латышская интелигенція, бокъ о бокъ съ русской интелигенціей энергично сопротивлявшаяся большевикамъ. Они сразу поняли другъ друга; а капитанъ Н. . ., отъ радости, безцѣльно началъ даже перекладывать булки хлѣба съ мѣста на мѣсто; онъ вспомнилъ личность полковника, котораго неоднократно видѣлъ въ Штабѣ Корпуса на фронтѣ, и улыбнулся такъ, какъ будто-бы встрѣтилъ въ жизни своей самое милое, самое близкое сердцу его. Хлѣбъ для ѣды, капитанъ обѣщалъ полковнику отпускать во всякое время, безъ очереди; что онъ, конечно, и сдержалъ въ теченіи всего времени пребыванія ихъ въ Курскѣ.

Капитанъ Н . ., вынужденно взявшійся за выгодное ремесло хлѣбопека, сильно разтрогался судьбой ген. штаба полковника Казбегорова; а когда узналъ отъ него-же и о

пережитомъ въ Витебской „чекѣ“ и въ Курской „красновѣдкѣ, безъ оговорки, пообѣщалъ достать Давиду Ильичу въ подарокъ, въ обмѣнъ за хлѣбъ отъ припека, два комплекта статской одежды. Полковникъ въ свою очередь разтрогался любезностью капитана, сердечно поблагодарилъ его за обѣщанную поддержку и идею и, пожавъ ему крѣпко руку, торопливо вышелъ на улицу, направляясь къ ветеринарному врачу Шарко, по имѣвшемуся у него адресу, полученному во второй день прiѣзда въ Курскъ.

— Работа любитъ. . . да! . . ., а при такомъ положенiи, что—же дѣлать?. . . — думалъ Давидъ Ильиче, идя къ Шарко: — Вѣдь я-же нищiй, какъ послѣднiй бродяга въ великой и богатой странѣ, честно переступающiй черезъ все матерiальное ея богатство, попадающееся ему на пути, самъ-же во всемъ терплю нужду. . . — и ему вдругъ стало грустно.

Онъ, все время, честно жилъ и у себя на Кавказѣ въ имѣнiи, и заграницей, будучи студентомъ, и въ большихъ городахъ Россiи; хотя всегда и думалъ, что любитъ народъ, его свободу и, при необходимости, будетъ защищать его права на это, но настоящее положенiе, низведшее до крайней нищеты, теперь возбуждало въ немъ ненависть и призрѣнiе къ людямъ, неизвѣстнаго происхожденiя, откуда-то появившихся съ „больными идеями“ и заразившiе этимъ всю великую страну.

Неожиданно, какъ-то машинально, поддаваясь всѣцѣло ведущей его „судьбѣ“, инстинктивно онъ остановился въ темнотѣ, присмотрѣлся къ номеру дома, и позвонилъ; ему навстрѣчу вышелъ самъ Шарко.

— А—а—а! — И вы уже на работу?. . . — съ восторгомъ встрѣтилъ его Шарко: — Заходите, заходите, я одинъ дома. . .: моя „паня“ ушла къ матери своей, и вотъ до сихъ поръ еще не вернулась . . — У ея отца, здѣсь-же въ Курскѣ, есть большая аптека, ну, и возможно, что тамъ собираются на совѣщанiе и нѣкоторые мѣстные „С. С. С. Р-овскiе правители“. . . — пояснилъ хозяинъ, масляно улыбаясь и приглашая Давида Ильича присѣсть.

— Я, къ вамъ, на самое короткое время, такъ какъ изъ дому вышелъ безъ предупрежденiя. . .

— Ну, такъ говорите, прямо. . ., вы хотите работать?...

— Да!. . .

— Такъ начинайте, тогда, съ завтрашняго дня; что-же мы будемъ откладывать... — Работа акордная, сколько выработаете, то и ваше!... У меня въ артелѣ состоитъ уже около 10 человѣкъ бывшихъ офицеровъ и генераловъ разныхъ ранговъ... — Работа, слава Богу, есть... — Приходите къ 8 час. на „станцію городъ“, я запишу васъ въ первую очередь, теперь-же... — Шарко досталъ со стола какой-то большой бланкъ, съ надписью чернилами „первая очередь“, а внизу большими печатными буквами „табель“ и приписалъ подъ № 3 „Давидъ Казбегоровъ“.

— Благодарю васъ, докторъ!... — Надо торопиться, теперь, домой... — До свиданія!... — и Давидъ Ильичъ поднялся и направился къ выходу.

— Хорошо, хорошо!.. — До свиданія! — отвѣтилъ Шарко, пожалъ руку и закрылъ дверь.

У себя на квартирѣ Давидъ Ильичъ засталъ Авдуша еще въ кровати, а Людмила Рихардовна приготовляла вечерній чай, который, по ея расчету, долженъ будетъ замѣнить и ужинъ.

— Милый мой! — съ восторгомъ встрѣтила его жена: — Гдѣ ты былъ въ такое ночное время?... — и она бросилась ему на шею, а затѣмъ помогла раздѣться.

Давидъ Ильичъ разсказалъ женѣ о своихъ успѣхахъ при переговорахъ съ хлѣбопекомъ и о предстоящей работѣ на „станціи Курскъ Городъ“, и Людмила Рихардовна успокоилась, усадивъ его за столъ около себя.

Тѣмъ временемъ, къ нимъ присоединился и Авдушъ, весьма довольный, что и въ очереди за хлѣбомъ ему все-же не прійдется киснуть съ полуночи до обѣденной поры; а свои денежные расчеты, онъ обѣщаетъ сестрѣ урегулировать, какъ только получитъ первов жалованье. На этомъ и закончили они свой первый день гражданской жизни на положеніи плѣнниковъ въ „новомъ царствѣ“, готовясь къ дальнѣйшимъ экспериментамъ властей его. Сами-же герои наши, С.С.С.Р-овскіе плѣнники, акуратно въ $7^1/_2$ час. утра ежедневно шли на службу и на работу по нагрузкѣ и выгрузкѣ вогоновъ на станціи „Курскъ городъ“, и также акуратно въ $4^1/_2$ час. вечера возвращались домой, обѣдали, и Давидъ Ильичъ одинъ шелъ въ сарай колоть дрова, а Людмила Рихардовна, тѣмъ временемъ, въ хлѣбопекарню за

хлѣбомъ, по карточкамъ, внѣ очереди. Ради развлеченья, иногда Людмила Рихардовна считала долгомъ навѣщать мужа и на мѣстѣ работы, такъ, около полудня, и приносить ему туда завтракъ, а затѣмъ, просидѣть тамъ два—три часа, а то и помогать, въ чемъ либо, его коллегамъ и, опять уходила домой, что—бы достойно встрѣтить тамъ работниковъ своихъ: горячимъ обѣдомъ и доброй лаской. И такъ, проходилъ почти весь мартъ мѣсяцъ Акуратно получая по субботамъ отъ Давида Ильича тяжело заработанныя деньги, Людмила Рихардовна на эти средства и содержала всю свою семью изъ трехъ взрослыхъ человѣкъ, „плѣненныхъ—совѣтскихъ гражданъ".

Неожиданно, 22 марта, Авдуша переводятъ на службу въ уѣздный городъ Корочу, въ 40 верстахъ отъ Курска, и мѣсячнаго жалованья получить ему въ Курскѣ неудается. Расчеты его съ сестрой также остаются не урегулированными. Эта мелочная жизнь, въ новой „грошевой" атмосферѣ, съ ея послѣдствіями и стала постепенно создавать тяжело—переносимую нервную „абузу—красную", не свойственную интелигентнымъ и высокообразованнымъ людямъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни; а въ „С.С.С.Р-овской странѣ" тогда это было вполнѣ естественно. Ошибочны были расчеты Людмилы Рихардовны и относительно полученія съ брата половины суммы денегъ, затраченныхъ ею на квартиру и на другія потребности и усовершенствованія ея на новомъ мѣстѣ жительства. И, въ довершеніе всего, въ тотъ-же день изъ жалованья мужа произведенъ былъ еще и маленькій, ничтожный, вычетъ, за „невинную" выпивку, по секрету, съ вновь прибывшими въ городъ „новыми рабочими", „плѣнниками" изъ россійской интелигенціи, духовенства и офицеровъ, бѣжавшихъ съ сѣвернаго фронта и областей Россіи, преслѣдуемыхъ въ красномъ Московскомъ и Петроградскомъ центрахъ С.С.С.Р-овскими властями. Эти „новые рабы" большими партіями направлялись на югъ, къ „Свободнымъ Казакамъ" и въ Кубанскую н.-д. республику, но задержаны на ст. Курскъ 1 „чекистами" изъ мѣстнаго рабочаго комитета, и распредѣлены на работы, въ томъ числѣ и въ артель Шарко. Въ составѣ новой партіи рабочихъ Шарко оказался нашъ герой и сослуживецъ Давида Ильича по Штабу 2 Сибирскаго армейскаго корпуса, комендантъ штаба подполковникъ

Шрамъ, а теперь, конечно, подъ вымышленной фамиліей „рабочій Мишка Шутъ“.

Кто-же всему этому былъ виноватъ? Невольно напрашивается вопросъ... — „Гоненіе и преслѣдованіе людьми, потерявшими образъ человѣческій и такъ легко поработившими Великую Страну и многомилліонные ея народы...“ можно отвѣтить. Но, съ психологической стороны, это далеко еще не все И мы на этомъ остановимся ниже, отдавъ должную дань вообще высоко—гуманному человѣчеству, человѣчеству культурному, съ развитымъ чувствомъ гражданственности; и по достоинству — заслуженное возмедіе небольшой кучкѣ людей „клики“ изъ III интернаціонала, прикрывшихся флагомъ рабства и варварства, съ узкимъ эгоизмомъ, пропитаннымъ въ то время одними лишь личными интересами — убивай, грабь, захватывай, вымогай, принуждай...

И, подводя всему этому итоги, изъ наблюденій и лично пережитаго въ чужомъ „С.С.С.Р-овскомъ“ царствѣ, съ мелочными расчетами въ нервной атмосферѣ, супруги Казбегоровы и юнкеръ Цепа сидѣли всѣ трое за столомъ и обѣдали, что „Богъ послалъ“, перебрасываясь и праздными мнѣніями о причинахъ перевода Авдуша на ту-же должность и, почему-то, „именно въ уѣздный городъ“? У каждаго изъ нихъ было свое соображаніе; каждый изъ нихъ разсматривалъ этотъ случай со своей точки зрѣнія: Людмила Рихардовна, конечно, какъ математичка, ея мужъ, Давидъ Ильичъ— какъ психологъ и военный стратегъ, а братъ, юнкеръ Цела—какъ военный техникъ. И, несмотря на разнорѣчивыя ихъ мнѣнія, все-же очевидно было: — Авдушъ самъ добивался возможнаго ухода въ провинцію, быть независимымъ отъ сестры и дать себѣ—полную свободу жизни, еще молодой и горячей натурѣ „военнаго техника“ и будущаго „стратега“, въ условіяхъ простой, чистой, крестьянской жизни въ провинціи, и главнымъ образомъ, среди добрыхъ, неискушенныхъ красной политикой, гражданъ.

— Вы, оба, обсчитываете меня; мои расчеты несходятся... — заключивъ семейные денежные счеты, Людмила Рихардовна вопросительно взглянула на брата.

Но, Авдушъ, уклонился отъ прямого отвѣта сестрѣ; онъ, какъ-то, неестественно, быстро поднялся изъ-за стола

и поспѣшилъ выйти молча на кухню, куда, въ то время, вошелъ какой-то незнакомый человѣкъ, курьеръ съ почтой.

— Давиду Ильичу пакетъ! — радостно вскрикнулъ Авдушъ, и съ шумомъ влетѣлъ обратно въ столовую, къ супругамъ.

Людмила Рихардовна сквозь слезы улыбнулась и поспѣшила перенять пакетъ въ свои руки; а затѣмъ, весело взглянувъ на мужа, вскрыла конвертъ; положеніе Авдуша спасено случайностью.

— О, радость! — Дэзи назначенъ завѣдывающимъ статистикой въ „Ученомъ Комитетѣ"... — Спасибо, профессору Круксу!... — Старая дружба имъ не забыта, хотя и измѣнилъ свои Имперіалистическія идеи, отдавшись весь, по слабости характера, идеямъ вреднымъ для народовъ... — и она передала бумажку мужу.

Съ этихъ поръ въ семьѣ Казбегоровыхъ наступило сравнительное успокоеніе. Они, впервые за вѣсяцъ пребыванія въ Курскѣ, послѣ обѣда рѣшили сыграть въ троемъ и „пульку" въ веселомъ время препровожденіи, которая затянулась до нолуночи. А, на слѣдующій день, послѣ завтрака, Давидъ Ильичъ и Авдушъ, въ тревожномъ настроеніи, начали собираться каждый на свою „С.С.С.Р-овскую" службу.

Конечно, скрепя сердце, по необходимости, они оба дѣлали то, къ чему вынуждала ихъ обстановка и условія плѣненія; но при этомъ, — не попрямой своей спеціальности, а по обще—полезной, культурно просвѣтительной и экономической, стоя внѣ партій. Полковникъ Казбегоровъ на этотъ разъ одѣлся въ новенькій статскій костюмъ — тройку, подаренный ему „хлѣбопекомъ изъ Риги", взялъ портфель и шляпу въ руки, и только тогда, прощаясь съ Авдушемъ, преподалъ и ему нѣкоторыя „директивы" и „инструкціи", по секрету, военно—политическаго характера и какъ нужно дѣйствовать среди крестьянъ, что-бы хоть немного удерживать ихъ: отъ „красноты" и отъ привитія среди нихъ пагубной крайне лѣвой „сіонской" пропаганды. Юнкеръ Авдушъ Цепа принялъ порученія съ благодарностію за довѣріе, и былъ радъ случаю — доказать на дѣлѣ несуразность идей—ученія его „красныхъ противниковъ".

Оставшись-же на единѣ съ сестрой, они незабыли разрѣшить и нѣкоторые вопросы, связанные съ помощью родителямъ, оставшимся въ гибнувшемъ отъ голода и террора Витебскѣ. И, въ заключеніе. усаживаясь на крестьянскую телегу для выѣзда въ дорогу, Авдушъ все-же не удержался: открылъ сестрѣ свою „истинную душу“ брата, во всѣхъ ея житейскихъ подробностяхъ, до мелочи; а при денежныхъ расчетахъ, серьезно добавилъ:

— Сестрица! Мы, теперь, находимся въ плѣну, какъ и многая, многая россійская интелигенція и скрывающіеся офицеры. . .; будемъ политичны, и умѣримъ свое желаніе — математически контролировать во—всемъ другъ—друга: этимъ мы никакой реальности не достигнемъ. . . — Прости меня за откровенность. . . — До—свиданія! — Не-теряй надѣжды и вѣры въ „Провидѣніе“, и мы „ихъ“ изживемъ; такъ—какъ реальность, и сознательно—здоровое воспитаніе народовъ родной страны, должны быть только на національной почвѣ; къ этому—то и направимъ все свое вниманіе. . . Пожавъ другъ—другу руки, они, мирно, горячо разстались. „Буря семейнаго раскола“ прошла.

Только послѣ разговоровъ мужа съ братомъ и намековъ послѣдняго, Людмила Рихардовна ясно теперь поняла — съ какой опасностію для жизни сопряжена „невинная“ служба у „С.С.С.Р-овъ“ — „интернаціоналистовъ“, и насколько глубоко продумано тактическое поведеніе при этомъ мужа ея, генер. шт. полковника Казбегорова, и брата, юнкера Авдуша Цепы. Неожиданно, загорѣлась и у нея идея, — итти на помощь „своимъ близкимъ единомышленникамъ“, хотя-бы, въ посильной ей области. И первый ея анализъ былъ — ненормальное положеніе малыхъ народовъ въ „Великой, съ обширной територіей, Россіи“; коренные народы, которой, большой массой примкнули къ явившимся „чужимъ людямъ“, подъ флагомъ „С.С.С.Р-ъ“, и все—благодаря неправильному воспитанію, неправильному пониманію слова „народность“. — Слово „народность“ многими изъ нихъ понято и связано въ смыслѣ простонародья и его власти; но, надъ кѣмъ? на этотъ вопросъ, пожалуй, никто изъ нихъ несможетъ правильно отвѣтить, такъ какъ оно носитъ лишь громкую, но безсодержательную фразу. „Вообще-же, со словомъ „народность“ нужно связывать понятіе о народѣ лишь въ смыс-

лѣ націи, у которой есть и своя многовѣковая исторія, культура, бытъ. . ." — заключила Людмила Рихардовна.

Почерпывая отъ мужа и нѣкоторыя познанія изъ „военно-политической стратегіи", она, для акуратности своего дѣла, своевременно мѣняла въ городской милиціи свой и мужа документы о личности, а въ подтвержденіе ихъ, всегда прилагала и удостовѣреніе „ученаго комитета". И, такимъ образомъ, ея и ея мужа положеніе гражданскаго состоянія, для проформы, укрѣплялось ежемѣсячно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и, для „С. С. С. Р--овскаго" военнаго комиссаріата, Давидъ Ильичъ оставался неуязвимъ, продолжая нести спокойно свою „невинную службу ученаго статистика", удерживая отъ этого шага и многихъ — многихъ скрывающихся офицеровъ и молодыхъ людей изъ интелигенціи.

Мѣстная „красная" власть тогда-то и начала громъ и молнію метать при помощи своихъ „военныхъ спецовъ", изъ русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба и изъ офицеровъ „съ 2-хъ мѣсячнымъ курсомъ выпуска временъ Керенскаго", продавшихся „С. С. С. Р—амъ", быть можетъ, только изъ-за куска хлѣба, но красная „ихъ" армія все-же была въ то время еще сравнительно пуста, ничтожна. Былъ, дѣйствительно, удобный моментъ для рѣшительной, реальной, работы. Но „сознательная" россійская интелигенція и офицерство продолжали упорно „пассивно сопротивляться", прячась за спиной другихъ, по національному составу, народовъ, и надѣясь на кото-то?, который вотъ прійдетъ и освободитъ ихъ? . . . — И эта-то „историческая ошибка", ошибочно, быть можетъ, принятая и по психологическимъ свойствамъ, присущимъ широкимъ кругамъ общественности еще современи обѣихъ революцій 1917 года, и при этихъ условіяхъ немогла еще переубѣдить „сознательныхъ русскихъ гражданъ" въ необходимости — немедленной, рѣшительной, активной работы, самимъ взяться за „кузнечное ремесло" и ковать себѣ счастье жизни у себя — же дома, на родинѣ, среди своего-же многомилліоннаго великаго народа, оставленнаго на милость судьбы и на растерзаніе небольшой кучкой людей, изъ среды его-же молодого поколѣнія, обезумѣвшаго отъ угара „С. С. С. Р—овской" пропаганды. Какъ слѣдствіе всему, въ итогѣ, всѣ „благія начинанія" немногихъ но идейныхъ людей, и на сѣверѣ, и на югѣ въ Кубанскомъ

Краѣ и на востокѣ въ Сибирѣ, гибли для многомилліонныхъ массъ Руссіи.

Тогда какъ малые народы, но крѣпкіе и по-духу и по-своимъ національнымъ идеямъ, на законнѣйшемъ основаніи ковали для себя независимую отъ „краснаго ига“ будущность.

Оправдались-ли надѣжды — съ востока, съ сѣвера и съ юга? Немногимъ, конечно, удалось избѣгнуть той горькой участи судьбы, которая первой выпала на долю нѣкоторыхъ русскихъ интелигентныхъ гражданъ и офицеровъ — южанъ, неудачно бѣжавшихъ изъ армій сѣвернаго фронта, но застрявшихъ во многихъ мѣстахъ центральной Руссіи и въ гор. Курскѣ, въ плѣну у „С. С. С. Р—овъ“...

Провидѣнію угодно было послать нашимъ героямъ еще много, много испытаній, и благодаря только лишь тому, что въ массѣ другъ-друга непонимали.

Конецъ.

1932 г. г. Рига.

Слѣду[illegible] [illegible] [illegible]ходитъ черезъ [illegible]:
„Семья Г[illegible] [illegible]ника
Казбегорова [illegible] у С.С.С Р-овъ.“
„Со[illegible]еры“.

Замѣченныя опечатки:

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
11.	14.	Салдаты	Солдаты
16.	20,	другово	другого
21.	17.	арт.	арм.
35.	3.	витскому	вистскому
—	12.	дискритирова-	дискредитирова-
—	27.	потѣряна	потеряна
—	30.	сѣднаго	сѣдняго
—	36	большевитска-	большевистска-
37.	8.	неевѣроятнымъ	невѣроятнымъ
38.	18.	отвѣпила	отвѣтила
40.	25.	сравнивнивала	сравнивала
43.	15.	руку	руки
44.	11.	абласти	области
50.	32.	Рига I	Рига I.
51.	31.	сухаряли	сухарями
52.	19.	одна	одна,
—	20.	провожатыхъ	провожатыхъ,
56,	19.	личное	лично
62.	3.	возвыыенномъ	возвышенномъ
64.	27.	иа	на
—	29.	ули-	улы-
65.	16.	кафе	кофе
—	22.	услуживы	услужливы
—	30.	"амъ	"омъ
—	—	Кружомъ	Круксомъ
66.	2.	разговоривая	разговаривая
—	16.	иевзгодъ	невзгодъ
—	25.	малъ	молъ,
—	34.	не составилъ	не составитъ
—	37.	тамъ	самъ
79.	19.	къ обѣзду	къ объѣзду
—	34.	брунеткой	брунеткой,
80	13.	Если	Есть
82.	13.	нярывъ	нарывъ
97.	27.	сомъ	домъ
—.	35.	ятио,	ятно.
—	37.	„отварища"	„товарища"
—	38.	ковъ-Цепу,	ровъ-Цепу,
—	39.	ръ	къ
100	14.	Накопецъ,	Наконецъ,
—.	28.	и не посильныхъ	и непосильныхъ
107	10.	рѣшилъ донести	срочно донести
—.	18.	Господа	Господа,
110.	30.	ловшie	лѣвшie
—	—	частей	частей
—	31.	тра-еицiей	дра-дицiи
111.	12.	обѣщапнаго	обѣщаннаго
113.	8.	п мощика	помощника
114	16.	прежняго	прежняго,
—	29.	подходить	подходить,
—	34.	тяжесть	тяжесть,
—	—	бросиль	бросилъ
115.	16.	спокойно	спокойно'

Страница.	Строка сверху.	Непечатано.	Слѣдуетъ.
116.	7	Скудный	Скудный,
—	21.	широ	широко
—	29.	конечно	конечно,
—	33.	бригады.	бригаоы,
—	34.	полосѣ и	полосѣ и,
117.	36.	лучше	лучше,
119.	28.	понимаю	понимаю;
120.	21.	доплываемъ	доплывемъ
—	24.	деньщикамъ	денщикамъ
121.	11.	смѣясь	смѣясь,
123.	5	бехъ	безъ
—	16.	вѣтерь.	вѣтеръ,
—	29.	самъ	самъ,
124.	34.	Я	Я,
—	40.	дѣти	дѣти, —
125.	30.	челввѣкъ	человѣкъ
126	1.	обартно	обратно,
—	6.	аккура-	акура-
—	13.	аккуратность	акуратность
—	15.	полуночи	полуночи,
127	14.	снѣга	снѣга,
—	35.	хаозъ	хаосъ
128.	3.	Станціонныя	Станціонные
—	11.	люди	люди,
—	22.	Имѣйте только	Имѣйте, только,
130.	15.	-рацій	-рацій,
—	16.	впослѣдствіи	впослѣдствіи,
—	29.	небыло,	небыло;
131	3.	старыхъ	старыхъ,
—	36.	не правится	не нравится
132.	24.	объяснилисъ	объяснились
—	35	и по болѣзни	и, по-болѣзни,
133	10.	плана	плана,
—	11.	и вернувшись	и, вернувшись
—	37	праздниковъ съ	праздниковъ—съ
136.	26.	послущное	послушное
—	36.	онъ	онъ,
137.	9.	аккуратенъ	акуратенъ
—	15.	енъ быстро	онъ быстро
—	20.	службы	службы,
139.	31.	комиссаровъ“	комиссаровъ“,
140.	2.	прн	при
—	14.	Но	Но,
—	25.	порекрестился,	перекрестился,
141.	19.	И онъ	И, онъ,
147.	6.	Не топорясь,	Не торопясь,
—	9.	а на первой-же	а, на первой же
148.	29.	удостовѣреніе онъ,	удостовѣреніе, онъ
—	40.	споковно.	спокойно.
149.	27.	видна	видна,
150.	7.	аккуратно	акуратно
151.	27.	Оиа	Она
153.	26.	Но вдругъ	Но вдругъ,
156.	1.	да онъ	да онъ,
—	13.	его.	его,
163	27.	„его“,	„его“,
—	36.	на встрѣчу	навтрѣчу
164.	6.	— Вотъ	— Вотъ,

Страница.	Строка свевху.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
—	7.	и своей	о своей
—	32.	Ты меня	Ты, меня,
165.	30.	помощъ	помощь
166.	28.	интелигенціи	интелигенціи,
—	34.	народы	народы,
168.	11.	разложеные	разложены
174.	21.	на иогѣ	на югѣ
1/7.	9.	языкъ	языкѣ
188.	7-8.	атказывались нохожій	отказывались похожій
190.	11.	Люомила	Людмила
—	33.	незаметно,	незамѣтно,
191.	24.	пужно	нужно
195.	17.	уничтожаетъ	уничтожаютъ
199.	5.	, вѣдь нѣтъ	, вѣдь, нѣтъ
—	8.	на улицу	на улицу,
—	33.	тыхо	тихо
—	36.	заботи-	заботит-
201.	3.	состоитъ	состоитъ.
—	28.	на полъ,	на полъ.
204.	27.	прочемъ	прочимъ
206.	3.	До досвиданія!	До свиданія!
—	8.	, очевионо,	, очевидно,
—	26.	на встрѣчу и	навстрѣчу и,
207.	16.	молъ	молъ,
—	19.	и клечета...	и клевета...
—	20.	свидѣтелъство	свидѣтельство
—	24.	, пока	, пока,
—	28.	возвалилъ	возразилъ
—	35.	знаю	знаю,
208.	6.	„шкуку“	„шкуру“
—	16.	и онъ	и, онъ,
—	24.	аккуратная,	акуратная
210.	24.	скоро	быстро
=	25.	городъ	городъ,
—	38.	удемъ...	идемъ...
—	40.	-рѣвшее	-пѣвшее
211.	23.	онъ бѣдняга и	онъ, бѣдняга, и
217.	6.	помщь...	помощь...
219.	25.	прислущнваясь	прислушиваясь
—	26.	свободно	свободно,
221.	18.	меня	меня,
224.	23.	появившихся	появившимся
226.	8.	мѣсяць	мѣсяцъ.
—	27.	произчеденъ	произведенъ

ЦѢНА am. doll. 1.—
Кромѣ того 10% пересылка